

10 335/2

1963 №7-9

ქართული
ენების
აქადემია

литературная Грузия

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ ● ГОД ИЗДАНИЯ СЕДЬМОЙ

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Об очередных задачах идеологической работы партии. Постановление Пленума ЦК КПСС по докладу се- кретаря ЦК КПСС тов. Ильичева Л. Ф. 21 июня 1963 года	3
ХУТА БЕРУЛАВА. Из любви к людям. Стихи. Пере- вод с грузинского С. Куняева	12
ГЕОРГИЙ НАТРОШВИЛИ. Ты помнишь, солдат... Рассказ. Перевод с грузинского Э. Елигула- швили	13
ТАМАЗ ЧИЛАДЗЕ. Неба не было видно. Прощание со сказками. На солнце и земле. Приду к тебе. Стихи. Переводы с грузинского С. Куняева и Ю. Мориз	17
ОРДЭ ДГЕБУАДЗЕ. Королева утренней зари. При- ключенческая повесть. Перевод с грузинского М. Эсакия. Продолжение	19

ПУБЛИЦИСТИКА

АНДРЕЙ АГЛАДЗЕ. В борьбе за ленинский план по- строения партии	37
ГЕОРГИЙ ЛЕОНИДЗЕ. Владимиру Маяковскому. Стихи. Перевод с грузинского Е. Винокурова	43
КАЛЕ БОБОХИДЗЕ. Тот год я помню... Стихи. Пере- вод с грузинского Г. Павловской	45
СИМОН ЧИКОВАНИ. Из воспоминаний	46
КОНСТАНТИН ЛОРДКИПАНИДЗЕ. Первая встреча	49
БЕСО ЖГЕНТИ. Вечно живой	50
ВЛАДИМИР МАЧАВАРИАНИ. Революцией мобили- зованный и призванный	55
КИРИЛЛ ЗДАНЕВИЧ. Страничка прошлого	61

См. на обороте

И Ю Л Ь

1 9 6 3

НИНА ТАБИДЗЕ. Встречи с поэтом	62
КОНСТАНТИН ПИПИНАШВИЛИ. Образ Маяков- ского на экране	64
ВИЛЬ ОРДЖОНИКИДЗЕ. Сумерки. Новелла	67
Г. БЕБУТОВ. Багдади — Маяковский	69
ДМИТРИЙ ТУХАРЕЛИ. Еще одна книга о жизни Маяковского в Грузии	73

ИСКУССТВО

<u>КЕТЕВАН БАГРАТИШВИЛИ</u> . Шалва Кикодзе	75
---	----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ГУРАМ ГВЕРДЦИТЕЛИ. На службе современности	79
СВЕТЛАНА КОШУТ. О мужестве и героизме совет- ского человека	83

В МИРЕ НАУКИ

ВЛАДИМИР АСАТИАНИ. Человек в горах	87
--	----

Редактор **МИХАИЛ МРЕВЛИШВИЛИ**

Редакционная коллегия:

И. АБАШИДЗЕ, Б. ГАСС (ответственный секретарь),
Э. ЕЛИГУЛАШВИЛИ (заместитель редактора), **М. ЗЛАТКИН,**
А. КУЗЬМИЧЕВ, В. МАЧАВАРИАНИ, Р. ТВАРАДЗЕ, Э. ФЕЙГИН,
Н. ЧАВЧАВАДЗЕ, Д. ШЕНГЕЛАЯ.

Адрес редакции: Тбилиси, 7. Улица Махарадзе 14, телефон 3—44—08.

ОБ ОЧЕРЕДНЫХ ЗАДАЧАХ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ ПАРТИИ

Постановление Пленума ЦК КПСС по докладу секретаря ЦК КПСС тов. Ильичева Л. Ф.

21 июня 1963 года

Пленум Центрального Комитета КПСС с удовлетворением отмечает, что, осуществляя решения XXII съезда, Программу КПСС, советский народ добился крупных успехов во всех областях материального производства, общественной и духовной жизни.

Главный итог деятельности партии состоит в том, что за годы Советской власти социализм в нашей стране победил полностью и окончательно, воспитывается человек коммунистических идеалов и высоких моральных принципов, мировоззрение миллионов людей впервые в истории формируется на научной основе марксизма-ленинизма; советский народ имеет теперь конкретный научно обоснованный план построения коммунизма.

Этот итог знаменует подлинное торжество марксизма-ленинизма — верного и надежного компаса в исторической борьбе трудящегося человечества против капиталистического рабства, за победу коммунистических идеалов.

Руководствуясь марксистско-ленинским учением, народы нашей страны сумели не только взять власть в свои руки, отстоять завоевания социалистической революции, преодолеть вековую отсталость, но и в кратчайшие исторические сроки доказать неоспоримые преимущества социализма перед капитализмом в решающей сфере жизни общества — в сфере материального производства. Теперь уже недалеко то время, когда СССР превзойдет США как по абсолютному объему промышленного производства, так и по объему производства промышленной продукции на душу населения.

Решающие успехи советского народа в коммунистическом строительстве, достижения всех народов социалистических стран создали качественно новую расстановку классовых сил на мировой арене, когда империализм уже не может сокрушить социализм военным путем и когда он терпит одно поражение за другим в экономическом соревновании двух систем.

Теперь правящие круги империалистических стран, не отказываясь от других форм борьбы против социализма, делают главную ставку на идеологические диверсии в отношении социалистических государств, на оголтелый антикоммунизм. Под флагом антикоммунизма империалисты проводят экономическую и политическую дискриминацию стран социалистической системы, лихорадочно раздувают гонку вооружений. Всеми средствами они пытаются перенести «войну идей» в социалистические страны. Под прикрытием лозунга мирного сосуществования идеологий они пытаются протащить в наше общество лживые концепции «беспартийности» искусства, «абсолютной свободы творчества», безыдейности и аполитичности, «конфликта поколений», разложить идейно неустойчивых людей.

Проповедь мирного сосуществования идеологий есть измена марксизму-ленинизму, предательство дела рабочих и крестьян.

Чем больше возрастает экономическое и политическое могущество социалистических стран, чем глубже кризис мирового капитализма, чем сильнее обостряется классовая борьба на мировой арене, тем более возрастает роль марк-

систско-ленинских идей в сплочении и мобилизации масс на борьбу за коммунизм.

КПСС считает своей первейшей обязанностью перед советским народом, своим интернациональным долгом перед трудящимися всего мира вести непримиримую наступательную борьбу с человеконенавистнической империалистической идеологией, ограждать трудящихся от ее глетворного влияния, еще активнее приобщать массы к великим идеям коммунизма, постоянно заботиться о чистоте марксистско-ленинского учения, его развитии и обогащении.

КПСС совместно с братскими марксистско-ленинскими партиями разработаны важнейшие проблемы мирового освободительного движения, развернута решительная борьба против буржуазной идеологии, а также против ревизионизма, догматизма и сектанства.

Разработка великого плана построения коммунизма в СССР и создание условий для претворения его в жизнь были подготовлены всем предшествующим развитием советского общества, особенно крупнейшими социально-экономическими мероприятиями, осуществленными партией за последнее десятилетие. Развенчав на своем XX съезде культ личности И. В. Сталина и отбросив его, партия покончила с нарушениями ленинских норм партийной и государственной жизни, субъективизмом и догматизмом в экономике, политике и идеологии, открыла широкий простор инициативе и активности народных масс.

Прошедшее десятилетие ознаменовалось выдающимися достижениями советского народа в развитии промышленности и сельского хозяйства, глубокими революционными преобразованиями в руководстве всеми отраслями экономики, творческой разработкой коренных проблем строительства коммунизма, многогранной деятельностью партии по коммунистическому воспитанию трудящихся. Еще более упрочились единство советского общества, союз рабочих и крестьян, дружба народов СССР, нового расцвета достигла социалистическая демократия. Большие успехи одержала активная и гибкая ленинская внешняя политика нашего государства — политика мира и дружбы между народами. В прошедшее десятилетие стала особенно творческой и плодотворной теоретическая деятельность партии. Наиболее полное воплощение она получила в решениях XXII съезда и Программе КПСС.

Осуществляя научное руководство развитием общества, партия на всех этапах своей деятельности уделяла и уделяет неослабное внимание творческому применению и развитию марксизма-ленинизма, идеологической работе, постоянно приводит содержание, формы и методы руководства идейно-воспитательной работой в соответствие с социально-экономическими изменениями в жизни общества, созидательными задачами советского народа.

Партия ведет активное наступление на всех фронтах коммунистического строительства. Идеологический фронт — один из важнейших в борьбе за победу коммунизма.

Вступление нашей страны в период развернутого строительства коммунизма, расширение фронта революционного, национально-освободительного движения, обострение борьбы буржуазной и коммунистической идеологий на мировой арене обуславливают новый этап в идеологической работе партии.

Проблема воспитания нового человека — гражданина коммунистического общества нерасторжимо связана с борьбой против буржуазной идеологии, с пережитками прошлого в сознании советских людей. Преодоление пережитков прошлого — не задача отдаленного будущего, это задача, которую надо решать сегодня всеми средствами, имеющимися у нашей партии, у всех советских и общественных организаций.

Главная задача идейно-воспитательной работы партии в современных условиях — идеологически обеспечить претворение в жизнь Программы КПСС, создание материально-технической базы коммунизма, формирование коммунистических общественных отношений, воспитание нового человека; вышарить политическую бдительность, вести развернутое наступление против империалистической идеологии, против пережитков прошлого в сознании людей.

Основой воспитания масс в духе коммунизма являются бессмертные творения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, Программа КПСС, документы нашей партии. Необходимо добиваться, чтобы каждый трудящийся, и в первую очередь, каждый коммунист, усвоил цели, сформулированные в Программе партии, активно боролся за их осуществление.

Для решения задач коммунистического воспитания трудящихся советское общество располагает всеми необходимыми условиями. Однако эти условия многими партийными, государственными и общественными организациями используются далеко не достаточно.

До сих пор еще не преодолены отрыв идеологической работы от жизни, формализм, стремление оценивать ее результаты только по количеству проведенных

мероприятий. В идейно-политической работе не всегда учитываются уровень подготовки, национальный и возрастной состав трудящихся, значительные слои рабочих, колхозников и служащих не охватываются постоянным идейным влиянием. Неудовлетворительно проводится массово-политическая работа во многих сельских районах. Серьезные недостатки имеются в воспитании молодежи. В ряде республик, краев и областей ослаблена работа среди женщин, не преодолены пережитки феодально-байского отношения к женщине.

Многие партийные, профсоюзные, комсомольские организации не ведут повседневной борьбы за то, чтобы принципы морального кодекса строителя коммунизма стали нормой поведения каждого советского человека, слабо мобилизуют массы на решительное наступление против пережитков прошлого в сознании и поведении людей. Туеяддцы, стяжатели, воры, спекулянты, бюрократы — это последнее прибежище чуждой нам идеологии и морали. Против них необходимо вести беспощадную борьбу, используя всю мощь общественного воздействия и всю силу советских законов.

Некоторые партийные комитеты слабо организуют и проверяют выполнение директив партии и правительства по вопросам коммунистического воспитания трудящихся, не анализируют содержание работы идеологических учреждений, творческих союзов, издательств, газет, журналов, радио, телевидения, плохо координируют их деятельность, мирятся с серьезными промахами и ошибками в идеологической работе, проявляют беззаботность к вопросам марксистско-ленинской закалки кадров.

В последние годы КПСС осуществила ряд важных мер по совершенствованию партийного и государственного руководства сельским хозяйством, промышленностью и строительством. Мероприятия по улучшению руководства идеологической деятельностью — логическое продолжение этих глубоких преобразований. Создание коммунистической экономики и культуры, воспитание нового человека требуют дальнейшего совершенствования организационных форм идеологической работы, творческого использования новых методов и средств идейно-политического влияния на массы, усиления партийного руководства идеологическими процессами.

Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза постановляет:

I

Сосредоточить усилия партии, государственных органов, профсоюзов, комсомола и всех других общественных организаций на следующих **основных направлениях** идеологической работы, отвечающих современному этапу строительства коммунизма в СССР и классовой борьбы на международной арене:

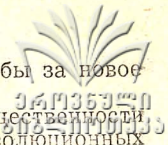
- формирование коммунистического мировоззрения трудящихся, преодоление пережитков прошлого в сознании и поведении советских людей;
- трудолюбивое воспитание активных и сознательных строителей коммунизма;
- повышение образованности и культуры народа;
- воспитание народа в духе советского патриотизма и социалистического интернационализма; решительная борьба против антикоммунизма, всех форм буржуазной идеологии.

Советский патриотизм по существу своему интернационален и несовместим с тенденциями к национальной ограниченности, в какой бы форме они ни проявлялись. Любовь всех народов СССР к своей многонациональной Родине органически сочетается с чувством уважения и братской дружбы к народам других социалистических стран и трудящимся всего мира.

Воспитание советского патриотизма, любви к нашей социалистической Родине, к великой Коммунистической партии Советского Союза — важнейшая, первоочередная задача идеологической работы. Советские люди испытывают патристическую гордость за свою прекрасную Родину, за свою великую ленинскую партию. Они глубоко осознают все, что создано в нашей стране, — создано их руками, самоотверженным трудом народа, ценой больших усилий и напряжения энергии.

Поэтому у них не могут не вызывать возмущения всякого рода обыватели, лодыри, рвачи, туеяддцы, которые с усердием черпают из чаши народного богатства, ничего не давая обществу. Советские люди не могут понять тех, кто теряет достоинство советского гражданина, кто не замечает гигантских свершений народа, героического в нашей жизни, готов очернить все, что дорого трудящимся, завоевано их потом и кровью, что составляет нашу силу и славу.

Советский народ, наша партия не могут согласиться с теми, кто с кислой гримасой встречает изображение светлых сторон нашей жизни, кто накладывает ярлык «лакировщика» деятелям литературы и искусства, отображающим высо-

кую и благородную правду нашей жизни, героинку и романтику борьбы за новое общество.

Необходимо улучшить работу партийных организаций, всей общественности по воспитанию советских людей, особенно молодежи, на славных революционных традициях Коммунистической партии, рабочего класса и трудящегося крестьянства, в духе гордости за великие свершения советского народа, чести и достоинства гражданина Страны Советов, постоянной готовности встать на защиту социалистического Отечества.

Пленум обязывает партийные организации усилить работу по воспитанию трудящихся в духе социалистического **интернационализма**, укреплять братскую дружбу народов Советского Союза — величайшее завоевание социализма, активно содействовать взаимообогащению культур народов СССР, вести непримиримую борьбу против любых проявлений национализма: местничества, проповедя национальную исключительности и обособленности, идеализации прошлого, восхваления реакционных традиций и обычаев. Национализм по своей природе враждебен социализму, марксистско-ленинскому мировоззрению, дружбе народов, противоречит объективному процессу развития и сближения социалистических наций.

Укрепление экономической мощи и рост обороноспособности Советского Союза, всех социалистических стран и, прежде всего, их хозяйственные успехи, достижения науки и техники, небывалое по силе антиколониальное национально-освободительное движение угнетенных народов, добившихся выдающихся побед, успехи международного коммунистического движения изменили соотношение сил на мировой арене в пользу мира и социализма, в ущерб силам империализма и войны.

КПСС и Советское правительство неуклонно и последовательно проводят ленинскую политику мирного сосуществования государств, независимо от их социального строя, политику мира и дружбы между народами. Эта политика находит свое выражение, в частности, в активной борьбе Советского Союза, других социалистических государств за всеобщее и полное разоружение, за запрещение ядерного оружия и его уничтожение.

Мирнолюбивой линии Советского Союза и других социалистических государств лагерь империализма противопоставляет все более подстегиваемую гонку вооружений, политику обмана народов, политику агрессии и международной провокации.

КПСС и Советское правительство исходят из того, что в современных условиях война не является неизбежной, что объединенными усилиями социалистических государств, мощным разворотом борьбы рабочего класса, крестьянства, интеллигенции, всех миролюбивых сил войну можно предотвратить. Однако партия и весь советский народ не могут не учитывать, что, пока существует империализм, остается и почва для агрессивных войн. Необходимо считаться с тем, что политика империализма может привести к развязыванию его наиболее агрессивными и авантюристическими силами мировой термоядерной войны, поэтому от народов требуется особенно высокая бдительность.

Чтобы не быть застигнутым врасплох, Советское государство делает и будет делать все необходимое для дальнейшего укрепления оборонной мощи страны, для воспитания всего народа, его доблестных Вооруженных Сил в духе преданности социалистической Родине, великим идеалам коммунизма. Нужно и впредь всемерно повышать техническую оснащенность армии и флота, совершенствовать военное мастерство, боевую готовность и идейную закалку советских воинов, их готовность в любой момент выполнить свой священный долг по защите Родины.

Партийным, комсомольским, профсоюзным и другим общественным организациям следует воспитывать всех советских людей в духе любви и уважения к славным Вооруженным Силам Советского Союза, окружить постоянным вниманием и заботой советских воинов, помня, что укрепление безопасности нашей Родины, могущества Советской Армии и Военно-Морского Флота — кровное дело всего нашего народа.

Пленум обращает особое внимание партийных, государственных и общественных организаций на необходимость повышать политическую бдительность против идеологических диверсий империализма, против его попыток идейно и морально разоружить советских людей.

Следует ярче и убедительнее раскрывать величие и торжество идей марксизма-ленинизма, грандиозные достижения бурно развивающегося социализма, его все более очевидные и неоспоримые преимущества перед отжившей свой век капиталистической системой, находящейся в состоянии агонии и разложения. Необходимо лучше организовать внешнеполитическую информацию и координа-

ровать деятельность учреждений, осуществляющих культурные связи с зарубежными странами.

Сердцевину идеологической работы партии, Советов, профсоюзов, комсомола должно составлять воспитание у каждого советского человека **любви и уважения к общественно полезному труду.**

Надо воспитать у каждого труженика ясное понимание того, что обеспечение высшей производительности труда — всенародная задача, главное условие построения коммунизма; широко развивать социалистическое соревнование, внедрять передовой опыт, окружить почетом и уважением героев труда, бороться против бюрократического отношения к творческому почину трудящихся; поднять все силы общественности на борьбу против туеядцев, пьяниц и лодырей.

Пленум придает важное значение дальнейшему развитию движения за коммунистический труд, в котором органически сочетаются борьба за высокую производительность труда, за овладение новой техникой, стремление к знаниям, новые отношения между людьми, утверждение в жизни морального кодекса строителя коммунизма.

Всеми силами идейного воздействия необходимо воспитывать коммунистическое отношение к **общественному богатству**, вытравливать существующий у некоторых людей взгляд на общественную социалистическую собственность, как на чужое, казенное, воспитывать стремление приумножать богатства Родины, выпускать продукцию высокого качества, снижать ее себестоимость, вести непримиримую борьбу против безхозяйственности и расточительства, против фактов очковитательства, неуважения к принятым обязательствам, развертывать коммунистическую критику и самокритику.

Надо повседневно воспитывать советских людей в духе **коллективизма** — одного из основных устоев социализма и коммунизма, всемерно повышать воспитательную роль коллектива.

Предложить партийным комитетам и первичным парторганизациям обеспечить неразрывную связь **агитационно-массовой работы** с конкретными задачами коллективов промышленных предприятий и строек, колхозов, совхозов и учреждений, изгонять формализм, бездушие и казенщину, вести политическую работу дифференцированно среди различных слоев населения, воспитывать всех членов коллектива на лучших образцах труда, широко распространять опыт передовых рабочих и колхозников, развивать чувство товарищества и взаимопомощи людей.

Труд и быт — неразрывные составные части коммунистического образа жизни. Пленум предлагает всем партийным комитетам, местным Советам депутатов трудящихся, профсоюзам, комсомолу развернуть борьбу за укрепление коммунистического быта, за его высокую культуру, за изгнание из нашего быта и семейных отношений всех пережитков прошлого.

Вести настойчивую борьбу против религиозных пережитков, шире развернуть научно-атеистическую работу. Движение за коммунистический труд нужно на деле соединить с движением за коммунистические отношения в быту.

Пленум предлагает партийным комитетам и парторганизациям усилить внимание к вопросам быта трудящихся, организации их культурного досуга, к деятельности культурно-просветительных учреждений — опорных пунктов воспитательной работы партийных организаций. Неустанно внедрять физическую культуру в быт, рассматривая физическое воспитание, особенно в школе, как важнейшее средство сохранения и укрепления здоровья и трудоспособности советских людей, моральной стойкости и воли, здорового и культурного досуга. Обратит внимание партийных комитетов и советских органов на необходимость покончить с запущенностью культурно-просветительной и спортивной работы во многих населенных пунктах, особенно на селе и в районах новостроек.

Воспитание всего советского народа в духе коммунистической сознательности, формирование у всех советских людей научно-материалистического мировоззрения требует всемерного развития изучения коммунистами и беспартийными **марксистско-ленинской теории.** Изучение марксистско-ленинской теории надо вести в неразрывной связи с жизнью, добиваться, чтобы полученные знания помогали трудящимся достигать лучших результатов в производстве, способствовали утверждению коммунистических общественных отношений и коммунистической морали в жизни советского народа.

Пленум считает необходимым повысить роль **науки** в формировании коммунистического мировоззрения, в идейно-научном воспитании народа. Советская наука должна занять передовые позиции в мировой науке во всех областях знания, наука должна приобщать трудящихся к научно-техническому творчеству. Почетный долг советских ученых — нести знания в массы.

Важнейшие задачи работников **общественных наук** — обобщать живую практику и исторический опыт масс в борьбе за построение коммунизма, смело, твор-

чески развивать революционную теорию, бороться за ее идейную чистоту; проводить творческие дискуссии по основным философским, экономическим, историческим, правовым и другим проблемам науки.

Следует уделить особое внимание комплексному изучению проблем перерастания социализма в коммунизм, повышения производительности труда, активизировать работу в области научной организации управления и планирования народного хозяйства.

Наши ученые должны глубже анализировать процессы борьбы двух противоположных мировых систем, крушения капиталистического строя, подъема революционного рабочего и национально-освободительного движения, изучать пути и формы дальнейшего укрепления единства стран социалистического содружества, общие закономерности их развития.

Овладение революционной теорией рабочего класса и всех трудящихся — марксизмом-ленинизмом — дает возможность понять закономерности общественного развития, политику партии, пути движения к коммунизму, быть активным и сознательным творцом новой жизни.

Поэтому для успешного решения идеологических задач партии необходимо улучшать организацию пропаганды марксизма-ленинизма — решающего звена всей идеологической работы, повышать ее идейный уровень и совершенствовать формы политического просвещения масс.

Особое внимание партия считает нужным уделять дальнейшему развитию у коммунистов и беспартийных живого интереса к глубокому овладению марксистско-ленинским учением. При этом партия решительно выступает против административного и формалистского подхода в организации политического просвещения, против декларативности и начетничества в партийной пропаганде. Пленум отмечает, что имеющаяся на местах недооценка метода самообразования в политической учебе снижает ее действенность, наносит серьезный ущерб росту идейного уровня коммунистов и беспартийных. Нужно на деле перенести центр тяжести на самостоятельное изучение теории, до конца преодолеть отрыв пропаганды от жизни, от конкретных задач коммунистического строительства. Политическая учеба должна строиться с учетом уровня подготовки, характера деятельности, интересов коммунистов и беспартийных, принципа добровольности в выборе форм обучения.

Пленум считает, что постоянное и глубокое изучение экономической теории руководящими кадрами, рабочими и колхозниками имеет особое значение для повышения их активности в борьбе за использование резервов роста производительности труда, снижения себестоимости продукции, улучшения ее качества, является важным средством совершенствования организации труда, дальнейшего расширения участия трудящихся в управлении производством.

Пленум обязывает партийные комитеты и впредь развивать такие массовые формы политической и производственной пропаганды, как школы коммунистического труда и передового опыта, школы мастеров, народные университеты, лектории.

Обязать партийные комитеты решительно улучшить дело подбора и воспитания кадров пропагандистов, постоянно оказывать им квалифицированную помощь, специализировать их по профилям работы, покончить с вредной практикой перегрузки пропагандистов другими общественными поручениями, всемерно поощрять их благородный труд. Признать необходимым осуществлять меры по улучшению подготовки и переподготовки идеологических кадров партии.

В целях усиления партийного контроля за качеством лекционной пропаганды, улучшения работы с пропагандистами иметь в обкомах, крайкомах, горкомах партии, партийных комитетах производственных колхозно-совхозных управлений, промышленно-производственных парткомах небольшие группы штатных лекторов, объединяющих вокруг себя широкий круг внештатных квалифицированных пропагандистов, работающих на общественных началах. Обратит внимание на использование в этой работе организации всесоюзного общества «Знание».

В современных условиях особо важное значение в коммунистическом воспитании народа имеют **печать, радио, кино и телевидение** — ударные силы идеологического фронта.

Считать основными задачами печати, радио, кино и телевидения: формирование у советских людей марксистско-ленинского мировоззрения и коммунистической морали; систематическое и глубокое освещение работы партии и всего советского народа по выполнению народнохозяйственных планов, повышению производительности труда, улучшению партийного руководства производством, проблем культурного строительства; развертывание острой и принципиальной критики и самокритики, направленной против косности, бюрократизма, расточительства, тушеводства и других антиобщественных явлений, широкое распространение положительных примеров.

Признать целесообразным осуществить меры, обеспечивающие возможность достаточно полного освещения вопросов хозяйственного и культурного строительства в ведущих центральных газетах; реорганизовать сеть центральных и местных издательств, имея в виду ликвидацию ведомственности и местничества в издании книг, создание крупных специализированных издательств.

Пленум ЦК КПСС подчеркивает, что в воспитании нового человека, в формировании коммунистической культуры огромное значение имеет дальнейшее развитие **литературы и искусства**.

Пленум горячо одобряет идеи и положения, сформулированные в выступлениях товарища Н. С. Хрущева на встречах с творческими работниками, выражающие ленинский курс нашей партии в области литературы и искусства, заботу партии об их дальнейшем расцвете.

Поддерживая все истинно ценное, отражающее стремление художника раскрыть в ярких образах запечатлеть грандиозные свершения эпохи строительства коммунизма, величие подвигов советского человека, партия будет и впредь вести бескомпромиссную борьбу против любых идейных шатаний, проповеди мирного сосуществования идеологий, против формалистического трюкачества, серости и ремесленничества в художественном творчестве за партийность и народность советского искусства — искусства социалистического реализма.

Пленум обязывает ЦК Компартий союзных республик, крайкомы, обкомы, горкомы партии активизировать идейно-воспитательную работу в творческих организациях, воспитывать каждого художника стойким идейным борцом за коммунизм, сознающим свою ответственность перед народом, всемерно содействовать укреплению связи деятелей искусства с жизнью народа, с практикой коммунистического строительства. Считать важной задачей деятелей литературы и искусства создание ярких произведений для детей и юношества.

Следует уделять первостепенное внимание **общеобразовательной подготовке** детей и взрослого населения; расширять вечернее и заочное образование, поощрять занятия в народных университетах культуры, распространять научно-технические знания.

Пленум отмечает, что работа, проведенная в соответствии с Законом об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР, уже дала большие положительные результаты. Улучшилось трудовое воспитание учащихся, усилилось стремление молодежи к овладению производственными навыками, сделан большой шаг в деле приближения школы к жизни.

Вместе с тем все еще не преодолены серьезные недостатки в постановке производственного обучения и профессиональной подготовки учащихся; некоторые хозяйственные, партийные и советские организации, органы народного образования безответственно относятся к этому важному делу, в результате чего производственное обучение нередко превращается в бесполезную трату времени.

Пленум считает неправильными попытки некоторых работников народного образования ограничить задачу школы лишь обучением, искусственно разорвать органическое единство процесса обучения и воспитания. Пленум обращает внимание на серьезное отставание педагогической науки в разработке проблем обучения и коммунистического воспитания учащихся.

Обязать ЦК Компартий союзных республик, краевые и областные комитеты партии, органы народного образования обеспечить последовательное и полное выполнение Закона об укреплении связи школы с жизнью, привести обучение в соответствие с современными научно-техническими достижениями, улучшить антирелигиозное и эстетическое воспитание детей, устранить перегрузку учащихся и добиваться повышения качества их знаний, прекращения отсева учеников из школы. Потребовать от партийных и хозяйственных организаций, органов народного образования коренного улучшения производственного обучения.

Пленум подчеркивает, что верной опорой партии в борьбе за подъем культуры народа ее самым близким помощником в воспитании нового человека является народный учитель. Отсутствие в ряде мест должной заботы об учителе, его идейно-политическом и профессиональном росте, материально-бытовом устройстве, недооценка высокой общественной роли учителя несовместимы с политикой партии.

Задача высшей и средней специальной школы — подготовка высококвалифицированных специалистов для народного хозяйства науки и культуры, формирование у них марксистско-ленинского мировоззрения и коммунистической сознательности, воспитание высоких гражданских качеств. Необходимо устранить имеющиеся недостатки в организации производственной практики, отводить больше времени на самостоятельную учебную и научную работу студентов, ликвидировать отставание содержания учебных программ и учебников от современного уровня науки и техники.

Министерству высшего и среднего специального образования СССР разра- ботать предложения, предусматривающие дальнейшее совершенствование си- стемы и методов обучения и воспитания, улучшения преподавания общественных наук в высших учебных заведениях как основы формирования коммунистиче- ского мировоззрения учащихся, овладение новейшими достижениями науки и техники и передовым опытом производства, развитие научных исследований в высших учебных заведениях.

Пленум обязывает Государственный комитет по профессионально-техниче- скому образованию при Госплане СССР устранить крупные недостатки в про- фессиональном обучении, привести всю систему подготовки рабочих кадров в соответствие с современным уровнем развития народного хозяйства, принять ре- шительные меры по улучшению воспитательной работы среди учащихся.

II

В период развернутого строительства коммунизма возрастает руководящая роль партии, повышается ее ответственность за коммунистическое воспитание всех советских людей.

Партийные комитеты и парторганизации должны глубоко вникать в содер- жание идейно-воспитательной и культурно-просветительной работы на всех про- мышленных предприятиях, в колхозах и совхозах, в деятельность творческих организаций, учреждений науки, народного образования, культуры, обеспечивать единство организаторской и идеологической работы. Необходимо совершенство- вать организацию, методы и формы партийного руководства идеологической де- ятельностью.

Для коренного улучшения идеологической работы требуется, чтобы вопро- сами коммунистического воспитания людей, идейной закалки кадров повседневно занимались все партийные органы снизу доверху. Пленум обращает особое вни- мание на повышение роли и ответственности **первичных партийных организаций** за претворение в жизнь Программы и Устава КПСС, за коммунистическое воспи- тание людей, за осуществление принципов морального кодекса, повышение тру- довой и политической активности каждого советского человека.

Пленум осуждает кампанейский и декларативный, канцелярско-бюрократи- ческий стиль в идеологической работе отдельных партийных комитетов. Необ- ходимо настойчиво развивать **ленинский стиль** в идеологической деятельности, соединяющий в себе высокую принципиальность, коммунистическую идейность, непримиримость к враждебной идеологии, творческое применение и развитие революционной теории, единство теории и практики, убеждение масс и их орга- низацию на решение насущных задач коммунистического строительства. Пленум ЦК КПСС требует от всех руководящих работников постоянного личного участия в идеологической работе.

Пленум обязывает партийные, профсоюзные, комсомольские и другие об- щественные организации более активно использовать в идеологической работе критику и самокритику как мощное средство воспитания каждой личности и коллектива в целом в духе коммунистической идейности и этики.

В современных условиях еще более возрастают требования к работникам всех участков идеологического фронта. Успеха дела решают кадры, глубоко зна- ющие марксистско-ленинскую теорию, хорошо разбирающиеся в экономике про- мышленного и сельскохозяйственного производства, в проблемах культурного строительства, энергичные и способные организаторы масс.

Пленум придает важнейшее значение участию в идеологической работе ин- теллигенции: учителей, преподавателей, инженерно-технических и научных ра- ботников, агрономов, врачей, деятелей литературы, искусства, печати. Партия призывает советскую интеллигенцию еще активнее умножать духовные богатства советского общества, помогать партии формировать коммунистическое мировоз- зрение народа.

Пленум предлагает партийным комитетам и впредь всемерно поддерживать творческую активность и инициативу общественности в решении задач комму- нистического воспитания советских людей. Пленум подчеркивает, что все воз- растающий размах общественных начал не должен вести к ослаблению партий- ного руководства организациями общественности, а, наоборот, требует усиления этого руководства, постоянного внимания партийных организаций ко всем фор- мам общественной инициативы в идеологической работе.

Пленум придает особое значение улучшению идейно-воспитательной работы среди молодежи, повышению роли **Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи** в решении этой важнейшей задачи. Необходимо прививать мо- лодёжи глубокое уважение к труду как источнику всех материальных и духов- ных богатств общества, понимание того, что священной обязанностью каждого, кто черпает из общей чаши материальных и культурных благ, является активное

участие в пополнении этой чаши, чтобы она могла во все большей мере удовлетворять потребности нынешнего и будущих поколений советских людей.

Нужно воспитывать каждого молодого человека стойким и мужественным борцом за коммунизм, рачительным хозяином страны, глубоко уважающим все, что завоевано и создано старшими поколениями, своим трудом приумножающим богатства, честь и славу Родины.

Пленум обязывает партийные комитеты усилить руководство комсомольскими организациями, повысить их активность и инициативу в коммунистическом воспитании советской молодежи.

Пленум считает важной задачей дальнейшее повышение роли профсоюзов в воспитании трудящихся. Идеино-воспитательную работу профсоюзов необходимо строить в неразрывной связи с борьбой за выполнение народнохозяйственных планов, за повышение производительности труда, с конкретными условиями производства и жизни рабочих и служащих с задачами роста их культурного и технического уровня, дальнейшего вовлечения трудящихся в управление делами общества. Важной задачей профсоюзов является дальнейшее усиление культурно-просветительной работы. Профсоюзы должны улучшать руководство деятельностью клубов, красных уголков, библиотек, всемерно развивать физическую культуру и спорт.

В современных условиях, когда Советы депутатов трудящихся стали всеобщающей организацией народа, надо поставить дело так, чтобы Советы, опираясь на многочисленные комиссии, а также самодеятельные организации трудящихся, повседневно проводили воспитательную, культурно-просветительную работу в каждом городе, поселке, селе, в каждом доме. Пленум обязывает исполнительные комитеты Советов направить усилия на дальнейшее развитие всех очагов культуры, рассматривать удовлетворение культурных и бытовых запросов трудящихся как свою важнейшую обязанность.

Пленум считает необходимым решительно улучшить идеологическую работу на селе и обязывает ЦК Компартий союзных республик, все партийные комитеты, министерства и ведомства, хозяйственные организации принять меры к укреплению сельских идеологических учреждений квалифицированными кадрами, повысить ответственность сельских партийных и комсомольских организаций, руководителей колхозов и совхозов за состояние и работу культурно-просветительных учреждений, за рост политического, общеобразовательного и профессионального уровня рабочих совхозов и колхозников, особенно молодежи. Пленум обязывает ЦК Компартий союзных республик, промышленные крайкомы и обкомы, горкомы, райкомы партии и промышленно-производственные парткомы всемерно расширять связи коллективов промышленных предприятий с коллективами колхозов и совхозов, усилить помощь селу со стороны городских учреждений культуры.

В целях дальнейшего укрепления и развития материальной базы идеологической работы поручить Госплану СССР, ВСНХ, совместно с Советами Министров союзных республик, разработать план культурного строительства на 1964—1970 гг., предусматривающий развитие в комплексе всех материально-технических средств и подготовку кадров народного образования, культуры и других областей идеологической работы, правильное территориальное размещение учебных заведений и учреждений культуры.

Пленум ЦК КПСС обязывает ЦК Компартий союзных республик, крайкомы, обкомы, горкомы партии, все партийные комитеты и первичные партийные организации в соответствии с настоящим постановлением разработать и осуществить меры, направленные на совершенствование содержания, форм и методов идеологической работы, повышение ее действенности в коммунистическом воспитании народа, в решении великих задач строительства коммунизма.

* * *

Перед партией, перед всем советским народом стоят величественные задачи коммунистического строительства.

В революционной энергии трудящихся партия видит могучий и неиссякаемый источник преобразования мира. И нет более важной задачи партийных организаций, чем развитие революционного духа народа, раскрытие широкого простора для творчества масс во всех областях жизни, непримиримая борьба против всякого консерватизма и застоя, обывательского равнодушия, против расклеванной буржуазной идеологии и морали.

Пленум ЦК КПСС выражает твердую уверенность, что все партийные организации, все работники идеологического фронта, выполняя Программу КПСС, решения XXII съезда и настоящего Пленума, добьются коренного улучшения идеологической работы, еще выше поднимут творческую активность народа во имя осуществления задач строительства коммунизма в нашей стране, дальнейших побед великого марксистско-ленинского учения.

Хута БЕРУЛАВА

ИЗ ЛЮБВИ К ЛЮДЯМ

Перевод с грузинского С. Куняева

Плечом к плечу мы встали, словно горы,
охвачены стремлением одним,
согласные и в радости и в горе,
в прекрасное грядущее глядим.

И эта вера от борьбы уставших
приподнимает и ведет вперед,
и возрождает свет в глазах погасших
и слова дар умолкнувшим дает.

Немало бед за нашими плечами,
но все же мы горды своей судьбой.
Мы шли одной дорожкой с отцами,
они умели жертвовать собой.

Умели видеть солнечное завтра.
Была неколебима и светла
их вера, и отзывчиво и страстно
умели биться честные сердца.

И всех, кто был оболган или предан, —
всех оправдали наши времена.
Так воздадим великим нашим предкам!
Да будут славны эти имена!

Они далекий путь нам освещали,
горели, словно факелы, огнем.
И нам с тобой, товарищ, завещали
идти вперед намеченным путем.

Идти вперед к сияющим вершинам,
 всю жизнь вперед и только лишь вперед!
В грядущее к невиданным свершеньям
нас ленинская партия ведет.

ТЫ ПОМНИШЬ, СОЛДАТ...

РАССКАЗ

Перевод с грузинского Э. Елигулашвили

На полу коридора у стены длинным рядом выстроились башмаки. Приглядитесь, и вы увидите — вот стоят не новые солдатские сапоги, возле них — стоптанные мальчишечьи ботинки, дальше — нарядные девчоночьи туфельки, еще дальше — другие, поменьше, а там и совсем маленькие, такие, что и туфлями их, пожалуй, не назовешь. Скорее, младенческие гусарики. Все они стояли в ряд, друг за другом, выстроившись по росту, как солдаты.

Из комнаты доносится громкий ребячий гвалт.

— Заходите, гостями будете, — радушно приглашает нас в комнату мой знакомый земочальский бригадир и широко распахивает дверь. Я вижу детей, их столько, что сразу и не сосчитать. Верно, соседские ребята заглянули к дружкам поиграть, думаю я, потому их так много. Но оказывается, все это — потомство Сандро.

— Сколько гостей у тебя, Сандро, — говорю я и гляжу на детей.

— Они не гости, а хозяева. Гости скоро придут.

В большой комнате накрыт стол. Мы усаживаемся поблизости и ждем, пока соберутся приглашенные.

Неудобно сидеть вот так, набрав

воды в рот. Хочешь не хочешь, а надо о чем-нибудь заговорить с хозяином. Так, слово за словом, завязывается беседа. Правда, сегодня праздник, но раз уж я попал к такому знаменитому человеку, к прославленному трактористу, хочется порасспросить его о работе. А Сандро все время уводит разговор в сторону. Про него нельзя сказать, что он недолюбливает журналистов, но, кажется, и не очень уж к ним расположен. Вот и сейчас на каждый наш вопрос он машет рукой и начинает говорить о другом. Я замечаю это и прямо спрашиваю о причине. Сандро морщит лоб и говорит:

— Давай лучше не будем об этом, дорогой, из-за вашего брата я и так уже схлопотал выговор на бюро райкома...

Я не верю своим ушам. Я знаю: корреспонденты все слова исчерпали, расхваливая Сандро, а он... Может, думаю, этот земочальский бригадир хитрит со мной, с толку сбивает?.. Не скрывая удивления, говорю:

— Темнишь ты чего-то, Сандро!

— Я темню? — возмущается он. — Вот уж год прошел, как побывали у нас твои коллеги-писачки. Приехали и сразу меня спрашивают. Ну, конечно, тотчас же являюсь. Ты же

знаешь — старшиной я был в армии, привык к дисциплине. Да и с кем как вести себя знаю, старика от мальчика отличить сумею.

Вот так все и было. А они, оказывается, приехали пофотографировать у нас. Всякого народа привалило — и расписать могли все что угодно, и разрисовать... Ну, мне и говорят: давай мол, Сандро, мы должны конкретно отобразить могущество нашей страны, а потому выводи все свои тракторы, и из других бригад прихвати, помоги, говорят, создать глубокую воздушную перспективу. Хотим, говорят, такой кадр соорудить, что все ахнут: идут тракторы длинной колонной, один за другим, движутся неустойчивым потоком. Напечатаем это фото в газете, и будет оно символизировать наше неодолимое движение вперед.

Мелькнуло у меня в душе сомнение—где это видано, чтоб тракторы в борозде, словно гуси, друг за другом шли. Только не сказал я тогда ничего, они газетчики, им виднее как и что, мне ли лезть со своими советами да сомнениями.

Вывел тракторы. Впереди поставил маленькие, ладные «Беларуси», за ними пристроились более мощные «ДТ», а в самом конце возвышались громады дизелей.

«Что же это делается?» — думаю про себя. Но в голове все вертится: кто знает, может для газеты так и нужно, перспектива, говорят, эффектнее будет.

Ну что ж, помалкивай, бывший старшина. Ты ведь знаешь, в этом звании застал меня в Берлине День Победы. А приказы исполнять надо. Скомандовал я — и зарокотали, загудели тракторы, двинулись с места. Друг за другом, гуськом, в одной борозде...

Ну вот. А нашего секретаря парткома вы все знаете — неугомонный он человек, на месте усидеть не может. Он и в тот день, оказалось, поля объезжал, увидел издали, что у нас происходит что-то странное. Я-то думаю, может пронесет мимо, не станет задерживаться. Время от

времени в сторону его «виллис» поглядываю и повторяю про себя: «Проедет или остановится, проедет или остановится?..». Да где уж, нето у меня счастье! Машина затормозила, а сам прямиком в нашу сторону направляется. Поглядел он на нашу колонну как-то странно и говорит:

— Вы что, на посмешище целому свету выставиться хотите? Где это видано, чтобы тракторы при пахоте вот так след в след шли? Да еще говорите — фотографию в Тбилиси хотите отправить. Что люди про нас скажут?! — В общем, всыпал нам по первое число.

Фоторепортер, оправдываясь, забормотал:

— Мы хотели добиться наибольшего эффекта и перспективы.

— Я, кажется, покажу вам эффекты, если вы сейчас же не уберетесь отсюда, — ответил секретарь и повернулся ко мне: — А тебе придется держать ответ за все это. Бюро в пятницу.

Вот так все и произошло. — Сандро вздохнул. — Через три дня я уже возвращался с бюро парткома с выговором.

Пока хозяин рассказывал эту историю, гостей становилось все больше. Некоторые, окружив нас, сочувственно покачивали головой, другие сразу уселись за стол и, не дожидаясь приглашений, взялись за горячие хачапури и кувшины с вином. Скоро за столом раздались громкие возгласы:

— Тебе быть тамадой, Сандро! Давай, хозяин!

Сандро налил вина в свой стакан, поднялся и приготовился говорить. В ту же минуту со двора донеслось:

— Хозяин! Э-гей, хозяин!

Все неволью обернулись к окну. Новый гость, не дожидаясь приглашения, решительно отворил калитку. Это был сельский почтальон, который, судя по всему, чувствовал себя здесь совсем по-домашнему. Сандро радостно направился ему навстречу.

— Пожалуйте, дядя Ваню, я очень рад, что вы не забыли меня.

Хозяин взял тяжелую сумку из рук старого почтальона, вскинул ее себе на плечо, подвел гостя к столу. Налил вина.

— Выпейте за наше здоровье!

Дядя Ваню молодецки осушил стакан и пригладил пальцами усы. Потом вытащил из сумки толстую связку телеграмм.

— Держи, все тебе, Сандро. Можно подумать, что этот праздник только для тебя празднуется.

— Так и есть, дядя Ваню, не сомневайся! — Сандро улыбнулся, беря телеграммы, и бросил их за собой на подоконник. Потом сел на свое место и стал читать телеграммы.

Слава и известность приходят к человеку сразу, как волна накатывается на сушу. Минуту назад море было спокойно, но вот оно вздувается, грозно нависает над берегом и тяжелым валом обрушивается на него. Однако, должен сказать, что наш земочальский бригадир не был таким внезапно прославившимся человеком. Имя его давно уже было известно по всему Советскому Союзу.

Внимание Сандро привлекла одна из телеграмм. Может, многие и не слыхали никогда о таком крае, откуда она послана кем-то из многочисленных друзей Сандро. Но все же странно: почему он так внимательно читает и перечитывает телеграмму, словно заучивает ее наизусть, а сам ни слова не говорит?

Потом так же молча протягивает бланк с полосками текста в нашу сторону.

Гляжу на адрес: «Польша, деревня Витослав». И подписи никакой нет. Удивленно спрашиваю:

— Кого ты знаешь из этой польской деревни, Сандро?

— Никого, — отвечает. — Я даже название этой деревни никогда не слыхал.

В чем же дело? Почему в этот праздничный день вся деревня поздравляет земочальского бригадира и называет его своим братом?

Задумался Сандро. Люди за тридевять земель присылают поздравление сюда, в Шираки, а он и села такого не припомнит — Витослав?

Сандро подымается, открывает дверь в маленькую комнату, зовет детей. Они расстилают на уголке стола карту, склоняются над ней, но тоже не могут найти такого села.

Может, спрашиваем, наш земочальский бригадир в годы войны побывал в Польше? Да, и туда закинула его фронтовая судьба, только разве запомнишь названия всех городов и сел, которые освободил их батальон! Впрочем, почему из всего батальона витославцы именно ему решили в честь праздника послать свои поздравления и благодарность, почему они выбрали простого старшину? Не старшина решает исход боя, не он один берет города и села, так в чем же дело? Пусть уж они лучше командиру батальона послали бы свое поздравление.

— Нет, это не моя телеграмма, — решительно говорит Сандро. — Может, вообще эта телеграмма адресована не мне? Скорее уж прислали ее оттуда Левану — ведь это он вместе с профессором Марией Белошапковой ездил на Вислу. Тогда там, в Польше, только-только взяли за организацию артелей. Вот и послали нашего председателя вместе с профессором: научите, мол, польских друзей всему, что знаете, передайте свой опыт. А Леван потом журнал привез оттуда, «Пшиязнь» называется. Там его фотография помещена, а польские крестьяне говорили: не разберем мы что-то, кто из вас профессор, а кто простой колхозник. Ему, верно, и предназначена эта телеграмма, дядя Ваню, чего это ты ее сюда принес?

Задумался почтальон, нахмурился: его еще сроду не обвиняли, чтобы адресата перепутал. Взял телеграмму и громко перечитал адрес.

— Не стыдно, парень? Тут прямо тебе и написано, тебя поздравляют, а не кого другого.

Тут уж, глядя, наш Сандро сердиться стал:

— Должен я знать, кто и почему мне телеграмму шлет или не должен!

Старик хладнокровно пожимает плечами.

— Это уж твоё дело, сынок. Я всех своих друзей и родственников знаю, а твои — не моя забота.

Пусть прежнего волнуется бригадир.

— Ну, не могу припомнить, что мне делать, коли не знаю я никакого Витослава!

— Нет, сынок, придется уж тебе весь свой путь в уме перебрать. Ибо долг любви и дружбы — самый важный долг в жизни, и память любви должна быть самой крепкой.

...Это была страшная ночь. Горело село, горела земля, перепаханная гусеницами танков. Горела и стонала земля, и воздух пропах гарью. Батальон шел в наступление, и село, которое ему предстояло освободить той ночью, называлось Витослав.

Сколько таких сел повидал ты на своем пути, старшина. Сколько таких сел, горящих и стонущих, пришлось тебе пройти, и я не удивляюсь, что ты не запомнил его названия. Ты не пробыл там и недели, в этом селе, которое называлось Витослав. Но произошло тогда нечто необычное и удивительное. На второй день после освобождения Витослава построил командир свой батальон, прошел вдоль шеренги, потом остановился и приказал — почему-то всем показалось, что не обычным своим командирским голосом отдавал он этот приказ:

— Трактористы, два шага вперед!

...И Сандро теперь уже все вспомнил, он рассказывает нам:

— Мы ушам своим не поверили, услышав это, даже растерялись от неожиданности. Ведь шла война. Потом один солдат вышел вперед и все увидели, что он сбился с шага. За ним последовал другой. Третьим вышел я.

Капитан оглядел нас троих и молча приказал идти за ним.

В штабе батальона на скамейках вдоль стены сидели польские крестьяне. Они молча ожидали трактористов. Было очень тихо.

Первым заговорил капитан:

— Вот, ребята, в чем дело. Если они завтра не начнут пахоту, нынешняя весна пропала для урожая. Ну, остальное, понятно.

Из штаба мы отправились прямо на поля.

В небе одиноко висел «Фокке-Вульф», и летчик, должно быть, удивленно протирал глаза, увидев внизу тракторы вместо танков.

В тот день, помню, я испытал удивительное чувство. Едва проложил я первую борозду, едва только отвалился первый пласт земли, сырой и жирной, в голову мне словно что-то ударило. Сажу я на тракторе, держусь за рычаги изо всех сил, а у самого голова кружится. Такого со мной и во время труднейшего боя не бывало. Выключил мотор, сошел на землю, а ноги меня не держат. Лег я плашмя в борозду, вдыхаю запах земли и подняться не могу. Знаете, словно осушил большой рог вина и он подкосил меня с непривычки. Я слышал запах клубники, запах свежеспаханной земли, ласкающий и пьянящий, как молодое вино. И казалось мне, что нет войны вокруг, не нужны больше танки и земля разрыта не их грубыми гусеницами, а тракторами.

Тогда и записали мой адрес тамошние крестьяне. Видно вспомнили меня в Витославе...

Хорошую телеграмму получил мой друг Сандро, бригадир из Земочала. Тельер он видит, что совсем не так велика наша планета, чтобы человек не услышал другого человека, который хочет его поздравить с тем, что земля больше не охвачена огнем и что в воздухе пахнет не гарью, а стоит сладкий и медово-пьянящий запах клубники, запах свежеспаханного пласта, запах мира.

НОВЫЕ СТИХИ

НЕБА НЕ БЫЛО ВИДНО

Неба не было видно. Акации
Расцветали, как белые сны.
Над твоей головою покачивалось
Море, полное голубизны.
А цветы — так похожи на раковины —
На бульвары пришли из весны,
Как небесные шумные раковины,
И качались, от солнца пьяны.
Ты подслушивал небо, и радостно
Птичью песенку ты повторял.
Руставели, как песня бескрайняя,
Над Курою спокойно стоял.
Он стоял во главе этой площади,
И народ у подножья бурлил...
И о годах, которые прожиты,
Неожиданно ты загрустил.
Неба не было видно. Акации
Расцветали, как белые сны.
Над твоей головою покачивалось
Море, полное голубизны.

ПРОЩАНИЕ СО СКАЗКАМИ

Фальшь ресниц и румян осыпается,
И седины фальшиво блестят.
Желтый занавес вдруг опускается,
И высокие свечи горят.

Происходит прощанье со сказками.
Ты уходишь. И только всего.
И они потускневшими красками
Опадают с лица твоего.

НА СОЛНЦЕ И ЗЕМЛЕ

Нет-нет покажется: взлетело!
И вдруг — потеря высоты...
Как самолет, пылает тело
У края взлетной полосы.

Горит, горит и не сгорает...
В который раз, в который раз
Меня то безразличие ранит,
А то беспомощность предаст!

Я вижу, что единый пламень,
Горит на солнце и земле,
И превращенье глины в камень
Испытываю на себе.

Перевод с грузинского С. Куняева

ПРИДУ К ТЕБЕ

Осенний мокрый лист,
Дождинка ли простая,
И дальний-дальний выстрел в тишине...

У птицы кровь на крыльях расцветает,
И день уходит с трещиной на дне.

Ружейный дым над берегом кружится.
Лесное эхо поглотила тишь.
Ружейный дым слетает и ложится
На пирамиду черепичных крыш.

Приду к тебе. И, пыль дождя сметая,
Скажу все то в осенней тишине,
Что я хотел сказать.
Оно при мне.

Осенний мокрый лист,
Дождинка ли простая,
И дальний-дальний выстрел в тишине...

Перевод с грузинского Ю. Морид

Королева утренней зари

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Перевод с грузинского М. Эсакия

Я окончательно растерялся. Новые обстоятельства полностью меняли ход дела, все планы, разработанные нами, оказались ненужными. Что было делать? Поехать в Киев и там на месте ознакомиться с агентурным материалом по этому делу? Или же продолжать последовательно «разрабатывать» линию Раисы — по моему глубокому внутреннему убеждению эта женщина могла принести следствию наибольшую пользу.

Спокойный голос Михаила Петровича прервал мои размышления.

— Я бы советовал вам немедленно доложить обо всем в Тбилиси. Преступник, которому тогда удалось бежать, может из Киева направиться именно туда. Во всяком случае он обязательно даст знать своим тбилиским коллегам о провале банды. Поэтому надо удвоить наблюдение за преступниками в Тбилиси, чтобы перекрыть все их связи или же, в крайних обстоятельствах, не дать им скрыться и своевременно задержать... Что касается Раисы, то здесь ей наверняка не удастся наладить связи, и вы можете увезти вашу «родственницу» обратно!

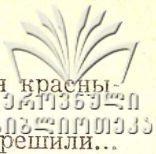
Михаил Петрович взял телефонную трубку и попросил соединить его с начальником следственного отдела тбилисского угрозыска. Вскоре инструкция была получена: действовать сообразно с обстоятельствами, как найдем нужным.

Часам к восьми утра мы, распрощавшись с Михаилом Петровичем, вернулись к себе в гостиницу. Разумеется, было уже не до сна.

Раиса, конечно, охотно согласится вернуться с нами в Тбилиси — другого выхода у нее нет. Но вдруг икона не у нее? Мы так и будем кататься зря туда и обратно. Подозрения опять охватили меня. «Если даже богородица и спрятана в чемодане Раисы, здесь, в чужом городе, не встретив своих и охваченная предчувствием опасности, она может уничтожить это вещественное доказательство. Что тогда?»

Арестовать Раису и обыскать? Рано. Преступную цепь необходимо проследить до конца, чтобы узнать, кто именно оказался вдруг столь заинтересованным в исторических реликвиях наших народов. Тем более, что выясняется широта и разносторонность симпатий неизвестного ценителя искусства — его, оказывается, интересуют памятники древней иконографии не только в Грузии, но и на Украине.

Продолжение. Начало см. в журнале «Литературная Грузия» № 5, 6.

— Владимир! — позвал я.

— Есть! — Пиртахия сел на кровати и уставился на меня ми от бессонницы глазами.

— Пойдешь к Михаилу Петровичу и доложишь, что мы слышишь?

— Все слышу. — Владимир уже был одет и готов выполнить любое поручение.

— Решили украсть маленький чемоданчик. Для чего и как — объясню потом.

— Все ясно. Дальше?

— Пусть часам к двум пришлют сюда оперработника, чтобы вынести чемодан из комнаты Раисы.

— А Раиса?.. — Владимир недоуменно таращил глаза.

— А Раиса вместе со мной будет в кино.

— Не выйдет, — отрезал Пиртахия. — Подозрение сразу же падет на меня.

— Не беспокойся за свою репутацию — ты тоже будешь с нами!

— Я буду здесь и в то же время — я буду с вами! Ничего не понимаю. И для чего нужен еще оперработник?

— Пусть предупредит дежурную по этажу, чтобы молчала, когда Раиса подымет шум. Об остальном — позже. А сейчас — иди к Михаилу Петровичу.

Пиртахия молча вышел из комнаты.

6

В десять часов утра, когда Раиса постучалась к нам, Пиртахия толково вернулся.

Я взглянул на свою «родственницу» — у нее были грустные и уставшие глаза. Она молча кивнула и села в кресло у окна. А я с большим возбуждением говорил своему собеседнику, словно бы продолжая уже начатую фразу:

— Так вот, братец ты мой, — столько времени потеряно, сколько денег потрачено, и все — впустую?..

— Почему же они не сообщили, что суд откладывается? — сочувственно подтвердил Владимир.

Я махнул рукой.

— Они-то показали мне копию телеграммы, еще двадцатого февраля послали. Но я ничего не получал.

— Суд отложили? — спросила Раиса, хотя видно было, что ее это сейчас совершенно не интересовало.

Не отвечая ей, я мрачно пробормотал себе под нос:

— С кого спрашивать за всю эту путаницу?..

— Почта, телеграф, Наркомсвязь, — назвал виновных на выбор Владимир и вышел из комнаты.

Раиса грустно улыбнулась:

— Нет худа без добра: если бы ты вовремя получил телеграмму — не поехал бы сюда, и мы бы не встретились, может, никогда. — Она взглянула на меня, как смотрят на свою последнюю надежду.

— Что ж, пожалуй и так, — согласился я. Подойдя к зеркалу, причесался, поправил галстук и предложил Раисе: — Пойдем позавтракаем.

— Пойдем. — Она быстро поднялась с кресла, улыбнулась своему отражению в зеркале и направилась к двери. — А твой друг?

— Он, по-моему, уже завтракал. К тому же он спешит по своим делам. — Я закрыл дверь на ключ и внезапно обернулся к Раисе: — Приглядываюсь я к тебе и поражаюсь... — Пока я выдерживал паузу, пере-

пуганная и взволнованная женщина замерла на месте. — Отчего ты такая грустная? Что тебя беспокоит? Ну, не встретил тебя твой жених на вокзале, так ведь не ты в этом виновата? К тому же, ты сама говорила, что хочешь порвать с ним. Пожалуйста, прекрасный повод, лучше не надо. Сегодня же вечером возвращайся в Тбилиси, и пусть он пеняет на себя!

Раиса со страхом смотрела на меня, как будто боялась, что кто-нибудь может услышать мои ужасные речи. Потом, наконец, произнесла:

— Ты не знаешь, что это за человек. Я боюсь его, Сандро.

— Боишься?! — Я засмеялся. — А я здесь на что? Если раньше ты была одна на белом свете, то теперь у тебя есть брат и друг. И можешь не бояться — я никому не дам тебя в обиду. — Я решительно шагнул, нахмурил брови, а Раиса, вцепившись в мой рукав обеими руками, едва поспевала за мной.

В час дня мы взяли два билета на городской железнодорожной станции — она после недолгого колебания согласилась уехать сегодня же вечером. Оттуда мы медленно шли по многолюдной улице. Было тепло. Солнце разорвало завесу истрепанных облаков и глядело на землю, будто предвещая людям близкую весну.

— Как хорошо! — проговорила Раиса, подставляя лицо солнечному теплу, и взяла меня под руку. — С тобой мне покойно и не страшно.

— Чего ты боялась без меня?..

— Я бы сказала тебе, но... — она замолкла, потом улыбнулась, но в этой улыбке было больше грусти, чем радости и веселья. Я не подгонял ее, чувствуя, что рано или поздно, но Раиса чистосердечно расскажет мне все, что у нее на сердце. Нужен был только повод. Эти мысли сменились опасением: не обострит ли положение потеря чемодана, не усилит ли подозрительности и без того запуганной женщины?

Когда мы приближались к кинотеатру, я издали увидел в толпе Владимира — он был точен.

— Что ты здесь делаешь? — закричал я ему. — Или и у тебя отложилось совещание?

— Нет, у нас все в порядке. Просто, я свободен до восьми часов вечера, — он весело и беззаботно прищурился: — А вы куда путь держите, друзья мои?

— Мы решили уехать вечерним поездом. А пока может хоть в кино попадем.

Владимир, заговорщицки подмигнув нам, молча скрылся в вестибюле кинотеатра. Через несколько минут он вернулся, размахивая тремя билетами. Раиса поразилась расторопности и всемогуществу Цхакая, но тот скромно потупился:

— К сожалению, билеты в разных местах. Два рядом, в партере, третий — наверху.

Я выхватил у него два билета и сказал:

— Мы с Раисой люди не гордые, можем и внизу посидеть, а ты — человек дворянского происхождения, хоть и весьма сомнительного, твое место — в амфитеатре!

И мы трое с шутками и смехом прошли в фойе.

...Когда картина кончилась, мы подождали у выхода спускавшегося с верхотуры Цхакая. Он еле заметно улыбнулся мне. Это должно было означать: как видишь, все в порядке, и я снова здесь.

— Как вам понравился фильм? — поинтересовалась Раиса.

— Фильм ничего, вполне приличный, — ответил Владимир. — Вы что, в самом деле решили сегодня уезжать? — в свою очередь спросил он, очевидно, чтобы не допустить дальнейших расспросов о содержании картины, которую ему так и не пришлось посмотреть.

— Уже даже билеты взяли, — ответил я, беря под руку Раису.
— Так что придется мне оставаться одному в чужом городе, — с сожалением проговорил Владимир.

Мы быстро дошли до гостиницы. Поднимаясь по лестнице, Раиса тихо сказала мне:

— Я давно не чувствовала себя так хорошо. Наверно, меня ожидает какая-нибудь неприятность.

— Глупости, ни о чем не думай, — успокоил я, расставаясь с ней возле ее номера.

— Как дела? — нетерпеливо спросил я оперуполномоченного, едва зайдя в свою комнату.

— Она в твоём чемодане, — шепотом ответил он.

Мы сняли пальто и уселись в кресла, ожидая, когда прибежит к нам Раиса, обнаружив пропажу. Мы сидели напряженные, не шевелясь и не двигаясь, словно вот-вот должен был грянуть гром.

— Что ты застыл, как истукан, — сказал я Владимиру. — Надо держать себя естественно, пой, смейся... — Я скинул пиджак, закатал рукава сорочки и пошел умываться. Пиртахия взял газету и прилег на диван.

Я в четвертый раз мылил себе лицо, когда дверь распахнулась и показалась бледная, как смерть, Раиса. Она не была похожа на человека, которого обокрали и который жалеет о понесенном ущербе. Нет, ее охватила ужас, самый настоящий ужас. Посеревшие, бескровные губы дрожали, глаза стали еще больше, руками она теребила воротник, явно не сознавая, что делает.

— Я погибла, погибла, украли... — с трудом пролепетала она и пошатнулась, словно ноги не держали ее. Я подбежал к ней на помощь, усадил в кресло. Владимир, схватив стакан воды, стал брызгать ей в лицо. Я расстегнул ей ворот платья.

Раиса открыла глаза.

— Что случилось? Расскажи, что унесли?

— Чемодан, маленький чемодан. — Раиса прижалась лицом к ручке кресла и зарыдала.

— Стоит ли из-за этого так убиваться! — пытался успокоить ее Пиртахия.

— Наверно, там были какие-нибудь ценности. — проговорил я и повернулся к Пиртахии: — Нужно сообщить администрации, Владимир. Пусть немедленно вызовут милицию, сообщат кому следует. — Услышав это, Раиса подняла голову.

— Нет, нет, не нужно милиции, не нужно никому сообщать, — умоляющим голосом говорила она, сжимая мою руку.

— Как? Тебя обокрали, а ты хочешь смолчать? — поразился я.

— Нет, нет, бога ради, не надо! — Раиса с трудом подошла к двери и прислонилась к ней спиной. — Если вы хотите мне добра, не надо искать несчастный чемодан. Увезите, увезите меня поскорей из этого проклятого места.

Все было ясно. Раиса чувствовала что-то неладное, ведь воры не оставили бы и большого чемодана. Значит... Должно быть, сейчас сотни предположений роятся у нее в голове.

«Может, чемодан унесли наши. Просто они увидели меня с чужими людьми и предпочли украсть чемодан, не встречаясь со мной...»

«Ты знаешь, что ждет тебя, если это так?!»

«А может это — дело рук угрозыска? Меня выследили, все пропало...»

«Если они нашли в чемодане икону, вот-вот придут за мной».

Сколько ужасов нашептывал Раисе тайный голос! И вполне понятно почему она предпочла не подымать шум из-за пропажи — во всех случаях ей это грозило опасностью.

Раиса долго стояла неподвижно, потом удивленно огляделась, словно только что проснувшийся человек, который не может сразу понять, где он находится. Провела руками по лбу. С трудом заговорила:

— Нет, не хочу ни минуты оставаться здесь. Я поеду на вокзал и там подожду тебя. — Она торопливо открыла дверь и вышла в коридор.

Приказав Пиртахия, чтобы он не обнаруживал себя в поезде до моего предупреждения, я схватил свой чемодан и последовал за Раисой.

7

Поезд мчался стрелой сквозь ночь. Раиса неподвижно сидела у окна двухместного купе и пристально глядела в темноту. Все как будто бы пришло в норму, но я знал, что спокойствие Раисы было подобно затихнувшей перед бурей. Монотонно перестукивались вагонные колеса, только порой резкий гудок паровоза разрывал их утомительно однообразный шум.

Раиса перестала нервничать как только осталась вдали опасная зона. Но все же на каждой остановке она замирала, ожидая появления кого-то, кто придет за ней. И трудно было понять, кого она больше боялась: следователей угрозыска или своих дружков. Кто знает, как они встретят ее в Тбилиси, когда она вернется, не выполнив поручения, да вдобавок еще потеряв икону.

Я был убежден, что она сейчас мучительно ищет выход из создавшегося положения. Может быть, стоит напомнить ей о себе? Вдруг она доверится и расскажет обо всем своему «родственнику»?

— Я не могу узнать тебя, Раиса, — нарушил я молчание, глубоко вздохнув. — С тех пор, как ты потеряла тот проклятый чемодан...

Женщина не отвечала. Она не мигая смотрела в сверкающе-черное окно, за которым смутно мелькали какие-то неясные тени. Что ей видилось там? Запутанное и горькое прошлое? Или пугающее своей неизвестностью будущее?

Убедившись, что Раиса не намерена отвечать на мой вопрос, я вышел из купе. Дверь с грохотом задвинулась за мной. Долго ходил я по вагонам, стоял в тамбуре на резком сквозном ветру, потом решил пойти в вагон-ресторан поужинать.

Когда я вернулся в свое купе, Раиса уже лежала и, казалось, спала. Осторожно притворив дверь, я стал потихоньку раздеваться.

— Почему ты так опоздал? — неожиданно спросила она, блеснув в полутьме своими огромными синими глазами.

— Встретил сына своего старого друга. Его, оказывается, ранили в Киеве. Сперва он рассказывал свои приключения, потом мы отметили его благополучное выздоровление, выпили немного — вот и засиделись...

— Ранили? — удивилась Раиса. — Кто же его ранил?

Взобравшись к себе на верхнюю полку, я взбил тощую железнодорожную подушку, поправил одеяло и улегся, словно бы не имея никакого желания пересказывать историю своего знакомого. Потом неохотно проговорил:

— Он сейчас кончает Киевский политехнический институт. Очень приличный парень.

— Кто его ранил? — снова спросила Раиса с видимым нетерпением.

— Работники милиции накрыли каких-то бандитов в Киево-Печерской лавре. Началась перестрелка. А он случайно проходил мимо. Там из-за шальной пули чуть не лишили жизни молодого парня.

— Потом?

Я взял газету и сделал вид, что это сейчас единственное, что меня интересует. Но из-за большого листа в зеркале напротив мне было видно, что Раиса нетерпеливо привстала на своей постели и с ожиданием смотрит наверх.

— Что за бандиты? — проговорила она, словно про себя.

— Двоих убили. Он потом разузнавал про это дело. Даже фамилии сказал. У одного какая-то странная фамилия, я даже думаю, что это скорее прозвище, а не подлинная фамилия. Каврага, что ли...

— Каврига! — непроизвольно воскликнула она, вскакивая в испуге. Но сразу же взяла себя в руки, сдержалась. Открыв стоявшую на столике бутылку «Боржома», налила в стакан и выпила — будто только для этого и вставала с постели. — Да, это наверно Каврига, а не Каврага. — Она хотела добавить еще что-то, но не решилась. Я подумал, что для первого раза этого достаточно и не стоит проявлять неестественной для постороннего человека заинтересованности. Бросил на столик газету и повернулся к стене.

Поезд стучал равномерно и усыпляюще. Мимо пронеслись какие-то станции, полустанки. Я не мог заснуть. Я думал о том, чего мне удалось добиться. Раиса легко попала на мою приманку — это говорит о ее неопытности. Но надо добиться у нее новых признаний. Как это сделать?..

Бледная полоса рассвета уже появилась на горизонте, когда я дремал. Неожиданно кто-то разбудил меня. Сразу же проснувшись, я огляделся вокруг. Рядом стояла Раиса и трясла меня за руку. Глаза ее покраснели — не у одного меня было о чем поразмышлять в эту ночь. Волосы растрепались и упали на плечи. На бледном лице не было ни кровинки.

Я не произносил ни слова: пусть она сама начнет свою исповедь, пусть поделится всеми горестями с «кровным родственником» — единственно близким для нее человеком во всем мире.

— Сандро! Ты должен помочь мне, — проговорила Раиса хрипло.

— Что случилось? Тебе приснилось что-нибудь дурное? Ничего не понимаю, — удивился я.

— Вся моя жизнь — дурной сон, — горько сказала она, отпуская мою руку. — Сандро, проснись, спустись вниз. Ты должен выслушать меня. Я не могу больше таить в сердце все, что там накопилось. Не могу, понимаешь! Выслушай меня и реши, могу ли я на что-нибудь надеяться или вообще не достойна жить...

8

За окном шумела вьюга. Уже рассвело, но сразу за железнодорожной насыпью ничего нельзя было разглядеть. Паровоз шипя рассекал широкой грудью завесу ветра, словно какое-то сказочное чудовище, пытающееся вырваться из снежного кольца.

Раиса сидела, сложив руки на груди, прислонившись спиной к стене и рассказывала свою невеселую историю.

...Игорь Таманов — дядя моего мужа, Петра, родной брат его отца. Но несмотря на это, он всего лет на пять-шесть был старше Петра. Правду говоря, я видела его нечасто, но с первой же встречи он настолько поразил меня, что перед моими глазами почти непрестанно маячил его образ. Высокий, смуглый, с иссиня-черными волосами и бровями, он всегда держался гордо и величаво. Внешность у него была заметная. Многих привлекала густая копна курчавых волос, широкая грудь — он был, что называется, носая сажень в плечах — и узкая талия. Должно быть,

не одна женщина проводила бессонные ночи, хотя бы раз увидев его. В общем такого родственника только люби да цени. Но я отчего-то, услышав его вкрадчивый голос и увидев черную бездну глаз, испугалась.

Мой муж играл в хоре на гитаре... Когда я увидела его, от своего задушевым голосом, огневой пляской сразу же покорил мое сердце. Он стал у нас частым гостем еще до того, как мы поженились. И каждый раз, приходя, приносил дорогие подарки и мне, и моей маме. Она была без ума от такого завидного жениха для дочери — богатый, красивый, обходительный, лучшего мужа не пожелает. Он говорил — а мы верили, что родные у него в Ленинграде, что его отец — известный художник-декоратор, который уделяет сыну большую часть своего заработка. И я стала женой Петра, — она горько и безнадежно махнула рукой. — Пять лет я была счастливейшей из женщин. Мы с мужем жили душа в душу. Моя мать не хотела покидать Свердловск, где умер отец. Я же разъезжала с мужем по разным городам, где гастролировал хор, и, казалось, всюду мы чувствовали себя молодоженами.

В течение этих пяти лет Игорь, дядя Петра, лишь изредка промелькнет, бывало, на нашем горизонте и снова надолго исчезает. Но иногда он и Петра увлекал за собой по своим, неведомым путям-дорогам, и только через несколько дней муж возвращался домой усталый и молчаливый.

Каждый месяц мы получали по почте довольно значительные суммы. Я верила, что богатый отец оказывает поддержку сыну, и беззаботно тратила эти деньги.

Однажды Игорь неожиданно появился у нас в Ростове. Мы жили в двухкомнатном номере гостиницы. И Игорь занял одну комнату, сказав, что у него часто повторяются сердечные приступы, и несколько дней никуда не выходил. Все это время к нему приходили какие-то таинственные личности, но я ни на кого не обращала внимания. Единственное, что насторожило меня, это была какая-то неестественность в отношениях между дядей и племянником. Петро старался держаться обычно и непринужденно, но, как я заметила, это у него не получалось. Стоило ему взглянуть на своего вечно хмурого и раздражительного дядьку, как в голосе и жестах моего мужа появлялась какая-то рабская покорность, забитость. Он даже боялся поднять на Игоря глаза.

Однажды вечером мы сидели у себя в номере за ужином вместе с «выздоровевшим» Игорем и кем-то из его друзей. Игорь хотел закурить папиросу, чиркнул спичкой, но почему-то случилось так, что сразу вспыхнула вся коробка. Испуганный Игорь отбросил пылающий коробок и попал ненароком в своего друга. Потом вскочил с места, испуганный и разъяренный. Я не сдержалась и рассмеялась ему в лицо, — Раиса нервно передернула плечами и, вздохнув, продолжала: — Тогда вся его ярость обрушилась на меня. Он страшно засверкал глазами и закричал: «Убирайся отсюда, сучья дочь, не то...» — и угрожающе потянулся к карману. Я выскочила из комнаты.

Когда я, немного успокоившись, вернулась к себе, Игоря уже не было. Не было и того, другого. Петро, по-моему, перепугался больше, чем я. Всю ночь мы не смыкали глаз. Потом просидели весь день молча, не высовывая носа за дверь. Петро за это время не взял в рот ни кусочка хлеба. К вечеру он почувствовал себя плохо, его стало знобить, и он лег в постель. Я хлопотала у постели мужа, когда вошел Игорь. Он остановился, взглянул на меня и тихо, но угрожающе сказал:

— Она еще здесь?

Петро вскочил с постели, испуганный, подбежал к Игорю, весь скалясь, словно бы даже стал меньше ростом.

— Прости ее, дядя, — умоляюще шептал он. — Подари ей жизнь, ради меня, а уж мы тебе отслужим...

Игорь задумался на мгновение, улыбнулся и, повернувшись, пошел к выходу. У самой двери он остановился.

— Ладно, в этот раз будь по-товарищу. Послезавтра чтоб были в Харькове. Оба, — сказал он и вышел...

Мы приехали в Харьков ночью. На вокзале нас встретил какой-то мужчина с длинными баками и проводил в гостиницу.

Я ничего не могла понять из происшедшего. Потом Петро рассказал мне, что Игорь — главарь большой шайки преступников, что он безраздельный повелитель и распоряжается их жизнями. Рассказал он и то, что дядя уже несколько раз принудил его пойти на грязное дело.

— Как ты встал на этот путь? — в ужасе закричала я.

— Видит бог, я хотел жить честной жизнью. Но он пригрозил мне смертью, ты еще не знаешь его... — Стоило хотя бы взглянуть на Петро, чтобы убедиться, что он не рожден для подобной жизни. — Игорь не одного непокорного отправил на тот свет, — шепотом добавил Петро, — он жесток и безжалостен.

— Почему же они так разгневались на меня?

— Ты засмеялась. Игорь считает себя сверхчеловеком и никому не прощает насмешки над собой. Хорошо еще, что мы были в гостинице. Если бы это произошло где-нибудь в темном, безлюдном месте — бог знает, чем бы все это для тебя кончилось!..

Я сидела испуганная и растерянная. Псасть в лапы к такому человеку... А как, как от него избавиться?

— Для чего же он нас вызвал сюда? — спросила я.

— Не знаю... Может, хочет отомстить. А может — пошлет нас на какое-нибудь опасное дело.

Два дня мы провели в ожидании, но никто не приходил. На третий день явился посланец Игоря и куда-то увел Петра. Ночью он вернулся мрачный, молчаливый. Только одно сказал: «Теперь моя жизнь гроша не стоит, хоть пулю в лоб пускай...» Я чувствовала, что какое-то несчастье неотвратимо приближается к нам, но Петро упорно молчал, и я ничего не могла понять.

— Завтра вечером пойдешь в театр, — сказал он мне, когда мы уже собрались спать.

— Нашел время по театрам ходить!

— Слушай, дорогая! — Он схватил меня за руку и усадил в кресло. Сам же встал напротив. — Выслушай, что я хочу тебе сказать. На этот раз я скажу правду, одну только правду. Деньги, на которые мы с тобой живем, Раиса, присланы из кассы шайки Игоря. У меня нет ни матери, ни отца, ни вообще кого-либо из родственников, кроме него. Его люди работают в разных городах и отовсюду шлют ему долю. Я уже говорил тебе — он их главарь, всемогущий и единоличный. Его называют «Барон». Он распоряжается деньгами, распоряжается людьми. Ослушаться его — смерть.

Петро испуганно поежился и, понуриив голову, сказал:

— Ты помнишь, дядя иногда брал меня с собой. Мы шли на эти дела. Я не мог отказаться — боялся.

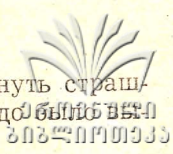
— Значит мы с тобой — преступники, Петро?!

— Так получается. Завтра придется и тебе начать работать на Игоря. Я в ужасе вскочила с места и закричала:

— Никогда! Этого никогда не будет!..

Петро ласково обнял меня одной рукой и тихо сказал:

— Как хочешь, дорогая. Но послезавтра мы оба будем мертвы — и ты, и я...

...Раиса провела рукой по глазам, словно пытаюсь отряхнуть страшные видения. Я не торопил ее. И она сама заговорила — ей надо говорить все, что накопело на душе.

— На другой день я сидела в партере местного драматического театра. Я была одета в роскошное платье, на шее и на руках у меня сверкали драгоценности. На меня обращали внимание — я тогда была совсем молодая, красивая. — Раиса, конечно, сейчас и думать не могла о кокетстве, но непроизвольным движением женщины, которой все восхищаются, взбила рукой волосы и опустила глаза.

— В кресле рядом со мной сидел невысокий мужчина средних лет, — продолжала Раиса. — Его большие, беспокойные глаза при одном взгляде в мою сторону становились страстными и умоляющими. Ясно было, что он был горячим поклонником женского пола. На сцене картина следовала за картиной, но он, по-моему, вообще забыл о спектакле. Как только гас свет в зале и взвивался вверх занавес, он оборачивался ко мне и довольно громко вздыхал. Все это было мне на руку.

В антракте он решил заговорить со мной. Сперва попросил программу, потом мимоходом отпустил какое-то замечание об авторах, об актерах. Ко второму антракту мы уже беседовали как старые знакомые. Его серые глаза засияли от удовольствия, когда на его осторожные расспросы, я ответила, что у меня нет ни мужа, ни поклонников. Он стал чуть не клясться, что одинок в жизни. Я знала, что это такая же неправда, как и моя.

«Я не женат, — заявил он, — по специальности горный инженер». А мне сообщили, что у него были и жена и дети, а работал он директором крупного ювелирного магазина. Известно было и то, что он всегда носил с собой ключ от этого магазина. Именно этот ключ и интересовал Игоря. Поэтому и очутилась я в театре, рядом с этим низеньким, влюбчивым ювелиром.

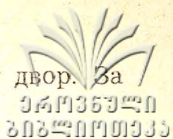
После спектакля он пригласил меня в ресторан. Но я предпочла в этот теплый осенний вечер прогуляться вдоль берега Лопани.

Он следовал за мной с покорностью бычка, которого тянули за привязанную к рогам веревку. Заметив две тени, преследовавшие нас по пятам, я в ужасе закрыла глаза, прильнула к каменному парапету. И тотчас же услышала короткий удар, нервные, приглушенные голоса Игоря и Петра. Потом что-то с плеском упало в реку...

В ту же ночь я с Петром уехала из Харькова. Игорь приказал нам вернуться в Ростов, но я сказала мужу, что наотрез отказываюсь подчиняться Таманову. Долго уговаривал меня Петро, убеждал, что от всевидящих глаз Игоря нигде не скраться, что он будет мстить, и мстить жестоко. Но я настояла на своем.

Мы, минуя Ростов, направились прямо в Тбилиси. Поселились в Надзаладеви, в семье знакомого железнодорожника. Я думала отсидеться здесь год-два, а за это время Игорь вообще забудет о нас или же злость у него пройдет, и он пощадит нас как родственников. Но беда и здесь настигла нас. — Раиса отпила воду из стакана и продолжала: — Однажды, вернувшись с базара, я не застала мужа дома. Хозяйка сказала мне, что заходил какой-то неизвестный мужчина и увел его с собой. Не пришел Петро домой и к обеду. Прошло время ужина. Я волновалась, сердце предчувствовало недоброе. Было уже часа два ночи, когда в дверь кто-то постучал. Я вскочила, бросилась отпирать, с языка готовы были сорваться слова упрека мужу... Но за дверью стоял Игорь. Он не двигался, словно окаменев, не произносил ни слова. Вдоволь насладившись моим ужасом, он наконец произнес:

— Одевайся, возьми с собой все, что у вас есть, и идем за мной. — Я подчинилась этому холодному голосу.

— Где Петро? — решила я спросить, когда мы прошли двор. За калиткой к нам молча присоединились два незнакомца.

— Там, куда мы идем, — бросил в ответ Игорь.

Мы долго блуждали по каким-то темным, извилистым улицам. Потом мы вслед за Игорем взобрались на какой-то подъем. В конце неосвещенного переулка я с трудом различила на черном фоне ночного неба смутные контуры надгробных камней. Игорь уверенно обошел невысокий могильный холмик и спустился в небольшую лощинку. Мы следовали за ним. Там лежал завернутый в черное полотно труп.

— Вот и Петро, ошарашенный своей женой, — услышала я скрипучий голос Игоря. — Вообще-то и тебя следовало отправить вслед за ним. Но я дарю тебе жизнь. Разумеется, если ты забудешь о непокорности, не то... В общем, прощайся с покойником.

Я упала на холодную грудь своего несчастного мужа.

На следующий день поезд мчал меня в Москву. Я стала покорной рабой Игоря. Он приказал мне перевезти в Тбилиси мою мать. — Раиса упиралась локтями в мерно покачивающийся столик, лицо спрятала меж ладонями и тихо, ровным голосом притерпевшегося к горю человека, рассказывала свою историю. — С того дня Игорь повелевал каждым моим шагом, и я не смела ослушаться его. Я боялась... — Она надолго смолкла, словно не хотела произносить больше ни слова.

— А дальше что? — спросил я, чувствуя искреннее сострадание к ней.

— Ничего... Ты не поверишь, может быть, но ничего. Я даже не видела его с того дня ни разу, до тех пор, пока... Он присылал каждый месяц деньги. Но сам не показывался. Ни он, ни его дружки... Раиса выпрямилась, посмотрела мне прямо в глаза и глубоко вздохнула: — Поверь мне, я не видела никого из них, пока в начале этого месяца...

— Этого месяца?.. — прервал я ее удивленно и замер.

— Да, до начала этого месяца, пока в цирке не начались гастроли нового хора. Тогда ко мне пришли двое мужчин и передали поручение Игоря. Не поручение, а приказ... — снова вздохнула Раиса.

— Какой приказ?

— Они собирались похитить какую-то драгоценную икону из Сионского храма, и я должна была помогать им.

— А потом что?

— Потом?.. Икону-то мы взяли. Ее я и везла в Харьков, чтобы передать там человеку Игоря. Но в Харькове никто меня не встретил... Теперь ты знаешь все.

— Где икона? — продолжал я свои вопросы, уже не заботясь о том, что могу проявить любопытство, чрезмерное для родственника страдающей женщины, только что завершившей свою исповедь.

— Икона... Она была в маленьком чемоданчике, который у меня украла в Харькове, — обреченно проговорила Раиса. — Я не знаю, что меня ждет теперь. Если я и избегну угрозыска, то уж мести бандитов мне не избежать.

— Почему, ты ведь не виновата?..

— Кто поверит, что я и впрямь потеряла икону... — Раиса рывком опустила окно. В купе ворвался холодный воздух. Она расстегнула воротник, словно он душил ее, подставила лицо ветру. Ее широко открытые глаза были устремлены вдаль, в покрытые снежным пологом просторы полей.

...Утром, когда наш поезд приближался к Тбилиси, за окном царил весна. Солнце беззаботно смеялось с высоты, словно только что проснувшийся ребенок.

Я и Раиса стояли у открытого окна и смотрели на медленно приближающийся перрон, забитый встречающими. Она с надеждой глядела на людей, как будто мое присутствие вселяло в нее веру и силу. Правда же: в самом конце я остался для нее юристом Миндиашвили, и она не покинула вала, что похищенная икона преспокойно лежит в моем чемодане.

Тбилиси встречал нас многолюдной толпой, и Раиса молча приветствовала его синим сиянием своих повлажневших глаз.

...Теперь, когда вы заходите в Сионский собор, можете увидеть на южной колонне, над иконой Марткобского Спаса, висящую на своем старом месте спасенную икону: на ней с исключительным мастерством изображена молодая прекрасная женщина с румяным младенцем на руках.

Эта икона известна под названием Сионской богородицы. К ней прикреплена небольшая серебряная табличка, на которой можно прочесть:

«Икона Богородицы, называемая также Сионской, более известна под именем иконы Саванели: в сентябре 1795 года, после ухода из Тбилиси войска Ага-Магомет-хана, в храм Сиони пришла старая женщина по имени Мариам Микелашвили, которая чудом спаслась от угона в плен вместе со всеми. Увидев в храме золу и мусор, она стала разгребать их и случайно обнаружила под ними икону Богородицы и взяла ее с собой. Эта икона до 1899 года хранилась в семье Александра Ивановича Саванели, родственника Мариам Микелашвили. А в указанный год с согласия и одобрения А. И. Саванели икону обрядил в драгоценный оклад из позолоченного серебра Георгий Димитриевич Шервашидзе и с соответствующей надписью вернул ее храму. Оклад сей 23 февраля 1934 года был потерян, но сама доска с изображением (икона) оказалась спасена и водворена на место».

Так кончилась история похищения Богородицы. Пожалуй, и с Раисой Миндиашвили все было ясно — она вернулась к жизни. Но на этом не кончалась наша задача: опасные преступники разгуливали на свободе, их предстояло выявить и обезвредить. Следствие продолжалось.

Часть II. ИСПОВЕДЬ «ПОСЛЕДНЕГО БАРОНА»

У подъезда угрозыска я увидел Пиртахия. Он стоял со скучающим видом и оживился лишь увидев мою машину. Пока я провожал Раису Миндиашвили с вокзала домой, Владимир успел зайти на работу. Вид у него был довольно мрачный. Он прислонился к дверце автомобиля начальника отдела и лениво переговаривался с шофером.

— Как дела? Что-нибудь случилось? — спросил я, вылезая из машины. Он успокоительно улыбнулся, но я чувствовал, что на сердце у него беспокойно.

— Случилось... Чтоб им... — Он, не сдержавшись, выругался и махнул рукой. «Новые заботы», — подумал я, пока мы подымались в свой отдел.

— Что же все-таки произошло? — спросил я.

— Эти ротозеи упустили Стася и Саидова.

— Как?..

— Вчера, говорят, проводили до самого дома. А сегодня на рассвете их уже не было. Целое утро их прождали впустую.

— Потом?

— А что потом... В филармонии тоже не знают, куда они могли деваться.

Я молчал, стараясь осмыслить происшедшее. Потом спросил:

— Где икона?

— В сейфе, — коротко ответил Владимир.

Вот так-так! Мы искали их сообщников на Украине, хотели взять всех сразу, а упустили преступников здесь, из-под носа! Да, наши информанты датели удружили нам! «Размышлениями в кабинете делу не решешь», — решил я и направился к подъезду. На лестнице мне встретился начальник отделения. По его сдержанному приветствию и кислой улыбке я догадался, что ему уже известно обо всем. «Слышали?» — спросил он на ходу и заторопился к машине. Я последовал за ним.

— Слышал, как же, — начал я. — Мы боремся с преступниками, а сами...

— Ради бога, не философствуй, — прервал он меня.

Я удивился: как мог допустить такую резкость этот всегда сдержанный и корректный человек. Я обогнал его, возмущенно обернулся, но замолк, увидев его усталые, покрасневшие от бессонницы глаза, которые, казалось, укоряли меня: «Тебе, брат, хорошо горячиться, а ты нас спроси...»

Начальник подошел к машине, открыл дверцу, но, задумавшись, остановился. Шофер включил мотор и нетерпеливо поглядывал на своего хозяина, но тот не двигался с места.

Я вернулся в здание и медленно подымался по лестнице, хотя сознавал, что мне надо сейчас же вернуться, подойти к начальнику, своему старому другу и коллеге, надо сказать ему что-нибудь. Да и он не мог вот так — молча и холодно — расстаться со мной, только что вернувшимся с важного задания, с дальней дороги. Старый следственный работник, он должен был расспросить меня о результатах рейда.

Едва поравнявшись с часовым, я услышал снизу знакомый голос: начальник звал меня. Я помчался вниз, перескакивая через две ступеньки. Он стоял на пороге, слегка улыбаясь и засунув руки в карманы своей черной кожаной куртки. «И ты иди», — кивнул он Пиртахия и вернулся к нетерпеливо фыркавшему «фордику». Зябко передернув плечами, он взялся за ручку двери.

— У меня и так кошки на душе скребут, а тут еще твои упреки выслушивай, — улыбнулся он. Потом обернулся к Владимиру. — Садись вперед, рядом с шофером, а мы, старики, сзади устроимся.

— Куда мы едем? — спросил я, когда машина завернула на площадь Свободы.

— Мы едем к месту преступления. — Он снова стал сосредоточен, даже мрачен. — Весьма серьезного преступления. Но прежде о вашем путешествии.

Одним духом рассказал я все, что нам пришлось пережить в погоне за иконой богородицы. Сказать правду, мысли мои теперь уже обратились к новому преступлению, о котором я пока ничего не знал.

Начальник отделения слушал меня внимательно и не перебивая, только изредка поглядывая в мою сторону. Когда я закончил свое повествование, он коротко одобрил: «Молодцы, ребята, хорошо поработали» и надолго задумался. Потом прищурился и повернулся ко мне.

— Эту Миндиашвили не упускай из виду. Видно, она не совсем пропащий человек. В общем, о ней не следует забывать.

Наш «форд» вырвался на Военно-Грузинскую дорогу, миновал шлагбаум. Стрелка спидометра плясала возле отметки «90». В машине стояла тишина. Начальник внимательно смотрел на широкое шоссе, пролежавшее между холмами и рекой. Лучи неяркого солнца робко поблескивали на асфальте.

Я еле сдерживался, чтобы не задать вопрос о новом происшествии. Пиртахия беспокойно ерзал на сиденье, то и дело оглядывался назад, вздыхал, как тяжелобольной. Начальник не прерывал молчания, словно на-

рочно, чтобы испытать наше терпение. Глянув на спидометр, он сказал шоферу:

— Чего ты ползешь, словно арба несмазанная. Жми!

Машина птицей летела по дороге. Наконец начальник словно бы нехотя и через силу:

— Скоро мы прибудем к месту весьма интересного происшествия... — Достав портсигар из кармана куртки, он пригнулся, чтобы раскурить папиросу. Я готов был поклясться, что заметил, как Пиртахия навострил уши. Любопытство разбирало и меня.

— Мне сообщили, что сегодня утром километрах в двадцати за Мцхета какой-то охотник нашел труп женщины. Врач, фотограф и эксперт уже выехали, а я дожидался вас, — выпустив струю дыма, он задумался. Потом продолжил: — Хорошо, что вы прямо с вокзала дали знать о своем прибытии, а то я не стал бы вас ждать..

— Больше в сообщении из Мцхета ничего не было? — спросил Владимир.

— Чего уж больше?

Начальник был явно расстроен. Обычно разговорчивый и остроумный собеседник, он теперь молча глядел по сторонам. Стрелка спидометра упиралась в «100». Телеграфные столбы и придорожные кусты стремительным пунктиром проносились за окном. День был ясный, спокойный, но у нас в ушах пронзительно, как по покойнику, выл ветер. «Форд» торпливо наматывал на колеса ленту шоссе.

Впереди у обочины стояли «кадиллак» и наша оперативка — старенький «газик». Поодаль столпилось человек десять. Шофер резко затормозил, мы спрыгнули на дорогу.

Слева, по гребню холмов тянулся редкий подлесок. По правую сторону от дороги, сразу же за кюветом, там, где стояли машины и скучились случайные любопытные, ветер раскачивал спутанные верхушки листовного молодняка. Дальше взору открывалась красноватая широкая впадина. Нам хорошо было видно, как внизу, в лощине, суетились вокруг небольшого возвышения наши работники. Осторожно спустившись по крутой, уступами спускавшейся вниз тропке, начальник, а вслед за ним и я с Владимиром подошли к собравшимся.

...Убитой было по виду лет двадцать пять. Высокая, смуглая, с рассыпавшимися по лбу черными волосами, женщина, казалось, продолжала улыбаться. Припухшая верхняя губа укоризненно приподнялась, словно убитая хотела сказать: вы бы мне живой пришли на помощь, а теперь уж ваши хлопоты мне не помогут. На ней были чулки телесного цвета и модные туфли. Кизилового цвета пальто разметалось по земле, словно владелица расстелила его, чтобы просто прилечь и отдохнуть. На безымянном пальце откинутой в сторону руки сверкало толстое золотое кольцо с бриллиантом, искрившимся под солнечным лучом.

— Золотое кольцо, драгоценный камень, — шепнул мне Владимир, когда мы подошли поближе.

— Да, — ответил я коротко. Пиртахия хотел обратить мое внимание на то, что убийство было совершенно не с целью грабежа.

Фотограф уже отснял тело убитой в разных ракурсах. Врач ждал нас, не приступая к детальному обследованию трупа. Начальник дал разрешение начать осмотр.

Пулевое отверстие на затылке было маленькое, почти незаметное. Зато в верхней части лба зияла большая рана, прикрытая прядкой волос. По характеру ранения можно было предположить, что убийство совершено из револьвера системы «Наган».

Видно, женщина свалилась с пригорка и уже бездыханная катилась вниз. Пальто и черное шерстяное платье вывалились в землю. Кроме од-

ной раны, которая и оказалась смертельной, на женщине мы не обнаружили никаких признаков насилия. Только на борту пальто явственно обозначился след узкой мужской туфли, запачканной красной глиной.

Начальник молча оглядел верхний край котловины. Я проследил за его взглядом, подумал: «Должно быть, оттуда несчастная и свалилась».

— Проклятый, ногой толкнул, — шепнул мне снова Пиртахия.

— Проведите обмер следа, — приказал начальник эксперту научно-технического отдела.

Длина следа оказалась двадцать девять сантиметров.

— Ого, какой высокий! — Начальник прищурился и посмотрел в нашу сторону: — Во сколько раз рост человека превышает длину ступни? — спросил он.

— Примерно, в семь раз, — ответил Владимир.

— Перемножьте двадцать девять на семь.

— Два метра три сантиметра, — тотчас подсчитал Владимир.

— Правильно, — подтвердил начальник. — А какова поправка на обувь?

— Надо отнять миллиметров пятнадцать-двадцать.

— Не забывайте, что след оставлен узкой туфлей французского фасона с удлинненным носком, — вставил эксперт.

— Даже если откинуть три-четыре сантиметра, останется около двух метров. Так что мы имеем дело с весьма высоким человеком. — Начальник внимательно вглядывался в лицо убитой, словно ожидая, что она сообщит сведения чрезвычайной важности.

Фотограф поднес аппарат к самому следу и снял его крупным планом. Врач принялся составлять заключение об осмотре трупа. Мы стали обыскивать убитую, но кроме шелкового носового платка и теплых шерстяных перчаток ничего найти не смогли.

Пиртахия, осматривавший местность, нашел в кустах сумочку. В ней вместе со всякими женскими мелочами — зеркальцем, пудреницей, помадой — лежала довольно толстая пачка денег — тысяча двести рублей и тяжелый золотой браслет, усыпанный бриллиантами. Владимир вытащил из сумочки маленькую серую книжечку — удостоверение личности убитой — и протянул начальнику. Тот прочитал:

— Зинаида Николаевна Кантакузен.

— Где работала? — спросил я.

— В строительном тресте Тбилсовета. Чертежницей была, бедная, — ответил начальник и сочувственно посмотрел на убитую.

— Конечно, если удостоверение ее. Здесь нет фотографии...

— Она действительно была чертежницей, — прервал врач.

— Почему вы так думаете?

— На последнем суставе среднего пальца правой руки убитой затвердение, кожа на внешней стороне мизинца огрубела. Все эти признаки характерны для профессий, связанных с черчением.

— Значит удостоверение ее, — сказал начальник, передавая мне книжечку. Потом повернулся и пошел вверх по тропинке. Шагов через десять остановился, знаком велел мне и Пиртахия следовать за собой. Остальные остались на месте, чтобы детально обследовать все вокруг.

Лощину охранял милиционер, преграждавший путь любопытным. Начальник с разных точек осмотрел место, где лежала Кантакузен. Наконец он сказал:

— Да, Зинаида Николаевна стояла именно здесь, когда в нее выстрелили сзади, толкнули ногой и сбросили вниз. — Молча повернувшись, он решительно зашагал к шоссе. Я остался на месте, не отрывая от него взгляда. Он шел, склонив голову, словно о чем-то задумавшись. Потом

оглянулся, махнул мне рукой и медленно продолжал свой путь. Я быстро догнал его.

— Если я не ошибаюсь, здесь поблизости должна быть свиноферма какого-то колхоза, — проговорил он как бы про себя и, вытаскивая из кармана куртки спички, закурил измятую папиросу, которую давно уже жевал.

— Свины? — Я удивленно глянул на начальника.

— Да, свиньи. Что тут удивительного? По-моему, мы даже видели какой-то домишко по пути, должно быть, для свиinarей... — Судя по интонации, он хотел еще что-то добавить, но умолк, так и не договорив. Мне было ясно, о чем он подумал.

Быстрым шагом прошли мы около километра. Слева от дороги показался маленький досчатый домик. За ним на невысоком зеленом холмике паслись свиньи. Подойдя к калитке, начальник кликнул хозяев. На зов выплянул крепкий, коренастый мужчина невысокого роста. С удивлением оглядев запыхавшихся от быстрой ходьбы гостей, вежливо поздоровался и пригласил зайти в дом.

Начальник, не говоря ни слова, шагнул за ограду, огляделся. Хозяин заспешил к домику, вытащил три тяжеленные колоды и бросил на землю. Мы уселись на них.

Начальник все еще не произносил ни слова, разглядывая свиней. Потом повернулся к свиinarю и спокойно сообщил:

— Мы из угрозыска.

Хозяин поежился, потрепал рукой чуб. На его небритых щеках проступила желтизна, глаза настороженно забегали по нашим лицам. Но, заметив в уголках глаз начальника улыбку, он сразу же успокоился и вся его повадка стала совершенно иной.

— Вы, верно, поросят хотите, но я не имею права их продавать! —

Вскочив с колоды, он торопливо добавил: — Впрочем, если вы подождете, я могу сбежать домой, у меня еще осталось две штуки... — Веселого вид свидетельствовал о готовности немедленно отправиться за поросятами, но начальник прервал его, жестом показал — сиди, мол, на месте.

— Не беспокойся, нам не нужны твои поросята. У нас дело серьезнее.

Свиinarь поморщил лоб, удивленно спросил:

— Серьезное дело? Ко мне? — Он скинул тушинскую шапку, словно ему стало жарко.

— Где ты был вчера ночью?

— Здесь и был, где же еще? Клянусь богом, уже трое суток шагу отсюда не делал. Напарник мой заболел, а свиней ведь без присмотра не бросишь? — Казалось, такое важное обстоятельство, как болезнь товарища, прибавило ему бодрости, и он смело взглянул в глаза начальнику.

— Очень хорошо, друг. Тогда ты вот что должен сказать нам... — Начальник достал коробку папирос и протянул хозяину. — Если ты не спал ночью и стерег своих свиней, то должен был слышать выстрел.

Свиinarь, нервно закурил мундштук папиросы и ответил слегка дрогнувшим голосом:

— Слышал, как же... Далеко, правда, но слышал. Я сидел с ружьем у калитки и подумал: может, соседи волка заметили, вот и стреляют. — Закуривая папиросу, он смотрел на начальника.

— Когда это было?

— За полночь.

— Что же ты сам в это время делал у дороги? Ждал кого-нибудь? —

— Законный вопрос, — улыбался свиinarь и, как будто даже довольный, задымил папиросой. — Незадолго до этого выстрела от меня родственник уехал. Он из Тбилиси на арбе возвращался, накануне кое-что от-

вез на базар. Ну, и отдохнул у меня немного, скотину накормил — напоил, сам подкрепился.

- Откуда он? — нетерпеливо спросил начальник.
- Из Пасанаури. Тедо его зовут, Очаури по фамилии.
- Долго он у тебя пробыл?
- Часа два, пожалуй, проболтали.
- Он уехал, и сразу же раздался выстрел?
- Да, почти сразу же...

Начальник решительно поднялся. Хозяин тотчас же вскочил и, робко поглядывая на нас, попросил:

— Не побрезгуйте нашей хлеб-солью, стаканчик водки за здоровье выпейте...

— В другой раз, братец, сейчас мы спешим. — Начальник улыбнулся, хлопнув его рукой по плечу, и зашагал к калитке. На ходу бросил мне: — Не забудь — Тедо Очаури.

Хозяин догнал его, встал на дороге и торопливо заговорил:

— Очаури — честный человек, может кто оговорил его перед вами, так вы не верьте. Должно быть, ошибка произошла...

— Ну что ж, тем лучше. Честный человек поможет нам. — Начальник посмотрел на свинаря и закончил: — Только несколько вопросов зададим твоему дружку и все... — Засмеявшись, протянул хозяину на прощание руку.

— Все село поручится вам за него... Он, конечно, поможет вам во всем... Такого честного человека поискать надо... — не отставал от нас перепуганный свинарь, пока мы не затворили за собой калитку.

Мы молча шагали рядом по дороге. Я предчувствовал, что начальник прикажет мне поехать в Пасанаури и поговорить с Очаури. Наконец, будто внезапно вспомнив что-то, он остановился и спросил:

— Что можешь сказать о той женщине?

— Много ли узнаешь вот так, с одного взгляда, да еще о покойнице? — буркнул я.

— Да я тебя не о покойной Кантакузен спрашиваю, меня интересует сейчас Раиса Миндиашвили.

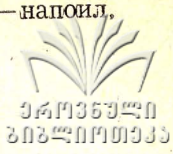
Я откровенно сказал все, что думал об этой несчастной, сбившейся с пути женщине.

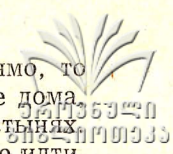
— Если она впрямь хочет вернуться к правильной жизни, нам надо будет ей помочь, — сказал он и задумчиво потер подбородок. — Сейчас, пожалуй, у тебя задача нелегкая. Придется объясниться с ней, рассказать обо всем, да так, чтобы она правильно все это поняла, не обиделась!..

— А дальше? — растерянно спросил я, все больше теряя нить рассуждений своего давнего друга и начальника. Только чувствовал, что передо мной возникают удивленные, испуганные и недоуменные глаза Раисы, и кровь залила мне щеки. Как объяснить одинокой, растерянной женщине, доверившейся мне в поисках спасения и поддержки, что я вовсе не родственник, не близкий ей человек, а обманщик, воспользовавшийся ее доверием в своих целях. Как убедить, что сотрудник угрозыска может быть для нее настоящим другом! Неужели начальник не чувствовал моего состояния, не понимал причины моей растерянности?

— А дальше вот что... — прервал он наконец мучительное для меня молчание. — Раз уж она доверилась тебе, то надо оправдать ее доверие, помочь, выволить из беды. Ведь это и есть наша задача, дорогой! — искоса взглянув в мою сторону, решительно заключил он.

Разумеется, я сам знал все, что он говорил. Но мне почему-то казалось, что именно в этом случае я бы не смог открыто взглянуть в глаза Раисе. А начальник не отставал:

— Пойди к ней и расскажи обо всем.

Легко сказать: пойди и расскажи! Хотя, если говорить прямо, то такова уж наша профессия — мы не возводим по кирпичику новые дома, не перебрасываем мосты через реки, не прорываем каналы в пустынях. Наше дело оберегать жизни и души людей. А я рассуждаю: идти — не идти, что сказать — чего не говорить...

Мне вдруг очень захотелось увидеть Раису. Я ведь в ответе за ее судьбу. И, может быть, в эту минуту ей так трудно без меня, она ждет, а я...

На дороге показались наши сотрудники. Труп убитой положили в кузов оперативки. Начальник долго смотрел на молодую женщину, безвременно распрощавшуюся с жизнью, и в глазах его затаилась грусть. Потом обратился ко мне.

— Жаль, что ты только с дороги и устал, не то... Сам понимаешь, горячему следу нельзя дать остынуть. Повидал бы Очаури, может, и сообщит он что-нибудь интересное.

— Готов выполнить ваше задание, — не задумываясь, ответил я. — Времени терять нельзя...

— Денег у тебя достаточно? — деловито поинтересовался начальник, словно иного ответа он и не ждал.

— Есть деньги.

— Ну, так поторапливайся. Может, найдешь и других очевидцев, кроме Очаури. А Пиртахия соберет сведения о личности Кантакузен в городе. — Начальник спросил у шофера, хватит ли ему бензина на дорогу, и пожелал мне счастливого пути.

...Солнце стояло еще высоко в небе, когда наш «фордик» свернул с шоссе на широкий проселок и подъехал к одноэтажному каменному дому. Стройная, молодая женщина отогнала мохнатую овчарку, которая выглядывала на дорогу, положив на плетень лапы. Потом хозяйка гостеприимно распахнула калитку.

Я спросил Тедо.

— Муж вернулся на рассвете и теперь спит. — Женщина пригласила войти, а сама не стала дожидаться, пока я выйду из машины, повернулась и, подобрав подол длинного платья, пошла к дому.

Скоро на пороге показался и сам хозяин — молодой чернявый парень в накиннутой на плечи кожаной куртке и серой войлочной шапке на голове. Медленно спустился он во двор, поглядывая в мою сторону. Видно, как ни всматривался, не мог узнать нежданного гостя. Остановившись возле калитки, парень поздоровался, снова оглядел меня с ног до головы и, улыбнувшись, сказал:

— Пожалуйте в дом, не то люди увидят, что я своих гостей у калитки держу, — засмеют потом.

Войдя в тенистый двор, я направился напрямик к навесу. Хозяин уговаривал и шофера воспользоваться его гостеприимством. Я выглянул на улицу и попросил хозяина поскорее зайти в дом, так как мы очень торопимся и наше дело не терпит отлагательства. Тотчас же оставив шофера, он молча, не задав ни одного вопроса, прошел к навесу. Я уселся на низкой трехногой скамеечке, хозяин по моему знаку устроился рядом. Смущенно взяв предложенную мною папиросу, Очаури, наконец, решился спросить, кто я и по какому делу. Узнав, что я следователь угрозыска, он потер лоб, потом коротко сказал:

— Слушаю вас...

— Я сделал такой крюк, потому что уверен: вы мне поможете в моем деле, — сказал я, когда мы оба задымили папиросами и хозяин немного пришел в себя.

— Человек должен помогать человеку, иначе и жить не стоит, — с достоинством ответил Очаури, сдерживая расправившее его любопытство и стараясь скрыть его от меня. — Скажите, ради чего вы проделали такой ний путь.

— Меня интересуют все подробности вашего вчерашнего путешествия.

Удивленно взглянув на меня, он растерянно усмехнулся и переспросил:

— Вчерашнего путешествия?

— Да. Вы ехали ночью на двуколке, не так ли?

— Точно так. Я уже миновал Дидубе, когда меня настигла темнота.

Но что именно вас интересует?

— Мы хотим узнать об одной женщине. Она пропала без вести... — Я не хотел говорить об убийстве, чтобы не насторожить его, не отбить охоту говорить.

— Почему вы спрашиваете о ней у меня? — удивленно и даже обиженно сказал он, не переставая, однако, улыбаться.

— Послушайте, — неторопливо продолжал я, — женщина, о которой я вас спрашиваю, вышла вчера под вечер из дому и не возвращалась. Один из ее знакомых сообщил нам, что видел ее поздно вечером идущей по Военно-Грузинской дороге. — Я подчеркнуто хладнокровно, с видимым равнодушием, осмотрел свою папиросу и стряхнул пепел. — Родные этой женщины подняли такой трезвон, как будто с их дочерью могло бог весть что случиться. — Я вздохнул и пожал плечами. — Скорее всего она где-нибудь с милым сейчас скрывается, а мы должны, как ищейки, по свету рыскать. — Я понизил голос и добавил: — Что поделаешь, такова наша служба...

Хозяин приблизил ко мне лицо и, заглядывая в глаза, спросил:

— Она шла пешком?

— Да, по нашим сведениям, пешком. Ее сопровождал неизвестный мужчина.

— Не помните, как ее звали?

— Зинаида.

Тедо, услышав это имя, подскочил, и не отдавая себе отчета забормотал:

— Так и есть, это она... Молодая, высокая, волосы черные, вьющиеся. На ней было красное пальто, не правда ли? — Он сразмаху стукнул меня по коленке.

Продолжение следует

Андрей АГЛАДЗЕ

В борьбе за ленинский план построения партии

К 60-летию II съезда РСДРП

Ум, честь и совесть нашей эпохи — Коммунистическая партия Советского Союза, истоки которой уходят в «Коммунистический манифест» К. Маркса и Ф. Энгельса, воплотила в себе все лучшее, что дало революционное движение на Западе и революционно-демократическое — в России. Эта партия была создана в процессе длительной, неустанной, поистине героической и самоотверженной борьбы за осуществление гениального ленинского плана построения в России революционно-марксистской партии пролетариата. Вела ее возглавляемая В. И. Лениным славная плеяда племенных марксистов и бесстрашных профессиональных революционеров нашей страны.

В этой исторической борьбе важную роль сыграли революционеры-марксисты и социал-демократические организации Закавказья. Тесно связанные с В. И. Лениным, руководствуясь его указаниями и директивами, они, как до II съезда РСДРП, так и после, боролись против всех и всяких оппортунистов, за претворение в жизнь ленинского плана построения боевой революционной партии пролетариата на незбытом гранитном фундаменте творческого марксизма. «Великий основатель и вожь партии и Советского государства Владимир Ильич Ленин, — говорил Н. С. Хрущев в своей речи на совещании передовиков сельского хозяйства республик Закавказья 7 февраля 1961 года, — не раз отмечал выдающиеся заслуги пролетариев, революционных марксистов Закавказья в период борьбы за создание нашей партии, за победу социалистической революции. Грузинский, азербайджанский и армянский народы по праву гордятся тем, что из их среды выдвинулись замечательные революционеры, посвятившие жизнь борьбе за дело рабочего класса».

В России, где причудливо переплетались все формы социального и национального угнетения, на рубеже XIX и XX столетий, быстро назревала народная революция. Перед рабочим классом страны встала задача встретить эту революцию во всеоружии, возглавить ее, обеспечить ее решительную победу над царизмом и помещиками. Это была самая революционная задача, выполнение которой, по словам Ильича, сделало бы русский пролетариат авангардом международного пролетариата.

Чтобы выполнить эту задачу, пролетариату России нужна была своя боевая, централизованная, революционно-марксистская партия, партия нового типа, способная возглавить рабочий класс и трудящихся страны, сплотить их вокруг себя и повести на штурм царизма и эксплуататорских классов. Подчеркивая историческую необходимость и насущное, жизненно важное значение создания такой партии в России, В. И. Ленин говорил: «...дайте нам организацию революционеров и мы переведем Россию».

Героическую борьбу марксистов России за создание такой организации революционеров возглавил великий мыслитель и революционер, гениальный продолжатель учения и дела основоположников научного коммунизма К. Маркса и Ф. Энгельса — Владимир Ильич Ленин.

Еще в конце XIX века, в далекой сибирской ссылке, он разработал план построения в России революционно-марксистской партии пролетариата. Этот план предусматривал разгром оппортунизма «экономистов», ликвидацию идеологической неразберихи и организационной разобщенности, царивших в начале XX века в социал-демократическом движении России. В. И. Ленин указывал, что в борьбе за разгром эко-

номизма и ликвидацию разобщенности и кустарничества местных организаций и их комитетов, в борьбе за объединение марксистских социал-демократических кружков и групп в единую централизованную марксистскую партию решающую роль должна выполнить общерусская политическая нелегальная газета, которой предстоит стать не только коллективным пропагандистом и коллективным агитатором, но и коллективным организатором. Создание такой газеты В. И. Ленин считал первым шагом на пути борьбы российских марксистов за революционно-марксистскую партию.

Величайшая историческая заслуга В. И. Ленина в том и состоит, что он такую газету создал. Ленинская «Искра», первый номер которой вышел за границей в декабре 1900 года, высоко подняла знамя борьбы за творческий марксизм и революционно-марксистскую партию рабочего класса России. Газета развернула беспощадную борьбу против «экономизма», за преодоление идейного разброда и организационной неразберихи в работе местных социал-демократических организаций. Будучи тесно связанной с ними, «Искра», налаживая контакты этих организаций друг с другом через широкую сеть своих агентов и корреспондентов, последовательно готовила их объединение в единую централизованную партию на основе программных идеологических и организационных принципов, разработанных В. И. Лениным.

Благодаря неустанной деятельности ленинской «Искры» местные социал-демократические организации и комитеты один за другим переходили на ее позиции, становились ее надежной опорой в борьбе против оппортунизма, за партию нового типа. Уже к лету 1901 года она имела в России ряд опорных пунктов и групп.

Одними из первых на сторону ленинской «Искры» встали марксистские социал-демократические организации Закавказья, революционные социал-демократы Тифлиса, Баку и Батума.

«Революционное движение в Грузии имеет большую и славную историю, — указывал Н. С. Хрущев в своей речи на торжественном заседании в Тбилиси, посвященном 40-летию установления Советской власти и образования Коммунистической партии Грузии 12 мая 1961 года, — уже в 90-х годах здесь возникает социал-демократическая организация, из которой вскоре выделяется революционное, марксистское крыло».

Такой организацией в Грузии являлась возникшая в 1893 году «Месаме даси», из которой выделилось революционно-марксистское крыло. К концу 90-х годов XIX века в Грузии из представителей революционного крыла «Месаме даси» и революционных рабочих — социал-демократов сложилось ядро революционных социал-демократов в составе М. Цхакая, Л. Кецховели, А. Цулукидзе, Ф. Махарадзе, П. Джапаридзе, И. Сталина, М. Бочоридзе, З. Чодри-

швили, В. Стурца и др. В создании и деятельности первых социал-демократических организаций Грузии большую роль сыграли русские социал-демократы: Ф. Афанасьев, В. Курнатовский, М. Калинин, С. Аллилуев, Лузин и др.

По мере укрепления марксистских социал-демократических организаций Тифлиса, в 1898 году был организован Тифлисский комитет РСДРП — первый общегородской руководящий орган Тифлисской социал-демократической организации. Ее революционное крыло решительно примкнуло к Ленину и его «Искре». Пропаганда ленинских идей стала основной задачей социал-демократических организаций Тифлиса. На их первой конференции, состоявшейся в ноябре 1901 года, был избран Тифлисский комитет РСДРП ленинско-искровского направления — первый выборный руководящий орган тифлиских социал-демократических организаций.

В работе Тифлисского комитета РСДРП участвовали почти все видные деятели социал-демократического движения Грузии. Они установили тесную связь с В. И. Лениным и газетой «Искра», оборудовали свою нелегальную типографию, развернули большую издательскую работу.

Тифлисский комитет РСДРП не ограничивался работой в Тифлисе. До марта 1903 года он возглавлял социал-демократическое движение во всем Закавказье, руководил борьбой всех социал-демократических организаций этого края за осуществление ленинского плана построения партии.

Первым важным шагом тифлиских социал-демократов на пути к осуществлению ленинского плана создания партии, наряду с распространением газеты «Искра» среди передовых рабочих Грузии, было издание газеты «Брдзола» («Борьба»), первой в Закавказье грузинской нелегальной социал-демократической газеты ленинско-искровского направления.

Это было сопряжено с необходимостью вести беспощадную борьбу против оппортунистов, которые во главе с Н. Жордания и другими, подобно «экономистам», пытались насаждать организационную разобщенность и идейную неразбериху, категорически отрицали важность издания нелегальной социалистической газеты, предлагая положиться на легальную печать — газету «Квали» («Борозда») и другие издания.

Первый номер газеты «Брдзола» вышел в Баку под руководством Л. Кецховели в созданной им совместно с бакинскими искровцами нелегальной типографии. Газета сыграла большую роль в сплочении социал-демократических организаций Грузии и всего Закавказья вокруг В. И. Ленина и «Искры».

Установив связь с «Искрой», газета «Брдзола» вела пропаганду ленинских идей гегемонии пролетариата и необходи-

мости создания единой марксистской партии рабочего класса.

Ленинская «Искра» расценила выход газеты «Брдзола» как очень важное событие, горячо приветствовала его, указывала на «большую принципиальность статей в газете».

Одной из прочных и надежных опор ленинской «Искры» на Кавказе явились созданный весной 1901 года Бакинский комитет РСДРП ленинско-искровского направления и агенты «Искры» в Баку. Этот комитет, в состав которого входили А. Кецохели, Л. Гальперин, А. Енукидзе, Б. Кнуциянц, М. Меликянц и др., руководил работой марксистских социал-демократических организаций в Баку, возникших в конце XIX — начале XX века.

Бакинская социал-демократическая организация оказывала помощь в сборе средств, в организации транспортировки и распространения «Искры», а также литературы, изданной ее редакцией.

Ленин придавал огромное значение организации доставки нелегальной литературы и ее распространения в России. Поэтому члены Бакинского комитета РСДРП и агенты «Искры» прилагали много сил и энергии, чтобы распространить в России и Закавказье нелегальную литературу, полученную от «Искры», вначале через Тавриз — Баку, а затем через Марсель — Батум — Баку.

Но литературы, доставленной из-за границы таким сложным путем, было явно недостаточно для революционного Закавказья. Поэтому Бакинский комитет по указанию В. И. Ленина организовал выпуск газеты «Искра» с матриц, доставленных из-за границы, в Бакинской подпольной типографии «Нина». Там же было налажено перепечатывание статей из журнала «Заря», брошюр, листовок, прокламаций и других изданий редакции «Искры».

«...Нина работает всюю, — писал В. И. Ленин, — перепечатывает статьи из «Заря», речи нижегородских рабочих и листки печатает».

По словам Н. К. Крупской, Баку был опорным пунктом искровской организации. Бакинская типография снабжала «Искрой» чуть ли не всю Россию.

В борьбе за сплочение марксистских социал-демократических организаций в единую централизованную партию эта помощь Бакинского комитета редакции газеты «Искра» и ее руководителю В. И. Ленину имела огромное значение.

В. И. Ленин высоко ценил работу этой подпольной типографии и, по словам В. Стурца, в одном своем письме любовно назвал ее работников героями революции...

Тифлисский и Бакинский комитеты, широко пропагандируя ленинско-искровские идеи, распространяя «Искру» и другие искровские издания, борясь против оппортунистов, способствовали созданию в Закавказье все новых и новых социал-демокра-

тических организаций ленинско-искровского направления, которые активно включались в борьбу за осуществление ленинского плана построения марксистской партии.

С помощью Тифлисского комитета РСДРП в конце 1901 года в Батуме образовалась социал-демократическая организация ленинско-искровского направления во главе с Батумским комитетом РСДРП, который развернул большую работу по практическому осуществлению ленинских идей соединения социализма с рабочим движением. Создав свою подпольную типографию, Батумский комитет РСДРП организовал выпуск листовок и прокламаций, вел широкую пропаганду среди рабочих Батуми и других городов Западной Грузии и крестьян многих сел Гурии, Мингрелии и Имеретии.

Благодаря неустанной работе Тифлисского и Батумского комитетов РСДРП, которыми руководили М. Цхакая, А. Цулукидзе, Ф. Махарадзе, П. Джапаридзе, М. Бочоридзе, З. Чодришвили и др., в 1901—1902 годах были созданы социал-демократические организации и группы ленинско-искровского направления в Кутаисе, Сухуме, Гори, Чиатура, Поты, Хони, Самтредиа, в Гурии и Мингрелии. Но эти организации пока не были тесно связаны друг с другом, не имели единого руководящего центра.

В 1902 году при поддержке Тифлисского и Бакинского комитетов РСДРП в Тифлисе возникла социал-демократическая группа «Союз армянских социал-демократов». В том же году по решению Тифлисского комитета РСДРП началось издание армянской нелегальной социал-демократической газеты «Пролетариат».

В передовой статье первого номера этой газеты «Манифест армянских социал-демократов» указывалось, что своей ближайшей задачей газета «Пролетариат» ставила политическое воспитание армянского пролетариата и включение его в борьбу пролетариата всей России за свержения царского самодержавия.

Боевой орган Тифлисского комитета РСДРП газета «Брдзола» с воодушевлением встретила рождение своего собрата: «Привет вам, товарищи! Братский привет! — писала она. — Поздравляем вас с новым органом, который должен сослужить нам боевую службу в освободительном движении» (№ 4, 1902 г.).

Оценивая содержание газеты «Пролетариат», В. И. Ленин писал: «Мы от всей души приветствуем Манифест «Союза армянских социал-демократов» и особенно замечательную попытку его дать правильную постановку по национальному вопросу. Было бы весьма желательно, чтобы эта попытка была доведена до конца».

Таким образом, уже к концу 1901 года и к началу 1902 года в Закавказье существовали социал-демократические организации, во главе которых стояли три социал-демократических комитета ленинско-искровско-

го направления — Тифлисский, Бакинский и Батумский; они «работали под идейным руководством «Искры», на основе указаний В. И. Ленина».

В середине марта 1903 года в Тифлисе состоялся I съезд социал-демократических организаций Закавказья. И подготовка к съезду, которую возглавили Тифлисский и Бакинский комитеты РСДРП, и работа самого съезда прошли под знаком борьбы против оппортунистов, за дальнейшее сплочение социал-демократических организаций Закавказья вокруг ленинских идей.

Под руководством М. Цхакая, А. Цулукидзе и др. этот съезд дал достойный отчет Н. Жордания и его единомышленникам, которые, подобно «экономистам» России, отрицали необходимость объединения социал-демократических групп и организаций, ориентировали работу местных социал-демократических организаций и их комитетов на кустарничество и разрозненность. Приняв решение об объединении ленинско-искровских социал-демократических организаций Кавказа, съезд создал Кавказский Союз РСДРП, избрал его руководящий орган — Кавказский Союзный комитет РСДРП. Съезд выразил полную солидарность с ленинской «Искрой» и «Зарей», одобрил разработанные ими тактику, программу и организационный план построения партии, положил их в основу дальнейшей деятельности всех социал-демократических организаций, вошедших в Кавказский Союз РСДРП.

Такое построение социал-демократических организаций Закавказья в дальнейшем обусловило успех в борьбе против изуверской политики национальной вражды, искусственно насаждаемой царским правительством, облегчало воспитание народов Закавказья в духе братской дружбы и интернационализма.

Съезд объединил армянскую социал-демократическую газету «Пролетариат» с газетой «Брдзола» в один общий орган Кавказского Союзного комитета РСДРП под названием «Пролетариатис брдзола» («Борьба пролетариата») и решил издавать его на русском, грузинском и армянском языках.

Обсудив и одоблив устав организационного комитета по созыву II съезда РСДРП, съезд избрал трех делегатов: Д. Топуридзе (от Тифлиского комитета), Б. Кнуниязц (от Бакинского комитета) и А. Зурабова (от Батумского комитета). Съезд поручил им поддерживать на II съезде Ленина, защищать разработанные «Искрой» идеологические и организационные принципы построения партии, бороться за создание на основе этих принципов единой централизованной марксистской партии.

Создание Кавказского Союза РСДРП знаменовало собой начало нового этапа в деятельности социал-демократических организаций ленинско-искровского направления

Закавказья. Кавказский Союзный комитет РСДРП, в состав которого в разное время входили М. Цхакая, А. Цулукидзе, С. Шаумян, Ф. Махарадзе, П. Джапаридзе, Б. Кнуниязц, И. Сталин, М. Бочоридзе, В. Бобровский, М. Давиташвили и др., направлял всю деятельность социал-демократических организаций Закавказья. Он являлся прочной опорой В. И. Ленина в его борьбе за создание марксистской партии и сплочение вокруг нее рабочих и трудящихся Закавказья для борьбы против централизма и эксплуататоров, за победу социалистической революции.

Вскоре после I съезда кавказских социал-демократических организаций Кавказский Союзный комитет создал Имеретинно-Мингрельский комитет РСДРП, который под руководством Кавказского комитета РСДРП направлял работу социал-демократических организаций Западной Грузии.

Таким образом, в 1901—1903 годах, накануне II съезда РСДРП, в результате большой идейной и организационной работы Тифлиского, Бакинского и Батумского комитетов РСДРП, а затем Кавказского Союзного комитета РСДРП, направившего работу всех закавказских социал-демократических комитетов, была обеспечена победа ленинско-искровского направления в социал-демократическом движении в Закавказье.

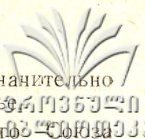
В июле-августе 1903 года II съезд РСДРП, состоявшийся в Брюсселе — Лондоне, закрепил победу искровского направления ленинского большинства и объединил существовавшие в то время в России социал-демократические организации, кружки и группы в единую социал-демократическую партию российского пролетариата.

В результате длительной и напряженной борьбы против всех оппортунистов революционные марксисты России под руководством В. И. Ленина смогли создать на этом съезде целую партию на принципиальных началах, разработанных ленинской «Искрой».

Второй съезд РСДРП явился поворотным пунктом российского и международного рабочего движения, он положил начало большевизму. Оценивая его историческое значение, В. И. Ленин писал: «Большевизм существует как течение политической мысли и как политическая партия с 1903 года».

Но на II съезде РСДРП, в результате наличия серьезных разногласий, партия, только что созданная, разделилась на две части — на ленинское большинство (большевиков) и оппортунистическое меньшинство (меньшевиков). Борьба, развернувшаяся на съезде между этими направлениями, являлась прямым продолжением борьбы досъездовского периода между ленинцами-искровцами и оппортунистами. После съезда она разгорелась с новой силой.

Меньшевики, возглавляемые Мартовым,

Троцким, Аксельродом и другими, отказались подчиниться решениям съезда. Они развернули злостную борьбу против Ленина и большевиков и своим раскольничьим действием дезорганизовали всю деятельность партии. С помощью Плеханова, постепенно скатившегося на позиции оппортунизма, меньшевикам удалось один за другим захватить руководящие органы партии (ЦО, СП и ЦК).

Меньшевицкие руководители за границей во главе с Мартовым стремились захватить Кавказский Союзный комитет, местные комитеты Кавказского Союза РСДРП и направить их деятельность против Ленина и большевиков. В этой борьбе они опирались на Жордания и его единомышленников-оппортунистов, которые, примкнув к меньшевикам, после II съезда партии вели дезорганизаторскую, раскольническую работу на Кавказе.

Большевики во главе с В. И. Лениным беспощадно боролись против организационного оппортунизма меньшевиков, разоблачая их дезорганизаторскую, раскольническую деятельность.

После II съезда РСДРП социал-демократические организации Закавказья ленинско-искровского направления встали на позиции большевиков-ленинцев.

Кавказский Союзный комитет РСДРП в начале октября 1903 года отстранил от руководящей партийной работы Д. Топуридзе («Исари»), который на II съезде партии примкнул к меньшевикам, а по возвращении на родину занялся клеветнической пропагандой против большевиков. Одобрив это решение, В. И. Ленин писал руководителям Кавказского Союзного комитета РСДРП: «Пусть кавказские товарищи твердо держатся того пути, на который они встали. Пусть не слушают они сплетней против большинства».

Состоявшийся в октябре 1903 года в Тифлисе II съезд Кавказского Союза РСДРП под руководством М. Цхакая, А. Цулукидзе и др. дал сокрушительный отпор Д. Топуридзе и его единомышленникам. Обсудив итоги II съезда партии, II съезд Кавказского Союза РСДРП принял большевистскую резолюцию, одобрявшую позицию В. И. Ленина и его сторонников на II съезде и осуждавшую дезорганизаторскую деятельность меньшевиков. Резолюцией подчеркивала, что меньшевики, «...оставшиеся на съезде в меньшинстве, нарушив элементарный принцип подчинения меньшинства решениям, принятым большинством, находят возможным мешать проведению в жизнь постановлений II очередного съезда партии и тем самым являются виновниками ослабления в дезорганизации общепартийной работы». II съезд Кавказского Союза РСДРП избрал новый состав Кавказского Союзного комитета РСДРП, в который вошли преимущественно сторонники В. И. Ленина.

Победа большевиков-ленинцев на II съезде

Кавказского Союза РСДРП значительно укрепила их позиции в Закавказье.

После II съезда Кавказского Союза РСДРП меньшевики Закавказья, отказавшись подчиниться его решениям, усугубили свою дезорганизаторскую деятельность. Они пытались захватить Тифлисскую, Бакинскую, Батумскую и все крупные местные организации Кавказского Союза РСДРП, направить их против большевиков-ленинцев.

Члены Кавказского Союза систематически объезжали все местные организации, разоблачали меньшевиков, сплачивали социал-демократов вокруг В. И. Ленина.

Когда меньшевики, воспользовавшись арестом многих активных большевиков Баку, незаконным путем захватили Бакинский комитет, Кавказский Союзный комитет 4 июня 1904 года принял решение о роспуске меньшевистского комитета и для укрепления Бакинской организации направил в Баку П. Джапаридзе и В. Бобровского. Это мероприятие было одобрено и поддержано партийными организациями Баку.

В борьбе большевиков Закавказья против меньшевиков большую роль играли работы В. И. Ленина, которые большевики широко распространяли в местных социал-демократических организациях.

Газета «Борьба пролетариата» — боевой орган Кавказского Союза РСДРП, выходящая, как уже отмечалось, на грузинском, русском и армянском языках, неустанно спланировала социал-демократические организации Закавказья, беспощадно разоблачала организационный оппортунизм и раскольническую деятельность меньшевиков.

После захвата меньшевиками газеты «Искра», большевики во главе с В. И. Лениным, преодолевая большие трудности, в декабре 1904 года создали большевистскую газету «Вперед», которая под руководством В. И. Ленина повела непримиримую борьбу против меньшевиков, за партию.

Широко распространяя газету «Вперед», кавказские большевики оказывали ее редакции большую помощь. При редакции газеты «Пролетариатис брдзола» для оказания литературной помощи газете «Вперед» была создана особая литературная группа. По этому поводу Н. Крупская писала Кавказскому Союзному комитету: «Очень порадовало нас известие об образовании на Кавказе группы литературной поддержки «Вперед», если поставите сношения как следует — сделаете большое дело».

Когда в результате дезорганизаторской работы меньшевиков, захвативших руководящие органы РСДРП, партия оказалась в тяжелом положении, В. И. Ленин решительно поставил вопрос о немедленном созыве III съезда партии. «Вопрос поставлен ребром, — писал он. — Если упустить время и лозунг для борьбы, то неизбежно

полное поражение... Спасение одно — съезд. Лозунг его: борьба с дезорганизаторами».

Кавказский Союз РСДРП горячо поддержал этот призыв. Совещание, созванное Кавказским Союзным комитетом РСДРП в марте 1904 года, приняло резолюцию, которая признавала необходимым «...немедленно приступить к организации партийного съезда, дабы положить конец... невыносимому положению вещей в партии».

В письме Кавказскому Союзному комитету Н. К. Крупская указывала: «...эта резолюция нас чрезвычайно порадовала».

Несмотря на всевозможные махинации примиренцев и меньшевиков большевистские организации Закавказья объявили недоверие руководящим органам партии, которые в руках меньшевиков стали орудием дезорганизации партии. Первая конференция комитетов Кавказского Союза в конце ноября 1904 года, резко осудив центральные органы партии, подчеркнула, что они своей «глубоко непартийной тактикой и бездеятельностью уронили себя в глазах партии, в частности Кавказского Союза». Признав невозможным поддерживать отношения с ними, конференция решительно заявила: «Мы не можем идти рука в руку с ними». В резолюции, принятой конференцией, внимание заострялось на том, что съезд может вывести партию из того тяжелого положения, которое создалось после II съезда в результате дезорганизаторской деятельности меньшевиков. «Если кто и может это сделать, — говорилось в резолюции, — то только сама же партия, путем съезда. Только законным путем партийного съезда можно вернуть центрам утраченное доверие, необходимое для их деятельности».

Ленинский лозунг о немедленном созыве III съезда партии единодушно поддержал Бакинский комитет РСДРП. На заседании, которое прошло под руководством члена Кавказского Союзного комитета М. Цхакая, был решительно осужден ЦК, выступивший против созыва III съезда. «Это было особое собрание, — пишет

М. Цхакая, — на котором метали гром молнии против ЦК. Бакинский комитет вынес решение продолжать борьбу за созыв съезда через голову ЦК».

Кавказский Союзный комитет и местные комитеты Кавказского Союза РСДРП единодушно поддержали знаменитое ленинское обращение «К партии», принятое в августе 1904 года совещанием 22-х большевиков под руководством В. И. Ленина. По этому поводу член ЦК Р. Землячка, прибывшая по поручению В. И. Ленина в сентябре 1904 года в Тифлис, писала: «На Кавказе нами одержана полная победа».

С конца 1904 года закавказские большевистские организации активно участвовали также в образовании и работе Бюро Комитетов Большинство (БКБ), которое, выполняя под руководством В. И. Ленина на практике функции большевистского ЦК, направляло деятельность большевистских организаций всей России, руководило их борьбой за созыв III съезда РСДРП.

Таким образом, социал-демократические организации Закавказья ленинско-искровского направления с первых же дней создания большевистской партии твердо встали на позиции большевиков-ленинцев. В. И. Ленин относил большевистские организации Закавказья к числу самых «боевых организаций нашей партии». И действительно, как указывал Н. С. Хрущев в своей речи на совещании передовиков сельского хозяйства республик Закавказья 7 февраля 1961 года в гор. Тбилиси, — «На протяжении десятилетий большевистские организации Закавказья были верны ленинскому знамени нашей партии, они вели решительную борьбу против меньшевиков и эсеров, всякого рода националистических групп и течений...»

На всех этапах революционной борьбы и социалистического строительства большевистские организации Закавказья, один из старейших и боевых отрядов КПСС, проявляли исключительную стойкость и неустанно сплачивали трудящихся Закавказья для борьбы за победу социалистической революции и построения социализма.

Георгий ЛЕОНИДЗЕ,
народный поэт Грузии

ВЛАДИМИРУ МАЯКОВСКОМУ

Перевод с грузинского Е. Винокурова

1

Ты идешь.   На лоб упали пряди.
Сердцем весел и широк в шагу.
Перед небом голубым Багдади,
Перед краем милым
                                 ты в долгу.

Здесь когда-то ты открыл впервые
Солнцем озаренные глаза.
Над тобой простерлись голубые,
                                 Чистотой блистающая, небеса.

Здесь, в саду, ты среди чинар
                                 в прохладе
В детстве спал под ласковый напев...
Ты навек ушел,
                                 воспеть Багдади
Громкими стихами не успев.

Пусть не плачут у твоей могилы!
Стих твой ослепительный любя,
Полная кипения и силы —
Вечно будет юность за тебя!

Здесь ты жил,
                                 и здесь ты пил с ладони
Родниковый холодок струи,
Здесь играл ты на зеленом склоне,
Здесь живут ровесники твои.

Ты окреп в Багдади,
                                 вырастая,
Вольный и могучий, как дзелква.
Ты уехал из родного края,
Родиною сделалась Москва.

2

Холодком в те молодые годы
Жег тебя Риони голубой.

В Грузии под знаменем свободы
В первый раз ты смело вышел в бой.
Не мечтатель с розой —
агитатор!

Пламенный,
ты силу знал свою!
Не вздыхатель бледный —
гладиатор,
Ты шел в бой —
и побеждал в бою.

Человек внушительного роста,
Ты,
от мира счастья не тая,
Говорил решительно и просто:
— Это революция моя!

Ты гремел, воинственный и строгий:
— Хватит щебетанья!
Для страны
Не сонетов сладенькие строки.
Лозунги победные нужны.

Вот Багдади, старый твой Багдади.
Здесь когда-то среди садов густых
В синей ученической тетради
Был записан первый детский стих.

Шум дзелквы, далекий крик оленя,
Ханис-цхали плещет шумный вал,
Голосом твоим из отдаленья
Мне гудит Зекарский перезал.

3

Вот Багдади, старый твой Багдади.
С той поры прошло немало лет...
Счастья ради и свободы ради
Должен стих выковывать поэт.

Ты, года пронзая грозным взглядом,
Жег врагов огнем жестоких фраз
С сыном Волги,
с тем, с которым рядом
Ты стоишь в истерии сейчас.

Насмерть бьет твое взрывное слово,
Грома полон стих победный твой.
Все мы ждем, что вдруг раздастся снова
В стихшем зале голос твой живой.

Ты ведь жив сейчас!
Ведь ты направил
На врага свой раскаленный стих,
Там, за океаном, желтый дьявол
В страхе жметса от стихов твоих.

4

Ты в Москве, и ты в Багдади — дома,
Полководец беспощадных слов,
Побратим играющего грома,
Мастер атакующих стихов.

Нет, ты не в долгу перед Багдади!
С отрочества след остался твой
В каждой сельской травке, в каждой няди
Солнечной багдадской местовой.

Небеса в Багдади сини-сини,
Солнце в нем по-южному светло.
О своем необычайном сыне
Не забудет горное село.

Кале БОБОХИДЗЕ

ТОТ ГОД Я ПОМНЮ...

Перевод с грузинского Г. Павловской

...Тот год я помню, как вчерашний вечер.
Как нас бодрил твой звонкий, четкий стих!
Как задушевно были наши встречи
И сколько силы я черпал из них!

В толпе студентов, завладев вниманием,
Я вел беседу робкую с тобой.
Наверно стены солнечного зданья
И ныне помнят звучный голос твой.

Мне кажется — ты снова между нами,
Могучий, статный, с волевым лицом.
Неповторимо меткими стихами
Ты, как и прежде, борешься со злом.

Над гением не властны силы тленья, —
Не смеет смерть косой своей взмахнуть!
Ты ярко светишь новым поколениям,
В крутых горах им пробиваешь путь.

Влюбленный в юность, преданный Отчизне,
В мечтах о будущем ты был велик и смел.
Ты веру в партию, как факел, нес по жизни,
Ты первый Ленина в стихах своих воспел.

В тебе всегда мой город видел друга,
Ты связан с ним прекрасною судьбой.
Как Млечный Путь на синем небе Юга,
Сверкает след, оставленный тобой.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

К августу 1924 года я был автором всего лишь одного стихотворения и одной эксцентрической статьи. Несмотря на это, тогдашний редактор журнала «Мнатоби» В. Бахтадзе пригласил меня сотрудничать и вверил мне один из отделов редакции. Дней за двадцать я свылся с новой работой и старательно подготавливал материал для засылки в типографию. В конце августа в Грузии имело место контрреволюционное выступление, и в Тбилиси после восьми часов вечера движение на улицах города ограничивалось. Наш редактор был послан в Кутаиси, и работа в редакции замерла. Набирать журнал в типографии временно прекратили. Почти никто не приходил на работу в назначенные часы. Я являлся в редакцию рано утром, садился за стол и брался за рукописи. Редакция журнала находилась тогда в первом этаже дома на углу проспекта Густавели и улицы Чавчавадзе, напротив оперного театра. Редакция недавно — в начале 1924 года — основанного журнала была еще плохо обставлена, в комнате было несколько стульев, два книжных шкафа и два рабочих стола.

29 августа я по обыкновению просматривал поступившие материалы. Утро выдалось жаркое, и зной уже подступал к нашим окнам. Около двенадцати часов открылась дверь и вошел художник Кирилл Зданевич. Его сопровождал незнакомый мне высокий, статный, мужественного облика человек. Своей внешностью он сразу привлекал к себе внимание. Кирилл, улыбаясь, представил ему меня.

— Знакомьтесь, это тоже поэт-футурист...

Он еще что-то хотел сказать, но спутник прервал его:

— Футуризм устарел, сейчас Леф, — затем представился, — Маяковский!

Все это было для меня неожиданностью, хотя я много раз видел его на фотоснимках и представлял именно та-

ким... В замешательстве протягиваю ему руку и предлагаю сесть. Он опустился на стул и сидящим показался мне еще крупнее. Он как-то уплотнил полупустую комнату. Я чувствовал какую-то неловкость, гость же сразу освоился, сказал:

— Приехал вчера вечером и вечером же познакомился с вашими друзьями — Николаем Шенгелая и Жанго Гогоберидзе. Хорошие ребята, они мне понравились.

Эти слова обрадовали меня и неловкость исчезла, я стал чувствовать себя свободнее. Повеселел и Маяковский, воскликнул:

— Поэты — люди одной веры и одной нации. Все же вы выглядите слишком молодо для того, чтобы быть редактором.

Я ответил, что не являюсь редактором, но что если он даст что-нибудь новое — буду очень рад, да и в глазах редактора возвышусь.

— С удовольствием, вот я написал стихотворение об одном старом друге — «Юбилейное», и пока оно будет опубликовано по-русски — переведите и напечатайте.

Я заинтересовался, о каком это друге идет речь. Он, улыбнувшись, ответил:

— Об Александре Пушкине.

Заметив мое смущение, Маяковский переменял тему, стал расспрашивать о журнале. Я сказал, что в сентябрьском номере «Мнатоби» идут его стихи: «Ода революции», «Приказ по армии искусств», «Сволочи», «Необычайное приключение...» и другие в переводах Паоло Яшвили. Поэт очень заинтересовался этим:

— Прочитайте мне, я смогу оценить качество перевода.

Я сразу же с вопросом:

— Разве вы знаете грузинский?

А он в ответ на чистейшем:

— Я, дорогой мой, кутаисец.

Для меня его грузинская речь была настолько неожиданной, что я осекся и смог лишь сказать:

— Я тоже кутаисец, учился в реальном.

Маяковский:

— Так что двое кутаисцев завтра же посмотрят переводы.

Он, действительно, как я убедился позднее, смог оценить качество переводов, свободно разобраться в их грузинском звучании.

Возможно, что лексический запас был не очень велик, но речь звучала совершенно свободно. Любил он кутаисские шутки с «примесью» русских слов. Помню, как-то раз мы сидели за столом, на разных концах, и Маяковский, заметив, что я чему-то улыбаюсь, крикнул мне по-кутаиски: «Ра намиокеба, ра намиокеба?» (что за намеки, что за намеки?). Он помнил старые кутаисские остроги и, произнося их, от души смеялся.

Паоло Яшвили в те дни находился в Аргвети, и мне было как-то неудобно показывать автору переводы в отсутствие переводчика.

Маяковский сказал:

— «Юбилейное» написано недавно, и если оно будет переведено и напечатано в следующем номере, — я буду очень рад. Правда, тема его как-будто не совсем проста, но оно будет понятно всем.

Я ответил, что не это является решающим. Собеседник мой даже вспылал:

— Как это так! Стихи должны быть понятны всем — начиная с профессора и кончая рядовым рабочим.

Я решился возразить:

— А ваше «Про это»?

Я был очень увлечен поэмой «Про это», где содержание выступало в метафорическом покрове и метафорическая оболочка оказывалась средством яркой, четкой передачи этого содержания. Я все это выложил и добавил:

— И разве всем одинаково доступен, например, остро драматизированный монолог из этой поэмы — «Семь лет стою»?

Маяковский пристально взглянул на меня и ответил:

— Верно, это не легко понять, и все же поэтическое произведение должно быть понятно всем.

Он задумался и, немного помолчав, добавил:

— Как хорошо быть молодым, сама молодость является вдохновением, поэзия нуждается в молодости... А стихи все-таки должны быть поняты всеми — от семнадцати до шестидесяти лет. Интересно, можно ли сбредить молодость до шестидесяти?

На другой день утром я захватил корректуру переводов Паоло Яшвили и направился к Маяковскому. У него в гостинице я застал Коллю Чачава и Жанго Гогоберидзе. Маяковский попросил меня читать переводы спокойно, без декламации: «Так я лучше оценю их достоинства и недостатки». Я прочитал «Левый марш», «Оду революции», «Необычайное приключение...», «Сволочи» и другие стихи. Автор слушал внимательно. Когда я кончил, он некоторое время молчал. Наконец высказался:

— Хорошо! Стихи звучат по-грузински сильно, но в некоторых не сохранен ритм оригинала.

Я выдвинул довод: природа грузинского стиха настолько иная, что добиться большего приближения невозможно.

— Почему же, — ответил он, — французское стихосложение тоже силлабическое, но французы смогли сохранить в своих переводах ритмическое движение оригинала.

Я на это сказал:

— У переводчика ваших стихов должен быть родственный вам поэтический голос. Паоло Яшвили внутренне близкий вам поэт, опытный и вдохновенный мастер...

Маяковский не возражал.

— В общем переводы мне очень понравились. — заключил он.

Действительно, перевод стихов Маяковского на грузинский язык требует исключительного труда и мастерства. Творчество Маяковского связано главным образом с городом. В формировании его поэтического языка принимали участие городская народная поэзия, разговорная речь улицы, а ритмическое течение его стиха зародилось где-то в гуле машин и заводов. Деревенский образный строй почти отсутствует в его стихах. В грузинской же поэзии не замечалось такое резкое размежевание. Безусловно, богатый грузинский поэтический язык может помочь в преодолении любых трудностей, но, как я уже сказал, это требует исключительного труда и мастерства. Мне казалось тогда, что родственная Маяковскому урбанистическая тенденция в грузинской поэзии наиболее выражена у Паоло Яшвили. Все это я постарался объяснить Маяковскому, и он, по моему, остался доволен. Он согласился, что для перевода требуется особое искусство и мастерство, и добавил:

— Правда, сам я пока еще ничего не перевел, но собираюсь в будущем перевести несколько любимых поэтов. Обязательно попытаюсь... Киплинг не относится к числу моих любимых писателей, он враждебен и чужд мне, но Елизавета Полонская так здорово пе-

ревела балладу о Востоке и Западе, что просто покорила меня.

И тут же он прочел строфу («Вороной летел, как юный олень...»)

Затем Владимир Владимирович предложил нам послушать его новое, накануне написанное стихотворение «Владикавказ — Тифлис». Оно произвело на всех нас большое впечатление, но вокруг него разгорелся и наш первый спор. В новом стихотворении были строчки: «История — врун даровитый, бубнит лишь, что были царьки да князьки: Ираклии, Ольги, Давиды». Мы поделились с автором своими сомнениями, сказали ему, что в грузинской истории не было Ольги, а упоминание Ираклии и Давида в ироническом контексте — и неверно и нецелесообразно. Он сначала спросил, неужели многобековая история Грузии не знает ни одной Ольги? Получив отрицательный ответ, он весело отшутился:

— Вы, футуристы и, наверное, плохо знаете историю Грузии!..

Мы объяснили, что в нашей истории известны деятели-женщины — просветительница Нина, царица Тамара и царица-мученица Кетеван. Известны также народные героини — Майя Цхнетиели, Вашлованели и другие. Он задумался, затем остановился на Нине (хотя она не была ни царицей, ни княгиней) и заменил ею в стихотворении Ольгу. Нам же он сказал:

— Не вижу в этом стихотворении ни одной принижающей историю Грузии строчки, я себя самого объявил в нем грузинном, включил грузинскую песню «Мхолот шен эртс». Песню эту я слышал давно и вообще очень люблю грузинские песни. Нравится мне и грузинская народная революционная поэзия, кое-что помню до сих пор наизусть.

И он начал читать: «Ме вар Арсена Джорджиашвили... висроле бомби, мовкали мхеци, маграм мтарвалебс вер гакекети...» (Я Арсен Джорджиашвили... Я бросил бомбу, убил я зверя, но палачи меня настигли). И так до конца. Мы смотрели на него удивленные. А он продолжал:

— Очень хорошо я запомнил с 1905 года и стихи вашего поэта: «Мегобребо! Пин, цин гасцит, ну шедркеба тквени гули, да шублс брлзалис снхлч ачнлес да гвлс оплис накадули» (О друзья, вперед, вперед, да не дрогнет ваше сердце...).

Особая любовь и пристрастие остались у него с детства к грузинским частушкам, называемым «шаири». Он рассказал нам:

— Когда я учился в гимназии, то часто купался в Риони, а после купа-

ния, растянувшись на песке, составлял в «шаири» с мальчишками. Грузинские шаири великолепны, и даже который на их основе создаст оригинальную и веселую поэзию, станет народным поэтом.

Он говорил о Грузии и ее народной культуре, как о чем-то очень близком, своем, кровном. Казалось, ему доставлял удовольствие сам предмет нашей беседы, и он сознательно затягивал свой лирический монолог. Это было понятно, так как именно Грузия с ее революционными традициями казалась для него первой путеводной звездой. Жизнь и быт грузинского народа безусловно оказали влияние на формирование в детстве душевного склада будущего поэта. И в его своеобразной исповеди, поведенной нам в гостиничном номере, сквозила чистая любовь к Грузии и нежность, сбереженная в глубине души. Он, действительно, настолько **своим** чувствовал себя в Грузии, настолько **своей** ощущал и мыслил ее, что, безусловно, имел право говорить и писать безо всяких оговорок обо всем и так, как он считал нужным, с полной уверенностью, что его, конечно, поймут так, как надо.

* * *

Однажды я прохаживался с Маяковским по проспекту Руставели. Все мое внимание, естественно, было приковано к моему спутнику. Когда мы проходили мимо здания оперного театра, я почему-то вспомнил слова одного грузинского поэта о том, что у Маяковского прекрасный слух и что в этом отношении никто из современных поэтов не может с ним сравниться. Я сказал об этом Маяковскому.

— Музыкальный слух? — переспросил он и продолжал шутливым тоном. — Обладай я особым музыкальным слухом, из меня бы вышел певец не хуже Шаляпина, голос у меня подходящий, а мастерство — дело наживное...

После этих слов Маяковский добавил уже серьезно:

— Слух у меня и должен быть неплохим, слух к нашей действительности. Без этого не может быть хорошего поэта.

Позже, в зрелые годы, я не раз вспоминал эти слова и задумывался над тем, что такое поэтический голос и поэтический слух Маяковского. У Маяковского был бархатный, полный обаяния бас, прекрасная, богатая интонациями дикция. Недаром Маяковский утверждал, что поэт должен уметь не только писать хорошие стихи, но и хорошо читать написанное.

Но не об этом голосе я говорю. Для меня сам Маяковский, его творчество — поэтический голос революции и народа.

В отношении нашей действительно-

сти он обладал безошибочно слухом. К звучанию советской он прислушивался, как говорят зни, слухом сердца, и тут ничего не ускользало.

Константин ЛОРКИПАНИДЗЕ

Первая встреча

Весна 1926 года была ранняя, по-тиллисски мягкая. В один из солнечных февральских дней ко мне в Ортачала, в клуб фабзавуча, которым я заведывал, пришел Бенито Буачидзе. Его появление в неурочный утренний час и заметная приподнятость настроения удивили меня, но с первых же слов все разъяснилось: приехал Маяковский, хочет встретиться с молодыми пролетарскими писателями.

О приезде Владимира Маяковского я узнал накануне, но, признаться, не надеялся на столь скорую встречу с ним.

Маяковского я знал по стихам, любил его, хотя тогда мне, молодому, начинающему писателю, многое было непонятно в его творческих исканиях.

Литературная молодежь уже в те годы увлекалась поэзией Маяковского. Маяковский и Есенин — вот два поэта, два имени, которыми бредили наши молодые головы и хотя мы знали и Блока, и Вагницкого и многих других поэтов, вокруг этих двух имен разгорались горячие споры.

С Сергеем Есениным я встречался зимой 1924 года, переводил его «Балладу о 26», особенно зачитывался стихами Есенина после его смерти. Это была пора сильного увлечения великим русским лириком. Критика называла это увлечение «есенинщиной». Я вспомнил об этом, как увидит далее читатель, неспроста.

Владимир Маяковский ждал нас (Мирицхулава, Каладзе и меня) во Дворце писателей, в большом салоне, где сейчас помещается библиотека-читальня. Он сидел у окна, залитого февральским нежарким солнцем.

Когда мы, наступая друг другу на пятки, вошли в комнату, Маяковский встал и с непринужденностью, которая говорит об общительности, протянул нам

руки. Рукопожатие было необычайно крепким. Владимир Владимирович внимательно окинул взглядом каждого из нас и, заметив, что мы робеем, предложил сесть, хотя мы были как бы у себя дома.

Меня тогда поразили его глаза, серьезные, очень спокойные. Это спокойствие от уверенности в себе. Он смотрел внимательно, немного исподлобья. Строгие его глаза теплели не то от едва уловимой печали, не то от какой-то внутренней озабоченности. Эти глаза сразу устранили натянутость, придавали интимность общению и, наконец, разрушали легенду о его якобы грубости и недоступности.

Такое впечатление о глубокой человечности Маяковского еще более усилилось и утвердилось, когда он заговорил своим спокойным, твердым, полным, как спектр, мужественным, но не сбивающимся на резкость, басистым голосом.

Его голос и то, как он по-хозяйски пригласил нас сесть, мигом развеяли наше смущение.

После первых слов приветствия Маяковский предложил нам прочесть ему стихи. Я лично не был подготовлен к этому, почему-то не думал, что мне придется читать свои стихи самому Маяковскому.

И немного растерявшись, прочел первое, что пришло мне на память, — стихотворение, написанное под свежим впечатлением от трагической смерти Сергея Есенина.

Я не знал тогда, что Владимир Владимирович свободно владеет грузинским языком, и поэтому, рассчитывая на слуховое восприятие, прочел наиболее мелодичное свое стихотворение.

Он слушал внимательно и, когда я кончил, спросил:

— Сколько вам лет?

— Двадцать первый, — ответил я, не понимая, чем вызван вопрос.

— Двадцать первый? — переспросил Маяковский. — Пора вылезти из скорлупы, — и добавил улыбувшись, — хотя это скорлупа хорошего певца.

Я попытался было возразить, но вдруг в подтверждение своих слов он повторил по-грузински одну строку из прочитанного мною стихотворения.

Это было для меня так неожиданно и так бесспорно, что я моментально сложил оружие.

Он заметил мою растерянность и предложил прочесть еще стихи. Меня это окрылило, потому что давало возможность сгладить впечатление, произведенное первым стихотворением.

Судя по замечаниям Маяковского, мне это в какой-то степени удалось.

Но наша рапповская критика не досела и не замедлила обрушиться на меня. Она упрекала и обвиняла меня в «есенинщине», подхватив на лету мое подтверждение своей критики слова Маяковского, хотя их смысл был совершенно иной.

После этого я еще несколько раз встречался с Маяковским, но только та первая встреча, оставила неизгладимый след в моей памяти. Она оказала решающее влияние на мое творческое развитие, но дороже мне и тем, что помогла понять самого Маяковского. Тогда я буквально накинулся на его стихи, не пропуская ни одного его выступления в Тбилиси, и долгие годы Владимир Владимирович незримо сопровождал меня в моей творческой работе.

Бесо ЖГЕНТИ

Вечно живой

Задолго до личного знакомства и дружеских встреч с Маяковским я знал и любил его поэзию, относил себя к его литературным единомышленникам, и приверженцам его творческих идей, и поборникам того нового движения в развитии литературы и искусства, главарем и знаменосцем которого явился Маяковский. Меня и моих друзей-сверстников, вступавших в литературу в дни рождения Советской Грузии, не могло не радовать, что величайший поэт нового мира, подобно своим гениальным предшественникам — Пушкину и Лермонтову, Толстому и Горькому, жизнью и творчеством был связан с Грузией, с грузинским народом.

Как глубоко заблуждаются люди, дробящие творческую биографию В. Маяковского на отдельные, оторванные друг от друга периоды, утверждающие, якобы Маяковский когда-то был чужим и впоследствии стал нашим. Нет, вся творческая жизнь Маяковского, рожденного и возвращенного в накаленной атмосфере великих социальных сдвигов начала нашего века, в детстве дышавшего грозovým воздухом революционной бури, в ранней молодости

прошедшего школу большевистского подполья и создавшего свои первые стихи в царских застенках, — была непрерывной титанической борьбой за строительство нового социалистического искусства. Как во всякой борьбе, на творческом пути Маяковского возникали порой весьма серьезные трудности и противоречия, порождавшие отдельные срывы и отступления в его поэтическом развитии. Но беспощадно ломая и преодолевая эти препятствия, поэт стремительно шел к своему светлому идеалу.

И какое это было счастье общаться с великим новатором поэзии, неутомимым борцом, страстным искателем и первооткрывателем новых, еще неизведанных путей строительства поэтической культуры нашей эпохи.

В литературных боях двадцатых годов, когда в обстановке острого размежевания рядов художественной интеллигенции возникли различные литературные течения, школы и группировки, я принадлежал к группе грузинских футуристов-лефовцев. В своем стремлении опровергнуть идейно-творческие позиции грузинских писателей, объединившихся в «академическом союзе» и в школе «голубороговцев», в стремлении найти

новые пути искусства, созвучные обновленной социальной обстановке, мы, участники группы «Левизна», 18 — 19-летние юноши увлеклись соблазнами литературного бунтарства и попали под влияние футуризма. Но это ложное увлечение оказалось кратковременным. Теория и практика «Лефа», а в первую очередь поэзия В. Маяковского, увлекли нас в ином направлении и помогли нам приблизиться в своем мышлении и творчестве к процессам советской действительности, к задачам культурной революции, получившей в те годы все возрастающий размах в нашей стране. В. Маяковский стал для нас первым мастером и учителем, оказавшим огромное плодотворное воздействие на наше духовное формирование.

Конечно, это воздействие не могло ограничиться рамками нашей группы, состав которой постепенно пополнялся видными молодыми художниками и кинематографистами, сыгравшими впоследствии значительную роль в развитии грузинского советского искусства. Можно с полной уверенностью сказать, что творческими идеями Маяковского обогащалась вся грузинская поэзия советской эпохи.

Будучи сугубо национальным русским поэтом, великим реформатором русского стиха, создателем новой русской поэтической речи, В. Маяковский оказал огромное благотворное влияние на развитие всей многонациональной советской поэзии, всей прогрессивной мировой поэзии нашего века. В. Маяковский — мировая слава и гордость советской поэтической культуры.

Я познакомился и сблизился с Маяковским во время приезда его в Тбилиси с чтением докладов и своих новых стихов. Три раза приезжал поэт в столицу Советской Грузии — в августе 1924 года, в конце февраля 1926 года и в декабре 1927 года. Во время первого его приезда в Тбилиси меня в городе не было. Маяковский тогда прожил в Тбилиси одну неделю. И хотя на этот раз его публичных выступлений не состоялось, он много встречался и беседовал с деятелями грузинского театра, с художниками, написал здесь несколько стихотворений («Севастополь — Ялта», «Владикавказ — Тифлис», «Гулом востановлений» и др.)...

Когда я вернулся в Тбилиси, уже после отъезда Маяковского в Москву, вся атмосфера литературной жизни города была насыщена огромным впечатлением, которое произвел великий поэт на всех, с кем он встречался за время своего пребывания в Грузии. Восторженно рассказывали мои друзья по «Левизне» — С. Чиковани, Н. Шенгелая, А. Белиашвили, Н. Чагава о своих беседах с Маяковским, о высказанных им взглядах

и мнениях по вопросам состояния советской, в частности грузинской советской литературы и искусства. В работе группы грузинских «лефовцев»

Из этих рассказов я понял, что встречи с Маяковским не прошли даром для моих друзей, мне показалось, что они как бы сразу повзрослели, стали серьезнее, требовательнее и целеустремленнее относиться к писательской деятельности. Встреча с Маяковским как бы ознаменовала для них переход от юношеских увлечений самоцельно-эстетским литературным бунтарством к осмысленной общественно значимой новаторской творческой деятельности. И такое же воздействие вскоре испытал на себе и я от личных встреч с этим гениальным человеком.

Во время пребывания Маяковского в Тбилиси в 1926 и 1927 годах я, как и многие другие молодые деятели грузинской литературы и искусства, как говорится, ни на шаг не отходил от него. Каждый его приезд был подлинным праздником для нас, да и во всей культурной жизни грузинской столицы эти посещения являлись огромными событиями. За несколько дней до приезда поэта в городе появлялись громадные афишоплакаты, на которых огромными буквами многократно было начертано единственное слово «Маяковский». И уже с появлением этих анонсов город был взбудоражен ожиданием оригинальных, интересных, содержательных выступлений поэта, острых литературных дискуссий, которые всегда сопровождались чтением новых стихов. А ведь Маяковский был непревзойденным чтецом своих стихов. На своем веку мне довелось слушать почти всех известных поэтов нашей многонациональной страны, всех лучших мастеров художественного слова. Но никто не производил такого сильного впечатления в чтении стихов, как Маяковский.

За упомянутыми плакатами следовали афиши с подробным изложением тезисов лекции-беседы поэта и наименованием его новых стихов. А за ними уже в городе появлялся сам Маяковский — человек-исполин, с богатырской внешностью и могучим голосом, вполне гармонирующим с диапазоном его творчества, размахом его новаторских дерзновений. За все дни пребывания Маяковского в городе мы были радостно возбуждены и взволнованы. сопровождали его на многочисленных литературных выступлениях. А он неутомимо и охотно выступал в больших аудиториях залах и в писательской среде, в рабочих клубах и в студенческих аудиториях. Как свою личную гордость переживали мы, его младшие единомышленники, исключительный успех, которым сопровождалась все его выступления.

Он не только вызывал восхищение своим превосходным чтением стихов, но и покорила слушателей замечательным ораторским искусством, — он говорил образно, внушительно, увлекательно, был неотразимым полемистом и при всей наступательной резкости в полемике, обладал исключительным обаянием. Его полемические приемы отличались какой-то особой действенностью. Особенно запомнился мне характерный в этом смысле эпизод: его выступление в Тбилиси, в Закавказском Коммунистическом университете в декабре 1927 года. Мы пришли на это выступление прямо из Дворца писателей, где Маяковский в продолжении нескольких часов беседовал с членами всех национальных секций Ассоциации пролетарских писателей, разбирал стихи русских поэтов, проживавших тогда в Тбилиси, критиковал, полемизировал и читал свои новые произведения. И после такого длинного, утомительного выступления он прямо без передышки приступил к докладу перед переполненным залом Коммунистического университета. Поэт говорил о задачах советской поэзии на новом этапе развития нашего государства, излагал и отстаивал свои эстетические позиции и критиковал как литературных рутинеров — консерваторов, так и догматиков и доктринеров из РАППа. С ответным словом выступил ректор университета М. Лисовский. Он выдвигал против Маяковского весьма распространенный в те годы аргумент: «Вас не понимают читатели». Маяковскому, видимо, надоели эти бессмысленные упреки о якобы непонятности его поэзии. Он негодуя, но сдержанно и спокойно ответил оппоненту: «Давайте сейчас мы с вами наглядно обсудим этот вопрос, проверим правдивость вашего утверждения». И встав посредине сцены, сняв пиджак, словно вступает в решительный бой, начал подряд читать «Левый марш», «Юбилейное», «Сергею Есенину», «Христофор Колумб», главы из поэм «Владимир Ильич Ленин» и «Хорошо!». Бурей оваций отвечал зал поэту. Закончив чтение, Маяковский обратился к аудитории: «Прошу, кто не понял меня, поднять руку». И после длительной паузы поднялась единственная рука. Выяснилось, что это студент, накануне приехавший из отдаленного горного села и не владеющий русским языком. Оглушительный хохот и горячие рукоплескания в адрес поэта прокатились по обширному залу. Растерянный Лисовский постарался защищаться. «Вас поняли и аллодируют потому, что вы хорошо читаете стихи». «Если все дело в чтении, — ответил Маяковский, — так организуйте же кружки по художественному чтению. Ведь это в вашей власти».

Естественно, пребывание Маяковско-

го в Тбилиси оживляло литературную жизнь, обостряло конфликты и противоречия в писательской среде, разрывавшей в те годы на различные, враждебные группировки. Однажды, когда Маяковский в зале театра Руставели читал свою новую поэму «Хорошо!», в перерыве вокруг него за кулисами собрались многие видные представители грузинской художественной интеллигенции. В живой, дружеской, непринужденной беседе он умел затрагивать самые острые, злободневные вопросы культурной жизни. Так случилось и на этот раз. Речь зашла об идейно-эстетических позициях группы «Левизна», о связи этой группы с русским «Лефом». Беседа переросла в острый спор между нами — участниками группы «Левизна» и «голубороговцами». Маяковский предостерегающе заявил: «Если не прекратите скандала, я вмешаюсь в защиту своих друзей...» Зачинщикам скандала пришлось отступить.

Раздался звонок, началось второе отделение вечера, и Маяковский совершенно спокойно и сосредоточенно продолжал свой большой разговор о поэзии, сопровождаемый читкой заключительных глав «Хорошо!».

Нельзя забыть какое восхищение вызвал Маяковский, когда в своем докладе в Тбилиском государственном университете наизусть процитировал грузинские народные стихи и поговорки, когда он с трибуны вмешался в обостренный спор, возникший между студентами на грузинском языке.

Мы старались как можно больше времени проводить с нашим дорогим гостем.

Он любил после напряженного рабочего дня (выступления, беседы, интервью газетам, работы над стихами) повеселиться в обществе друзей, где всегда оставался остроумным и приятным собеседником, был необычайно ласков, внимателен ко всем присутствующим. Не оставалось и тени той боевой напряженности и резкости, которые были свойственны ему во время публичных выступлений. Среди нас сидел добрый, обязательный, жизнерадостный и скромный человек, которому и в голову не приходила мысль о своем превосходстве перед кем-либо из присутствующих.

2 февраля 1930 года я впервые приехал в Москву. Обуреваемый впечатлениями от первого знакомства со столицей нового мира, я спешил встретиться с московскими писателями. С многими из них я был знаком. 3 февраля утром я пришел в Дом Герцена, где тогда помещались писательские организации Москвы. И вдруг в полутемном коридоре услышал голос Маяковского, дружески приветствовавшего меня. Эта неожиданная встреча с поэтом, которого не

видел уже более двух лет, окрылила меня. Мы усадились на маленькую скамейку, в коридоре, и долго и интересно беседовали. Маяковский расспрашивал меня о своих тбилисских друзьях и товарищах, о новых моментах в развитии грузинской литературы и искусства, сообщил мне, что накануне открылась его выставка-отчет о двадцатилетней поэтической деятельности, что на днях в Ленинграде состоится премьера его новой пьесы «Баня».

— Хорошо, что приехали. Кстати, сегодня у нас торжественное открытие клуба ФОСП (Федерации объединений советских писателей), я возлагаю на этот клуб большие надежды. Он должен нам помочь в сплочении литературных сил, разобщенных ныне на разные группы и школы. И хорошо было бы вам выступить и приветствовать открытие этого клуба от имени грузинских писателей. Это будет какой-то признак нашего контакта с писателями братских республик. Ведь у нас ныне таких связей почти не существует. Вот недавно в Москву приезжала большая делегация украинских писателей. Мы договорились с ними, что будем переводить на русский язык книги украинцев. Я включился в эту работу, буду переводить украинцев, хотя никогда этим делом не занимался. Было бы здорово, если приехала бы к нам большая группа грузинских писателей. Я поставлю этот вопрос в Президиуме ФОСПа. Вот будет здорово. Буду переводить стихи Паоло, Тициана, Симона, ваших классиков. Ведь я, кажется, единственный русский поэт, знающий грузинский язык. Немножко придется позаняться, полностью восстановить знание этого языка. Я когда-то совершенно свободно говорил, читал и писал по-грузински. Но это для меня дело не тяжелое. Серьезно, надо наладить такой контакт. А то, что получается?! Вот рапповцы имеют связи со своими в братских республиках, а остальные писатели даже и не знают о существовании друг друга.

— Объединимся каким-то образом и мы, лефовцы, — сказал я, — ведь на Украине существует «Новая генерация», в Грузии — «Левизна», поимем и в других республиках своих соратников и объединимся вокруг Лефа или Рефа, как вы сейчас именуетесь.

— Нет, это совсем не то. Нельзя строить это дело обособленно, по группам и секторам. Да и вообще это групповое деление нашей литературы отживает свой век. Не кажется ли вам, что такое замыкание писателей в узкие групповые рамки становится анахронизмом? Сейчас надо думать о расширении поля деятельности, о массовых масштабах литературы. Впрочем, потолкуем подробнее позже. А сегодня вечером

обязательно приходите в клуб. Я предупреджу товарищей, вам будет представлено слово, это очень важно и нужно. Ну, до вечера. Я должен заняться моими делами.

Я был и обрадован и смущен предложением Маяковского.

К 7 часам вечера я уже был в клубе писателей, в том самом доме (Воровского, 52), где сейчас помещается Правление Союза писателей СССР. Нарочно выбрал я себе место подалше от трибуны, чтобы укрыться от Маяковского и избавиться от опасности выступления. Торжественный вечер открыл Владимир Луговской. После краткой вступительной речи он пригласил представителей организаций, приглашенных участвовать в вечере, занять места в президиуме собрания. К сцене направилось около десяти человек. Я, конечно, и не думал двинуться с места. В. Луговской обвел взглядом сидящих на сцене и заявил: «Товарищ, приехавший из Грузии, прошу занять место в президиуме». Я замер на своем стуле. В это время встает Маяковский и во весь свой могучий голос зовет меня по-грузински: «Бесо, сада хар, кацо, сад ималеби, гамоди ак!» (Бесо, где ты, чего прячешься, выходи сюда). В зале раздался хохот и возгласы удивления. Испуганному и растерянному, мне пришлось подняться на сцену. После выступления двух-трех ораторов слово представили мне. Никогда в жизни, ни до, ни после этого случая, я так не волновался во время публичного выступления, как в этот вечер.

По окончании вечера Маяковский похвалил меня и пригласил на другое утро посетить его выставку. «Я сам буду сопровождать на выставке и объяснять все, хотя для чего вам объяснения, сами все поймете, там все ясно и предельно понятно. Слава богу, дошли мы до такой понятной жизни...», — сказал он шуточно.

На другое утро, придя на выставку, я увидел Маяковского, окруженного группой молодых посетителей, которым он давал объяснения.

Поэт представил меня присутствующим, вместе с которыми я стал осматривать выставку. Перед моим взором открылось поистине грандиозное зрелище. Хорошо зная весь творческий путь Маяковского, я все же не мог себе представить, что один человек был в состоянии совместить в своей деятельности все это. Стены, витрины, установленные посередине комнат специальные стенды и стеллажи были заполнены изданиями книг Маяковского, журналами, газетами, листовками с его произведениями, плакатами «Огонь Роста», афишами его многочисленных выступлений по всей нашей необъятной стране, обильным

фотоиллюстративным материалом. Все это обилие экспонатов было расположено со строгой логической последовательностью и производило неизгладимое впечатление. Мое внимание привлекли лежавшие на столиках большие альбомы, на страницах которых были напечатаны вопросы, задававшиеся Маяковскому во время его выступлений в различных городах страны, и некоторые ответы на них. Оказывается, поэт не терял получаемых записок, собирал их, систематизировал по городам и аудиториям и хранил в своем архиве, готовя коллективный ответ на них. Сколько труда и какую энергию должен был вложить поэт хотя бы в эту, конечно, далеко не главную и не первостепенную свою работу!

Перед мысленным взором посетителей этой удивительной выставки-отчета во весь рост встал гигантский образ поэта социалистической революции, поэта нового типа, борца, «агитатора, горлач-главаря». Только наша социалистическая революция могла родить такого поэта, и только такой поэт мог с редкой энциклопедической полнотой охватить в своем творчестве и деятельности титанический размах нашей эпохи.

После осмотра выставки поэт рассказал мне, что ему одному пришлось проделать всю огромную и кропотливую работу по организации этой выставки. Никто не помогал ему, никого не было рядом. Равнодушно и даже «опозиционно» отнеслись к выставке друзья и соратники поэта по «Лефу», очевидно, обидевшись, что Маяковский устроил свою выставку, а не выставку всей левовской группы. Холодно встретила выставку и не отзывалась на нее и руководящая верхушка РАППа, очевидно, испуганная тем, что выставка наглядно и убедительно показывала, кто являлся лучшим пролетарским поэтом в нашей стране.

Во время этой беседы я еще не знал, что В. Маяковский вскоре собирался выступить с заявлением о вступлении в РАПП, чтобы получить возможность для развертывания еще более широкой, массовой литературной деятельности, о которой мечтал в этот последний период своей жизни.

5 февраля в качестве гостя я присутствовал на открытии конференции МАПП (Московская Ассоциация пролетарских писателей). Среди приветствовавших конференцию выступил и Маяковский. Он говорил о литературных позициях РЕФа (Революционный фронт искусства — так к этому времени переименовался «ЛЕФ»), и доказывал, что между «рефовцами» и пролетарскими писателями нет существенной разницы в области мировоззрения и литературно-политической линии. А на другой день, 6 февраля я был свидетелем выступле-

ния Маяковского с заявлением об его приеме в РАПП. Текст этого заявления общеизвестен. Но почему-то ни в одном из отчетов об этом выступлении не проводится одна мысль поэта, высказанная им в речи, объясняющей его заявление: «Я не представляю себе, — говорил он, — что через десятилетие историк литературы сказал бы, что в России в таком-то году было столько-то пролетарских писателей и был еще Маяковский». Так и на этот раз поэт считал нужным напомнить, что он всегда считал и считает себя поэтом «атакующего класса», которому он целиком и без остатка отдавал всю свою звонкую силу поэта. В заключение этого выступления Маяковский с огромным подъемом прочел свое последнее гениальное творение «Во весь голос». Долго не стихала в зале буря оваций. Этот блистательный апофеоз большой поэтической жизни поэта убедительно показал всю вздорность утверждений некоторых горе-критиков, якобы Маяковский исчерпал себя и занимается самоповторением. «Во весь голос» прозвучало как наступление нового, наиболее зрелого периода поэтической биографии поэта.

Конференция единогласно постановила принять Маяковского в РАПП. Я заметил, что присутствующие в зале многочисленные гости также проголосовали, хотя им не полагалось пользоваться правом решающего голоса на конференции.

В день своего отъезда из Москвы по приглашению Маяковского я пришел к нему на квартиру в Гендриковом переулке, где он жил вместе с Л. Ю. и О. М. Брик. Было около одиннадцати часов утра. Маяковский приветливо встретил меня, познакомил с Л. Ю. Брик. «Смотри, Лиля, какой наш Бесо! Видала белого грузина? Вот он единственный такой». После нескольких таких шутивно-приветственных фраз он обратился ко мне: «Садитесь, Бесо, пейте чай, завтракайте, а я сейчас закончу работу и потолкуем». Я сел за стол в маленькой столовой вместе с Лилей Юрьевной, а Маяковский зашагал в соседней такой же маленькой комнате, являвшейся его рабочим кабинетом, и стал вполголоса бормотать. Оказывается, я застал поэта за работой над стихами. Двери между столовой и кабинетом были открыты, и процесс рождения стиха проходил на наших глазах. Порой он на минуту прекращал работу над стихом, несколькими словами вмешивался в нашу с Лилей Юрьевной беседу и опять продолжал шагать по комнате и бормотать рождающиеся строки. Зазвонил телефон. «Да, да, через час будут стихи», — заговорил Маяковский в телефонную трубку. Это какая-то редакция торопила поэта со сдачей заказанного и обещанного стихотворения. Маяковский продолжал расхаживать, на ходу записывать заготов-

ленные строки и попутно вмешиваться в нашу беседу. Я был поражен таким способом создания стиха. Еще раз зазвонил телефон. «Да, через полчаса можете прислать за стихами», — ответил Маяковский. И в самом деле, через 20-25 минут работа была им закончена. Я перешел к нему в рабочую комнату, и он сразу же переключился на деловую беседу со мной. Возобновил начатый в день нашей первой встречи разговор относительно целесообразности приезда в Москву большой группы грузинских писателей, организации перевода на русский язык лучших произведений поэтов Грузии.

Я сообщил ему, что грузинский драматический театр, руководимый Котэ Марджанишвили, в ближайшее время собирается приехать на гастроли в Москву, что театр буду сопровождать я и еще несколько грузинских писателей. Маяковский заинтересовался этим сообщением. Он с большим уважением и любовью говорил о выдающемся грузинском режиссере и вспомнил свои переговоры с ним относительно постановки «Мистери-Буфф» на Мтацминда. «Тогда это дело не получилось, но ничего. Может быть, сейчас Константин Александрович заинтересуется моей новой пьесой «Баня». Ведь он любитель острых вещей, враг вегетарианства в искусстве. Не так ли?» — «Разумеется». Я больше молчал и вставлял в беседу короткие реплики. Мне хотелось вызвать своего собеседника на долгие разговоры, чтобы как можно больше услышать от него. Он опять вернулся к своей мысли о том, что «Реф», как и все остальные литобъединения и группировки, изживает себя, что наступает необходимость сплочения всех

жизнеспособных сил социалистической литературы для совместной большой литературной деятельности.

— Вот почему, — продолжал Маяковский, — вступил я в РАПП, — в эту массовую писательскую организацию, хотя пока я и не ощущаю улучшения отношений ко мне со стороны руководителей РАППа.

— Но ведь они единогласно приняли вас в свою организацию, — возразил я.

— Это было подготовлено воздействием извне. Они же не хотят мириться с мыслью о моей принадлежности к пролетарской литературе, — сказал он с большой досадой и огорчением.

Наша беседа подходила к концу, Маяковский заговорил о возможности приезда в Тбилиси со своей выставкой и высказал надежду, что выставка будет иметь в Грузии большой успех. Я с радостью присоединился к этому его намерению и сказал, что будет все сделано для достойного приема его юбилейной выставки в Тбилиси. На прощание он попросил передать привет Паоло Яшвили, Тициану Табидзе, Симону Чиковани и всем тбилисским друзьям и еще раз повторил: «Вот посмотрим, будет ли иметь успех в Грузии моя выставка». Это была последняя фраза, сказанная им мне. Эти слова на всю жизнь сохранились в моей памяти.

Мы расстались с ним, рассчитывая на скорую встречу.

В роковой день 14 апреля 1930 года я находился в Харькове, в тогдашней столице Советской Украины, где проходил вечер дружбы украинского и грузинского театров, и здесь узнал о трагической гибели поэта.

Владимир МАЧАВАРИАНИ

Революцией мобилизованный и призванный

Я и многие мои товарищи, как правило, в молодости не вели никаких дневников. Мы надеялись на собственную память. Прелесть юности в том и состоит, что она мало думает о старости. В восемнадцать лет трудно предполагать, что под шестьдесят тебе начнет изменять память.

Воспоминания рядового солдата о

главнокомандующем охватывают весьма ограниченный круг его деятельности. Солдат, даже если он человек наблюдательный, как правило, видит начальство только издали и его представления о нем часто носят весьма субъективный характер — солдат не видит ведь всего поля сражения, которое и создает объективную картину боя.

Меня, рядового комсомольского агит-пропщника, жизнь свела со многими интересными людьми. Но комсомольцы моего поколения могли пройти мимо и не заметить даже высоченного человека, если его политические, идейные, эстетические взгляды и настроения не были созвучны им.

Часто я проходил, в буквальном смысле этого слова, мимо Сергея Есенина, не замечал его на проспекте Руставели. Если он стоял в окружении Тициана Табидзе, Паоло Яшвили, Колау Надирадзе и других, я здоровался с ним за руку и уходил. Я видел Сергея Есенина, когда он бывал в Тбилиси, чуть ли не каждый день, но все мои воспоминания о нем, пожалуй, этим и ограничиваются.

Встречал я в Грузии Андрея Белого, Осипа Мандельштама, М. Гершензона да и многих других. Они мне тогда представлялись, говоря словами Аркадия Аверченко, «осколками разбитого вдребезги» символизма, декадентства.

В кругу комсомольцев, которые соби-рались в переданном в наше распоряжение бывшем военном соборе (он возвышался во всей своей неприглядной и казенно-бюрократической мощи на том месте, где теперь выстроен Дом правительства Грузинской ССР), были Рафик Агамалия, Валя Метонидзе, Женья Гавраш, Амо Вартаниян, Язма Рабинович, Шура Питерский, Бенито Буачидзе, иногда заходил к нам и незабвенный Коля Чаплин, первый секретарь Закрайкома комсомола.

Мы всерьез обсуждали текущие вопросы литературы. Возник и вопрос, почему Горький в Италии, в Сорренто, а не у нас, в СССР? Тогда нас волновало стихотворение — «Письмо писателя Владимира Владимировича Маяковского писателю Алексею Максимовичу Горькому». Мы с болью в душе повторяли строки поэта:

Очень жаль мне, товарищ Горький,
что не видно
Вас
на стройке наших дней.

хотя позже поняли, что и находясь за границей, Горький был неизменно с нами. Но тогда нас всех мучил этот вопрос, и мы обратились с ним к умному, эрудированному, спокойному, на редкость отзывчивому Александру Федоровичу Мясникову, второму секретарю Закрайкома, который с редким усердием объяснил нам роль Горького в революции, читал ленинские оценки творчества и деятельности Алексея Максимовича.

Нельзя скидывать со счетов нашу юность, молодость. Молодежи того времени свойственна была излишняя само-

уверенность, независимость суждений по вопросам, где объективная истина давно уже установлена, неспровержимы всяких и всяческих основ, которые, кстати, незачем было неспровергать, как, в конечном счете, они служили фундаментом наших эстетических оценок и вкусов.

Не касаясь умонастроения других товарищей, коли я пишу воспоминания, сошлюсь на собственное выступление на совещании в Москве в 1927 году. Совещание на тему «Леф и кино» проходило, если память не изменяет, осенью 1927 года в квартире С. М. Третьякова на Малой Бронной. Стенограмма совещания напечатана в № 11—12 журнала «Новый Леф», который редактировал В. Маяковский. На совещании присутствовали О. Брик, В. Жемчужный, А. Лавинский, П. Незнамов, В. Перцов, С. Третьяков, Э. Шуб, В. Шкловский, Л. Эсакиа и другие. Был на совещании в качестве гостя и я. Привожу выдержку из своего выступления по тексту журнала «Новый Леф»: «...Кинематография не есть только эстетическая работа над материалом, а это политическая, социальная, воздействующая сила, которая ответственнейшим образом организует волю людей. Если это так, то мы должны производить такие вещи, которые бы выполняли эту социальную роль в том плане, в котором мы все работаем. И раз эта задача есть, то нужно искать путей воздействия и выживать Малиновских (Вера Малиновская — весьма популярная в те времена актриса, несколько модернизированная Вера Холодная. — В. М.). Задача эта — актуальная хроника Шубовским методом. Я верю, что это вещь хорошая. Я лично думаю, что конкретный принципиальный материал, реальный материал, с точки зрения основных принципов кинематографии, лучше дойдет до зрителя, чем игровая лента, потому что сущность кинематографии в этом заключается». Едва ли разделявшаяся мной позиция «фактографического кино» была правильной.

В те годы бурной, как весеннее половодье, жизни каждый из нас ожидал появления поэтического мессии, который в стихе воплотит страдания и радости, величие и великолепие, неповторимость весны нового человечества. Этим мессией для меня был (только ли для меня?) Маяковский. Он воспел Родину, Партию, Ленина, все то, чему наше поколение и последующие поколения отдали и отдадут все порывы души и свои помыслы, волю, энергию и талант, какой бы мизерной мерой он ни определялся.

Я хочу начать свои воспоминания о Маяковском с конца, а не с начала знакомства с Владимиром Владимировичем. Воспоминаний этих, кстати, не так уж много. Мы не часто встречались, но эти

встречи навсегда сохранились в памяти, так как В. Маяковский для меня не прошлое, а настоящее, — и сейчас я не расстаюсь с его стихами, с его образом, с его голосом, с его печальным, исключительно внимательным лицом, на котором так часто вынужденно появлялась не свойственная ему сердитость и строгость.

В 1928—1930 годах, работая в Исполкоме КИМа, я часто бывал в разъездах и только мелко видел Владимира Владимировича. В начале 1930 года, вернувшись из заграничной поездки, несмотря на большую занятость, я тут же забежал к Сергею Михайловичу и Ольге Викторовне Третьяковым узнать о последних московских литературных новостях, об открытии отчетной выставки «20 лет работы Маяковского». Кстати, об этих драматических и даже трагических для жизни Маяковского днях подробно пишет С. Коваленко в 4-ом номере журнала «Вопросы литературы» за 1963 год. Вспоминаю, у Третьяковых в гостях были какие-то незнакомые мне литераторы, разговор не клеился, Сергей Михайлович решил проводить меня немного, но получилась длительная прогулка по Тверскому бульвару. Он подробно рассказывал мне все, что творилось тогда с В. Маяковским. Прощаясь, С. М. Третьяков попросил меня: «Зайдите к Володе на Таганку или Лубянку, повидайте его, растормошите его, расскажите о вашей поездке за границу, он вам будет рад. А если уедете отдыхать в Грузию, уговорите его, чтобы он поехал с вами. С ним творится что-то неладное, я очень за него боюсь».

Поручения С. М. Третьякова, к великому моему огорчению, я не сумел выполнить. У меня не было ни одной свободной минуты, единственное, что я успел сделать, это зайти 1 февраля 1930 года на открытие знаменательной выставки Маяковского. Я пришел на нее задолго до открытия, в залах никого не было, и я стал внимательно рассматривать экспонаты, знакомые мне плакаты «Роста» и другие материалы. Спустя немного времени, обернувшись, заметил Владимира Владимировича, который знал от моей жены Александры Моисеевны Тондзе, что меня нет в Москве, что я в зарубежной поездке. Мне показалось, что он меня не узнает. Знал он меня в черной сатиновой косоворотке, в кожанке, а тут я был одет, как заправский европеец. К тому же, голова моя была наголо обрита.

По счастливой случайности сохранилось письмо, которое я на следующий день после открытия выставки — 2 февраля 1930 года — послал жене в Тбилиси. Приведу его, как страничку дневника: «...Теперь о Выставке 20-летней работы Маяковского. Я вчера обе-

дал с Наташей (речь идет о Нат. Вачнадзе) и вместе с ней пошел на выставку. Вступительную речь держал Маяковский. Речь его, как и все его речи, была очень остроумной по форме, глубокой по существу. Рассказывая об своей работе хронологически, говорил о том, как трудно ему было печататься в старые времена, как его не принимали в царское время. Издевался над людьми, которые утверждают, что революция не приняла Маяковского или что Маяковский не пришел к революции. Он заявлял, что этих проблем у него не было, что со Смольного (1917 г.), да и раньше, он по сей день вместе с партией, для революции работает. Это — основная мысль выступления. Рассказывая он остроумнейшие анекдоты (его встречи с издателем Сыгиным, Аркадием Аверченко и т. д. и т. п.). Аудитория была странная, никого из и от литературы, хотя выставка неофициальная, но все же юбилейная. Были его близкие друзья (Лиля Брик и т. д.) и комсомольцы, как видно из различных литкружков. Газеты безобразно замолчали этот юбилей. Не откликнулась ни одна газета, абсолютно. Ни одного хотя бы простого приветствия. Эта возмутительная стена сплошного замалчивания, как видно, очень сильно взволновала и обидела его, хотя он со свойственной ему иронией и издевался над обычными юбилеями с Коганами и др... Получилось страшное одиночество. Мне его безумно жалко. Он мне показался трагической фигурой... Потом он читал новые стихи («Во весь голос»), они меня потрясли, они где-нибудь будут напечатаны, потом поговорим о них. Выставка исключительно интересная, тут весь Маяковский... Я с ним виделся несколько минут. Мы обнялись. «Я так давно Вас не видел», — сказал Володя, просил обязательно зайти к нему. Мне кажется, с ним что-то происходит, не знаю что, мне показалось, что он теряет свою удаль. С выставки я побежал на работу, а потом зашел к Наташе и Коле (речь идет о кинорежиссере Николае Шенгеле, муже Н. Вачнадзе), я у них остался до 2½ часов ночи, все о Маяковском разговаривали, Коля на выставку не пошел, о чем жалел очень. Вернувшись домой, так и не мог заснуть, всю ночь думал и передумывал о Володе. Как жаль, что тебя нет здесь, он о тебе спрашивал, зашли бы к нему, к себе позвали».

Владимира Владимировича, к моему большому горю, я уже больше не видел. Я опять уехал из Москвы. На чужбине узнал о его смерти, она меня так потрясла, что я заплакал на улице и обратил на себя внимание, чего мне вовсе не хотелось.

Это я рассказывал о событиях, связанных с В. Маяковским в 1930 году, а

впервые Владимира Владимировича я увидел в 1924 году, когда он приехал в Тбилиси. Тогда я работал заместителем заведующего агитпропотделом Тбилисского Комитета ЛКСМ Грузии.

Во второй половине душного августовского дня ко мне зашел устроитель лекционных поездок В. Маяковского и просил помочь ему в организации выступления Владимира Владимировича. Тут же он попросил меня зайти к Маяковскому в гостиницу «Ориент» (ныне «Интурист»). Я с радостью помычался к Владимиру Владимировичу. Беседа была короткой, но Маяковский успел поинтересоваться делами нашей комсомольки, расспросить сколько комсомольцев в тбилисской организации, каков ее национальный состав, как идут дела с интернациональным воспитанием молодежи. Мы условились встретиться на второй день, но мне в ту же ночь пришлось срочно уехать в Батуми, и я не знаю, выступал ли в тот приезд Владимир Владимирович с лекциями в Тбилиси.

О намерении поставить «Мистерию-Буфф», использовав для этого склоны Мтацминды, как место развертывания «героического, эпического, сатирического изображения нашей эпохи», подробно рассказали мне позже Котэ Марджанишвили и художник Ираклий Гамрекели, который даже набросал на бумаге первые варианты декораций. Летом 1927 года я отдыхал у Котэ Марджанишвили на Зеленом Мысу, где он снимал «Овод» по Войнич. Котэ в беседах со мной вновь возвращался к мысли о постановке «Мистерии-Буфф», хотел специально для этого пригласить в Тбилиси Владимира Владимировича. Не знаю, по каким причинам не осуществилась эта идея Марджанишвили.

Многokrатно говорилось об исключительном личном обаянии Маяковского. Владимира Владимировича снимали, как известно, в кино, снимали его выдающиеся фотографии того времени, и в числе них А. Родченко — ближайший его единомышленник, почитатель и друг. Но, к сожалению, на многих снимках Владимир Владимирович получался строгий, нахмуренный, даже как будто злой. Был же Владимир Владимирович на редкость душевным, мягким, добрым человеком.

Неизгладимое впечатление произвели на меня первое личное знакомство с Маяковским, его манера разговора, безупречный такт, абсолютная добропорядочность, прямо-таки магического тембра голос. Был он сверхестественно чистоплотен. В жизни я не встречал второго такого мужчину, который был бы так чист не только душой, но и всей внешностью. Едва ли кто-нибудь когда-либо видел Маяковского небритого, невымытого. Он всегда был в белоснежной рубашке,

одет небрежно, но с большим вкусом. Ел он всегда мало, пил в меру. Ничего не было в нем от богемы, это был подтянутой, вечно думающий, ~~эрудированный~~ человек.

Владимир Владимирович любил ходить; но прохаживаясь, он работал. Помню, зашли мы где-то у Лубянки в ресторанчик, там пели и плясали цыгане и тогда еще совсем молоденькая, стройная красавица Ляля Черная. Внасквозь прокуренным помещением было шумно, и не понятно, кто больше шумит — публика или цыгане на эстраде. Большого красивого Маяковского все заметили (тогда ему не было и 35 лет). Ляля в плясе, взмахом руки приветствовала его. В. Маяковский попросил для меня раков и пива. Я с удовольствием стал утищать поданное на стол, почти не обращая внимания на пляски и пение цыган. Маяковский же весь ушел в себя. Мне казалось, что он ничего не замечает, никого не слышит; он взял со стола бумажную салфетку и, задумавшись, медленно что-то писал. Так продолжалось минут десять-пятнадцать. Концерт окончился, к нашему столу подседа Ляля Черная. Владимир Владимирович как будто очнулся, начал балагурить, острить. На дворе стояла лютая зима. На санях проводили мы Лялю домой. Маяковский отвоз меня в гостиницу и, прощаясь, сказал: «Надо скорее домой, работать, дописывать».

Снова увидел я Маяковского в феврале 1926 года. Тогда я уже работал в ЦК комсомола Грузии, заведывал отделом пропаганды. Однажды ко мне зашел устроитель вечеров Маяковского П. Лавут. Он вновь повел меня к Владимиру Владимировичу в «Ориент». Мы встретились как старые, добрые знакомые. Разговор был у нас в тот день строго деловой: где выступать, с чем выступать.

На 26 февраля у него уже было назначено выступление в театре имени Руставели. Об этом выступлении подробно рассказывает Н. Вачнадзе в своих воспоминаниях, и я не хочу повторяться. Перед выступлением Маяковский был у Н. Вачнадзе в гостях. Был там и я со своей женой Александрой Моисеевой. Гости еще оставались, когда Владимир Владимирович поднялся и поспешил в театр имени Руставели, я пошел с ним. Шли мы быстрым шагом, Владимир Владимирович расспрашивал меня о политических настроениях в Грузии, о меньшевиках, троцкистах. «Кто меня будет слушать сегодня вечером?» — спрашивал Владимир Владимирович. «Не только поклонники», — ответил я ему. «Тем лучше», — услышал я в ответ. Владимир Владимирович любил сражаться, он всегда был в своей стихии, когда парировал реплики противников.

В тот вечер, 26 февраля 1926 года, после выступления в зале театра имени Руставели, Владимир Владимирович, Николай Шенгелая, Нато Вачнадзе, я и моя жена, еще несколько товарищей, не могу сейчас точно вспомнить кто, шли по безлюдным улицам Тбилиси не по тротуару, а по середине проспекта Руставели, и Владимир Владимирович не то нам, не то себе читал:

Слушайте ж:
все, чем владеет моя душа,
— а ее богатства пойдите смерть ей! —
великолепие,
что в вечность украсит мой шаг,
и самое мое бессмертие,
которое, громыхая по всем векам,
коленипреклоненных соберет мировое
вече. —
все это — хотите? —
сейчас отдам
за одно только слово
лаское,
человечье.

2 марта 1926 года мы, его грузинские друзья (всех не припомню), пошли провожать Владимира Владимировича. Помню, его отъезд снимали операторы киностудии.

Вновь в Тбилиси я встретился с Владимиром Владимировичем в декабре 1927 года. Продолжая работать в ЦК комсомола Грузии, тогда я был секретарем кинокомиссии ЦК Коммунистической партии Грузии и заведывал сценарным отделом киностудии. На киностудии в то время работала большая кино съемочная группа под руководством известного кинорежиссера А. Кулешова. Снимали фильм «Паровоз № Б-1000» по сценарию С. М. Третьякова. Сергей Михайлович был ближайшим сотрудником и литературным единомышленником В. В. Маяковского, А. Кулешов дружил с Л. Ю. Брик; таким образом, начинающие молодые деятели грузинской кинематографии М. Калатозишвили, Д. Рондели, Л. Эсакиа, будучи включенными в группу А. Кулешова, часто встречались с Л. Ю. и О. М. Брик, с В. В. Маяковским, бывали у Бриков и Маяковского и у С. М. Третьякова, в качестве гостей участвовали в совещаниях группы «Новый Леф». С. М. Третьякову принадлежит сценарий одного из выдающихся фильмов Госкинпрома Грузии «Элисо» по роману А. Казбеги, который поставил Н. Шенгелая, ранее один из активнейших членов грузинской литературной группы «Феникс». В. В. Маяковский в эти годы сдружился с целой группой литературной и кинематографической молодежи Грузии.

Комсомольцы моего поколения считали Маяковского своим поэтом, он активнейшим образом сотрудничал в «Комсомольской правде» и в бытность ее ре-

дактором Ф. Кострова чуть ли не каждый день общался через газету со всей всесоюзной комсомольней. Мои связи с С. М. Третьяковым и В. В. Маяковским еще больше укрепились, когда в Баку, в торжестве с С. М. Третьяковым в 1929 году я издал свою первую книгу «В Тана-Туву» — путевое повествование о прошлом и настоящем Тана-Туву.

В те же годы часто приезжал в Грузию Виктор Шкловский, консультировавший сценарный отдел Госкинпрома и отдельных режиссеров. Неисчерпаемый на выдумки, Виктор Борисович оказывал большую творческую помощь нашим молодым кинематографистам.

Мы с Виктором Борисовичем объехали чуть ли не всю Западную Грузию. На лошадах извездили, в частности, Аджарию, через Хуло спустились в Бахмаро, а оттуда к берегу Черного моря. Потом мы встретились с Виктором Борисовичем у него на квартире в Москве, у С. М. Третьякова, у Владимира Владимировича. В. Б. Шкловский импонирует всем своей эрудированностью, пытливым, острым умом исследователя. Мы зачитывались его работами. Владимир Владимирович сказал мне однажды: «Вот какой у нас умница Шкловский, у Полонского такого нет».

8 декабря 1927 года я от имени комсомольцев-студентов попросил Владимира Владимировича обязательно выступить в университете. Он тут же с охотой согласился. В то время в среде молодежи шло довольно бурное брожение умов. Нам, комсомольцам, выступление Владимира Владимировича нужно было позарез.

10 декабря В. В. Маяковский, П. И. Лавут и я поехали в университет, кажется на трамвае, автомашин тогда у комсомольских работников не было. Вошли в вырешный актовый зал, эта была самая большая аудитория университета. Зал был до отказа заполнен студентами, кое-где виднелись профессора, преподаватели. Я взобрался на помост, представил аудитории Маяковского и сошел в зал. В. Маяковский начал читать стихи. Помните, аудитория, как видно не ведаящая, что Маяковский родился в Багдаде, учился в Кутаиси и знает грузинский язык, услышав рефрен генерального «Левого марша» (левой, левой, левой) на грузинском языке, устроила Владимиру Владимировичу бурную овацию. П. Лавут довольно подробно вспоминает об этом выступлении и заинтересованного читателя отсылаю к его «Воспоминаниям». Мне нечего добавять к этим строкам верного оруженосца В. Маяковского.

В тот приезд Владимир Владимирович выступал в Тбилиси несколько раз, я присутствовал на всех его выступлениях, это был фейерверк мысли, остроумия, поэтического вдохновения. Ауди-

тория у Маяковского, как и в Москве и других городах, была нестрай, разношерстная. В зале обычно сидели его горячие почитатели и ярые противники, равнодушных, нейтральных и что-то не припомню.

Это было в Москве, опять в зале Политехнического музея. Маяковский читал великолепное «Хорошо!». После слов «Моя милиция меня бережет» он вдруг умолк, уставившись в какого-то гражданина, который в знак полного пренебрежения к поэту развернул газету и глубококомысленно читал ее, не обращая внимания на происходящее вокруг. Маяковский обратился к этому поэту и потребовал, чтобы он или слушал поэму, или же оставил зал. Тот ни с места. Воцарилось неловкое молчание, зал замер. Вдруг с места сорвались четыре или пять милиционеров, пришедших слушать Маяковского, подхватили под мышки этого типа и бережно вынесли из зала. В зале гремела овация. Владимир Владимирович улыбнулся, поднял руку и вновь полился его могучий голос.

В те дни, однажды вечером, мы долго гуляли с ним по зимней Москве. Владимир Владимирович очень устал, был грустным. Больше молчал, мы шли молча, и вдруг Владимир Владимирович громко стал читать:

В этой теме,
и личной
и мелкой,
перепетой не раз
и не пять,
я кружил поэтической белкой
и хочу кружиться опять.

— Вы ведь мне не раз говорили, что очень любите «Про это», вот я вам и читаю.

Я тут же продолжал:

Эта тема придет,
калеку за локти
подтолкнет к бумаге,
прикажет —
скреби!

Владимир Владимирович прервал меня и вдруг продекламировал:

Не призывай. И без призыва
приду во храм.
Склонюсь главою молчаливо
к твоим ногам.
И будут слушать приказанья
и робко ждать.
Ловить мгновенные свиданья
и вновь желать.
Твоих страстей повержен силой.
Под игом слаб.
Порой — слуга, порою — мильей.
И вечно раб.

Я слушал и не знал, кого он читает. Маяковский заметил это и, улыбающийся, сказал:

— Милый комсомолец, это меню прочим, написал Блок, давно, в 1899 году, это не «Незнакомка», не «Двенадцать», не «Скифы» — это «Sergueïevine».

Я действительно ничего не слышал об этом стихотворении А. Блока.

У В. Маяковского была просто феноменальная, поразительная память на стихи. В Тбилиси небольшой компанией вместе с Маяковским мы спустились в прославленный в свое время ресторан «Симпатия», который помещался в подвале на Пушкинской улице. В ресторане мы застали Паоло Яшвили, Тициана Табидзе, не припомню других, были там гости и из Москвы. Паоло Яшвили, прекрасный поэт, прославленный тамада, не раз обращался к Маяковскому, говорил тосты и много декламировал, читал стихи и Тициан Табидзе. Сложилось впечатление, что «голубороговцы» вызывали на поэтическую дуэль Владимира Владимировича. Сначала он отшучивался, как будто балагурил, но потом, как-то встряхнулся, и началось нечто необычное: Владимир Владимирович запоем читал Пушкина, Лермонтова, Блока, Северянина, Пастернака, Есенина, забытые стихи Бунина, строки Фета, Тютчева. Это был каскад поэтического слова. Все слушали зачарованные.

Паоло и Тициан с восхищением глядели на Маяковского, я за всю мою предыдущую и последующую жизнь никогда не слышал сразу столько стихов. Если это было соревнование, то победу одержал Маяковский. Радостный, полный волнения Паоло подошел к нему и крепко обнял его.

Владимир Владимирович был поэтом настоящего интернационального нутра. Он любил свое Багдади, его синие небеса. Этот человек, умевший не раскисать, быть собранным, дисциплинированным, знавшим себе цену, часто говаривал нам, грузинским товарищам, что скучает по Грузии, по своей родине, скучает по Кутаиси, что ему так хочется побродить не по Парижу и Бродвею, а по окрестностям Багдади.

Прочитав воспоминания Н. Луначарской-Розенель «Память сердца», хочу сказать, что она очень тонко, с любовью описала отношения А. В. Луначарского и В. В. Маяковского, и мне уже ни к чему повторять рассказанное Натальей Александровной о вечере на Таганке у Маяковского, когда первый поэт революции читал первому нарком просвещения новой России свою гениальную поэму «Хорошо!». Я очень ясно помню эту читку; я сидел на подоконнике и гладил любимого бульдога Владимира Владимировича — «Бульду», чтобы пес вел себя пристойно. Поэму я и до этого вечера слышал из уст Маяковского. Не только он, но и А. В. Луначарский был

неповторим, — таких людей рождает эпоха.

Как-то я заночевал у Маяковского и Бриков на Таганке. Проснулся рано, чтобы не беспокоить радушных и хлебосольных хозяев, хотел уйти незамеченным. У Лили Юрьевны всегда было очень просто, но уютно, кормила она гостей отменно, добротна, кругом было чисто, как в операционной. Я уже открывал дверь, как меня за шиворот схватил Владимир Владимирович. «Вы это куда, как вам не стыдно, не помылись,

не поели и удираете, а ну-ка, мамин ванную. Покушаем, пойдем вместе, ослушаемся, Бульку на вас надуем». Я не успел даже сказать, что такое бульдожья хвостик, что мы перекружились и вышли на Таганку.

Шел по Москве большой, красивый, обаятельный Маяковский, с палкой в руке; забрав у киоскера охапку свежих газет, тут же на ходу просматривая их, большими шагами направлялся он на Лубянку, чтобы работать, писать стихи, которых мир никогда не забудет.

Кирилл ЗДАНЕВИЧ

Страничка прошлого

Встречаясь с Владимиром Маяковским, я каждый раз видел его как бы в новом свете, многогранность его богато одаренной природы всегда оборачивалась неожиданным образом. Вспоминаю несколько встреч, каждая из которых оставила яркий след в памяти.

В 1910 году, окончив школу рисования в Тбилиси, я приехал в Москву продолжать учиться живописи и привез с собой тридцать своих этюдов, выполненных летом в окрестностях Тбилиси. В Москве я решил учиться в студии П. И. Келина («Реалист. Хороший рисовальщик. Лучший учитель», — писал о нем в автобиографии В. Маяковский). В небольшом ателье художника было много молодежи, но чувствовалось, что здесь царит атмосфера труда и дисциплины. П. И. Келин предложил мне расставить картоны, а молодежи высказаться о моих работах.

Самый высокий из учеников, с виду нескладный юноша, прохаживался перед этюдами, что-то бормоча про себя. Наконец, высокий серьезно и спокойно, с профессиональным пониманием живописи, сказал примерно так: этюды мне в общем нравятся, в них видно чувство цвета, ощущается воздух Грузии, в которой я жил, видна наблюдательность автора, но в то же время рисунок и форма слабы, увлечение импрессионизмом

вредит работам. Это было сказано деликатно, но очень верно. Мой критик был благожелателен и искренен. Его глаза внимательны, он наблюдает, какое впечатление производят на меня его слова. Так состоялось мое знакомство с Володей Маяковским, в будущем переросшее в дружбу.

В августе 1924 года Маяковский приехал в Тбилиси. Я проводил с ним много времени, мы посещали редакции газет, я знакомил его с грузинскими писателями. Не забыли посетить «Симпатию», украшенную росписью К. Григорьянца, портретами великих людей мира. Хозяин «Симпатии» был большим мастером восточной кулинарии, и это сделало его уютным необычайно популярным. Маяковский с удовольствием познакомился с этой достопримечательностью Тбилиси.

Я пригласил Владимира Владимировича к нам на квартиру (Кирпичный переулок, 13) посмотреть картины грузинского самородка Нико Пиросманишвили. Пять наших комнат были увешаны «черными шедеврами Нико».

Маяковский пришел со своими друзьями — Николаем Шенгелая, Симоном Чиковани, Жанго Гогоберидзе, Василием Катаньяном и Колау Чернявским.

Моя мать, Валентина Кирилловна, предложила сесть за стол, «накрытый

для гостей». Но куда там! Гости ходили от картины к картине, оживленно обмениваясь мнениями... А со стен на них глядели, как только могут глядеть пирсомановские герои, — чудесная актриса Маргарита, красавицы Ортачал, виноградари и виноделы, тбилисские остро словы — кинто, разбойники, бедные женщины, знаменитый дворник, черный и желтый лвы, жираф, олени, — всего не перечислить.

На Маяковского картины произвели глубокое и сильное впечатление, он то и дело восклицал: «Вот так грузин!», «Какая сила!», «Откуда такое?!»

Владимир Владимирович заинтересовался, как были созданы эти картины, ведь это очень большой труд. Я ответил: написать эти картины действительно невероятная работа, ведь у бедняка Нико ничего не было — ни жилья, ни красок, ни хороших кистей.

В марте 1926 года Маяковский передал издательству «Закнига» (Тбилиси) рукопись детской книжки «Что ни страница, то слон, то львица». Борис Корнеев, директор издательства, пригласил меня выполнить иллюстрации к книжке, предупредив, что Маяковский придет в Тбилиси и ему нужно будет показать рисунки. Нечего говорить, с какой радостью я принялся рисовать зверей, от-

ные ставших для меня самыми интересными объектами моих экспериментов в графике.

В начале декабря 1927 года Маяковский снова приехал в Тбилиси. 9 декабря состоялось его выступление в театре имени Руставели с чтением поэмы «Хорошо!». На другой день — второе выступление в студенческом клубе университета. Вечера прошли с огромным успехом.

При встрече я показал Маяковскому рисунки к его детской книжке «Что ни страница, то слон, то львица». Он остался доволен ими, поставив лаконичное: «Печатать. Маяк.». Мои родители и я пригласили его вместе с нашими общими друзьями к нам домой. Вечер удался на славу. Маяковский был весел, но как только взгляд его останавливался на картинах Нико Пирсомани, он переставал шутить и снова восторгался ими. Его привлекли иронические нотки в таких работах Нико, как картина «Миллионер бездетный и бедная с детьми».

Мы пели за столом, а затем кто-то сел за пианино, и Володя танцевал фокстрот и другие танцы, выполняя их на один лад. Он не переставал веселиться, заражая всех своей жизнерадостностью. Такого Маяковского я до сих пор не знал.

Нина ТАБИДЗЕ

Встречи с поэтом

Помню, как Маяковский приехал в Тбилиси в 1926 году. Чуть ли не в тот же день Тициан привел его к нам, тогда я его увидела впервые. Они говорили о литературе, о новостях того времени. Вспоминая Багдади, Владимир Владимирович сказал, что хочет написать о нем что-либо очень хорошее и значительное; потом добавил, что Грузия была и будет ему дорога.

26 февраля я с Тицианом пошла на вечер Маяковского в театре имени Руставели. Владимир Владимирович прочел доклад «Литературная жизнь Америки»; после доклада читал стихи. Никто потом не мог читать их так, даже Яхонтов... Среди других стихов Маяковский прочитал «Владаквас — Тифлис». Тициан очень любил это стихотворение и с удо-

вольствием слушал его. Любил Тициан также «Юбилейное», «Облако в штанах»; ему нравилась «Мистерия-Буфф», которую Тициан по просьбе режиссера К. Марджанишвили перевел на грузинский язык. Марджанишвили хотел поставить ее под открытым небом на плато фундукулера.

Паоло Яшвили в тот вечер прочел свой перевод на грузинский язык «Львого марша».

На другой день мы пригласили Маяковского в погребок на Пушкинской улице под названием «Симпатия». Обедали с Маяковским мы, Паоло Яшвили, Сандро Шаншиашвили, Георгий Леонидзе, Валериан Гаприндашвили, Николо Мицишвили, Коля Шенгелая...

Когда должны были расходиться, Маяковский предложил поехать за город, в Ортачалы. Там опять за столом много говорили о поэзии. Зашел разговор о Есенине, вскоре перешедший в бурный спор. Потом решили развлечься борьбой. Последней парой были Маяковский и Коля Шенгелая. Не успели мы опомниться, как Маяковский оказался на полу. В ту ночь Тициан написал стихотворение «Есенин». Должно быть ожесточенные споры о Есенине напомнили ему безвременно погибшего друга.

На следующий день Маяковский пришел к Паоло веселый со своей книгой «Солнце в гостях у Маяковского», изданной Давидом Бурлюком в Америке в 1925 году, и раздал всем нам по одному экземпляру.

В 1928 году писательская организация Грузии послала Тициана в Москву на столетний юбилей Льва Толстого, в котором принимали участие такие всемирно известные писатели, как Стефан Цвейг, Бернгард Келлерман и другие.

Цвейг устроил банкет в Гранд-Отеле и пригласил на него многих писателей, в том числе и Тициана со мной.

Когда мы входили в ресторан Гранд-Отель, в дверях встретились с Маяковским. Он очень обрадовался, увидев нас, и приветствовал по-грузински, спросил, куда мы идем. Тициан ответил, что мы приглашены к Цвейгу. Только тогда я заметила, что у Володи очень грустные глаза; он сказал нам: «Пойдем вместе пообедаем. Я в плохом настроении». Мы, конечно, согласились побывать с ним. Тициан спросил: «Володя, что с тобой, я тебя не узнаю, ты на себя не похож».

Тогда он рассказал, как его любит и ценит комсомол, как он счастлив этим, но РАПП не дает ему покоя, в особенности Сутырин, который даже псмешал его поездке в Париж. Сказав это, он ударил кулаком по столу.

Всегда жизнерадостного Маяковского мы не узнавали. Тициан некоторое время смотрел на него, потом сказал: «Не огорчайся, я постараюсь помочь тебе, даю слово». Маяковский удивленно посмотрел на него и спросил: «Разве ты сумеешь доказать, что я Маяковский, а не внук Черчилля?».

Тициан сказал ему, что повидает Бесо Ломинадзе, который тогда был членом президиума Коминтерна, и тот, он уверен, поможет ему. Бесо очень любил поэзию Маяковского и хорошо знал ее. Тициан надеялся на это.

Проводив Маяковского, мы поехали к Бесо, застали его дома, чему Тициан очень обрадовался и тут же рассказал ему о Маяковском, добавив, что его очень волнует его настроение.

Бесо обещал сделать все возможное. На другое же утро он позвонил, чтобы Маяковский шел оформлять документы. Это было в конце сентября, а в октябре он уже был в Париже.

Смерть Маяковского ошеломила нас. Тициан в это время был в Сухуми. Узнав о смерти Маяковского, прислал мне телеграмму: «Володи нет, не ручаюсь за себя».

Взволнованная и напуганная, я побежала к Паоло Яшвили, он предложил мне немедленно ехать в Сухуми. При встрече Тициан сказал мне: «Трудно себе представить, какой дуб свалился».

Позже Тициан выразил свою боль в стихотворении «Багдадские небеса».

После смерти Маяковского мы встречались с его семьей, особенно часто с сестрой поэта Олей. В 1937 году, будучи в Москве, мы допоздна засиделись у Маяковских, вспоминали Володю, его ученические годы, Кутаиси, Багдади...

На другой день уехали в Тбилиси. По дороге Тициан под впечатлением вечера, проведенного у Маяковских, написал стихотворение «Матери Маяковского».

Константин ПИПИНАШВИЛИ

Образ Маяковского на экране

Я не могу рассказать ни о знакомстве, ни о встречах с поэтом при его жизни; однако, как в процессе созревания замысла фильма о его детстве и юности, так и в период создания этой кинокартины происходило мое знакомство с образом Маяковского, оживавшим день за днём в представлении всего нашего творческого коллектива.

Как автору-постановщику фильма мне хочется вспомнить и о своих ощущениях в процессе этого «знакомства», и о некоторых эпизодах, связанных с поисками возможностей донести этот образ до зрителей.

С начала же работы над фильмом, окунувшись в материалы — документы, воспоминания современников и т. п., — воскрешающие время, когда протекало детство В. В. Маяковского, мы (авторы сценария — К. Гогодзе, К. Пипинашвили, оператор — Ф. Высоцкий, композитор — А. Мачавариани, художник — Е. Мачавариани) вместе со своим юным героем оказались во власти сложных исторических событий, формировавших молодую, впечатлительную душу будущего поэта. Творческие поиски переклочили нас в период бурных событий начала нашего века и заставили ощутить действительный контакт с подлинно живым Маяковским.

«Все сто томов» его «партийных книжек», броские своей лаконичной выразительностью записи автобиографической повести «Я сам» с ценными комментариями сестры поэта Л. В. Маяковской, наконец, сами воспоминания, бережно сохранённые ею и матерью поэта — А. А. Маяковской, с которыми неустанно и щедро делилась с нами Людмила Владимировна, принявшая участие в создании фильма в качестве главного консультанта, — помогли ощущать этот контакт с юношей Маяковским все более и более реально.

И не случайно, а именно через вживание в материал, от тесного контакта с ожившим в результате творческих усилий образом будущего поэта родилось заглавие фильма «Маяковский начинался так...», которое, не отрицая, подразумевало определённую реплику на поэ-

му Н. Асеева «Маяковский начинается».

Я не буду здесь напоминать о всех противоречиях и сложностях, естественно возникших при толковании столь своеобразного и яркого таланта, каким был одарен В. В. Маяковский; но одного не могу не сказать — название фильма и все его композиционное решение должны были служить ответом на вопрос о процессе формирования мировоззрения будущего поэта.

Исторический фон... Бурные события революционных лет... Семья... Необходимость найти художественно-выразительный эквивалент исторической правды... Какую сложность все это представляло.

Слева — режиссер К. Пипинашвили, справа — артист В. Лановой

Члены семьи — это и большая помощь, и строгий судья, и живой свидетель прошлого.

Естественно, что самую большую трудность представляла задача найти исполнителя роли мальчика Володи, внешние и творческие данные которого отвечали бы требованиям и портретной правды, и той художественной выразительности, которая рельефнее и убедительнее показала бы образ будущего поэта в процессе его становления.

Не удивительно поэтому, что после окончательного отбора исполнителей главных героев фильма (даже исполни-

тельница роли Людмилы — А. Максимова не вызвала никаких возражений у самой Людмилы Владимировны: актриса сразу пленила ее собранностью, волевым характером, живо напоминающим ее юные годы) ни одна из просмотренных кандидатур на роль Володи нас не удовлетворяла.

Беспокойство нашего консультанта — сестры поэта — все усиливалось.

— Все есть, все хорошо, но Володя... Найдете ли Володю? — с тревогой спрашивала она.

Немало беспокойств было связано и с поисками исполнителя роли отца. Актера Н. Черкасова нам не удалось пригласить. Правда, у меня уже было решение попросить на эту роль народного артиста СССР А. Хораву; и здесь Людмила Владимировна помогла в выборе кандидатуры, одоблив исполнение ее большим грузинским актером, тем более, что ее отец, как говорила она, человек русский, целиком проникся жизнью края, в котором так долго прожил, и полюбил его. Однако, легко ли было делать это предложение актеру, всю жизнь лелеявшему мечту исполнить роль самого поэта?

Но одного телефонного звонка оказалось достаточно, чтобы рассеять наши волнения. Я начал разговор с Аналием Алексеевичем издалика; спросил его — знал ли он о том, что, когда присваивали Багдади имя Маяковского, старое поколение жителей села решило, что это — в память отца, любимого ими лесничего Владимира Константиновича Маяковского.

— Этот факт, — заключил я, — думается, говорит о многом и позволяет мне предложить Вам исполнение роли...

— Все ясно, — перебил меня сильный бархатистый голос Акакия Алексеевича. — И вы слишком опоздали со сценарием, и я уже успел постареть, чтобы играть роль поэта; но вы нашли удачный ключ к сердцу актера... принимаю ваше предложение... буду пробовать и буду драться за роль отца поэта...

— Ну, семья вся в сборе, — с облегчением обратился я к группе после основных пробных съемок.

— Что семья, если Володи у вас нет, — продолжала тревожиться Людмила Владимировна. Но мы твердо верили: Володя найдется. Исторические события, лица, семья — разве не это было поставлено в основу концепции фильма о формировании характера ребенка и юноши Маяковского... А Володю искали по всей Грузии. Для второго периода, периода юношеских лет уже была найдена, на мой взгляд, удачная кандидатура — актер В. Лановой. Для детских лет — продолжали искать...

Но вот одно из заседаний творческой

группы прерывается вторжением взволнованного ассистента Н. Мчедлидзе.

Волнение вызвано и встречей «с таким таким Володей, каким мы его представляли», и неловкой ситуацией, возникшей во время погони по улице за этим Володей, и, наконец, — потерей его следов.

Объект внимания ассистента был явно испуган преследованием; Н. Мчедлидзе проверяла свои впечатления и следовала за мальчиком, не подходя и пока не объясняя ему ничего. Неловкость и комичность ситуации усилилась, когда спасающийся от преследования мальчик ускорил шаг и пришлось догонять его чуть ли не бегом. Было пережито и недружелюбное столкновение с другим

Кадр из первой серии фильма «Маяковский начинался так...». В роли Володи — Р. Челидзе, в роли его отца — А. Хорава

юношей, знакомым «Володи» у которого тот явно решил искать защиты от преследования. Несмотря на грубый окрик знакомого «Володи», ассистент успела выпалить фразы о киностудии, о фильме, успела назвать фамилию режиссера и назначила «свидание» у ворот студии. Но сам «Володя» ушел, ничего об этом не зная!

На следующее утро я и Людмила Владимировна сидели в рабочей комнате, обсуждая дальнейшую работу. Вдруг раздался стук; на предложение «Войдите!» открылась дверь, и в комнату вошел высокий подросток. Упрямо свисающая на лоб прядь волос, скульптурная лепка лица, выразительные надбровные дуги и сверкнувший из-под них взгляд умных глаз уже произвели на нас впечатление. Мы поняли, что перед нами — пропавший «Володя».

Мальчик спросил режиссера Пипинашвили. Состоялось знакомство. Ученик X класса Родам Челидзе собирался по-

ступить по окончании школы в медицинский институт.

— Таково твердое решение и мое, и моих родителей, — заключил он и через некоторое время с застенчивой улыбкой добавил: — к искусству никакого отношения не имею.

Утвердительный ответ на вопрос, любит ли он кино, прозвучал тем более убедительно, что был подкреплен самим его приходом после вчерашних злоключений с моим ассистентом.

Оказалось, что вчерашние экзамены еще больше укрепили любовь мальчика к Маяковскому: вытянутый билет на тему: «Маяковский — трибун революции» оказался счастливым — экзамен был сдан на отлично.

Мальчика ошеломило предложение пробоваться на роль Володи. Все смешалось, видимо, в его юной голове: медицинский институт, экзамены и столь заманчивое предложение! Хватит ли смелости, данных, да и как отнесутся к этому родители?

Мы отпустили мальчика с обещанием, что он все обдумает, посоветуется с родителями и сообщит нам результат.

— За эти два дня Маяковский вторично приносит мне счастье, — смущенно улыбаясь, сказал он на прощание...

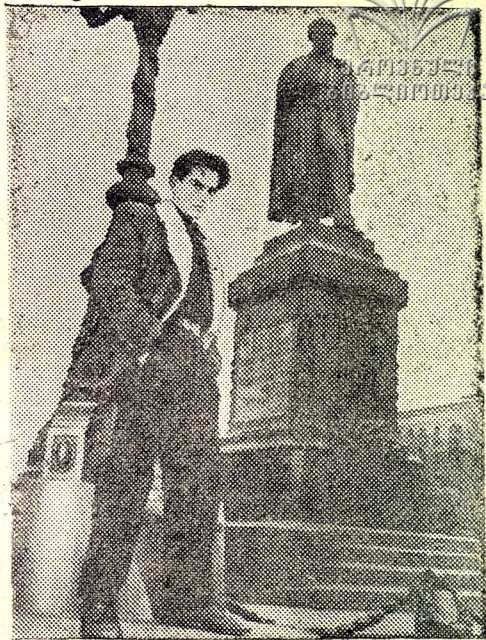
Выразительные внешние данные, подкрепленные явно проступившими в беседе, в реакциях на вопросы благодатными возможностями мальчика, позволяли надеяться, что нужная кандидатура найдена. Даже требовательность сестры поэта, кажется, была удовлетворена. Оставалось ждать решения родителей и главное — результатов пробных съемок.

Ни одно ни другое не подвело нас, наши надежды, как увидел зритель, оправдались, и мальчик Володя начал жить на экране в исполнении школьника Родама Челидзе.

К сведению зрителей, этот эпизод в жизни Родама Челидзе помимо заслуженного успеха имел и другие результаты: через год он поступил не в медицинский институт, а на актерский факультет театрального института, конечно, с согласия родителей.

Прошло четыре года, как фильм «Маяковский начинался так...» вышел на экраны Советского Союза и за его пределы.

Картина вызвала много дискуссий, разговоров, появилось много рецензий противоречивого характера («Первая разведка боем», «Именно так», «Рожденный бурей», что не мешало рядом возникнуть и полемизирующей рецензии, озаглавленной «Только не так»). Но лейтмотивом в этой реакции на картину явно прозвучала положительная оценка воспитательного и познавательного

Кадр из отснятого материала второй серии фильма «Маяковский начинался так...»
В. Маяковский — артист В. Лановой

значения фильма, особенно для нашего юного поколения, и, что было особенно отрадным, всеми отмечалась большая творческая победа молодого дебютанта кино — Родама Челидзе, исполнителя роли Володи, А. А. Хоравы в роли отца и др.

Для нас же, авторов фильма, оценкой его, принесшей большую творческую радость, явились бесконечные обращения (в прессе и в письмах) с выражением нетерпеливого ожидания второй серии, в которой в роли юноши Маяковского должен был выступить интересный, талантливый актер В. Лановой.

Сейчас, когда в связи с 70-летием со дня рождения поэта фильм «Маяковский начинался так...» будет снова широко демонстрироваться на экранах, мы вплотную подошли к осуществлению нашей мечты — завершить начатую работу, создать художественное кинопроизведение, которое явилось бы достойным великого поэта, говорившего: «Для вас кино — зрелище, для меня — почти мирозерцание».

Наша творческая группа получила почетное предложение к 75-летию Маяковского завершить эту работу в форме трилогии, которая позволила бы создать на экране убедительный, реальный и зрелый образ большого поэта советской эпохи.

С у м е р к и

Н О В Е Л Л А

Будем благодарны ветру перевалов.
В. Шкловский

Медленные сумерки над Имеретией. Они спускаются откуда-то сверху, идут невидимым потоком по склонам гор, и горы постепенно синеют.

Горы днем голубые от виноградников, политых медным купоросом.

В винограднике начинает высвистывать свою несложную песню какая-то птица.

В марани, где стоит мой рабочий стол, становится совсем темно. Я перестаю писать и выхожу к воротам. Там, у плетня, устроена маленькая лавочка, на которой я провожу все вечера, тоскливые вдали от друзей и однообразные.

Желтоватое шоссе изгибом проходит передо мной. Оно поблескивает при восходящей луне зернышками слюды и кварца.

Вдоль дороги тянутся колючие изгороди из живого шиповника и сухих ветвей акации. Изгородь переплетена ежевичными сухожилиями, на которых каплями свернувшейся крови выступают ягоды.

По другую сторону возвышаются скалы, обросшие жесткой травой.

Скалы красного цвета. До войны их вырубали большими кубами и отправляли в Москву на строительство Дворца Советов и облицовку станций метро. Может, этим камнем облицована станция «Площадь Маяковского»...

Маяковский родился в Имеретии.

В Багдади. Это совсем недалеко от того места, где я сейчас живу.

Виктор Шкловский написал: «Это хорошие места. Весной горы стоят, покрытые серой травой, а деревья в цветах, как в дыму»

И дальше: «...какие-то деревья цветут розовым...».

Деревья с розовыми цветами называются «*Cercis siliguastrum*» или Иудино дерево. В реквиеме «Маяковский рядом» Асеев вспоминает его:

Иудино дерево цветет,
розовое от пен.
А он под ним никогда не пройдет,
отгрохотав, отпев.

Я сижу на лавочке и слушаю далекий шепот реки. Кто знает, может, проезжая здесь с отцом, маленький Володя видел эту убогую церковку и одинокую ель на горе?

Когда Маяковский был в Париже, его вызвали в префектуру. Чиновник, делавший какие-то отметки в его паспорте, вдруг спросил на чистом русском языке:

— Вы из деревни Багдади, Кутаисской губернии? Я жил там несколько лет.

Об этом эпизоде рассказывает Эльза Триоле.

Маяковский хорошо знал грузинский язык. Грузия, в частности Имеретия, оставили свой отпечаток в жизни поэта, об этом спорить не приходится. Вспомним хотя бы строки:

Только
нога вступила в Кавказ,
Я вспомнил,
что я — грузин.

Грузины любят песню. Серая
стая имеретинских ребятишек
гонит с пастбища коров, и в топот
ног врывается звонкий девический
голос.

Я узнаю эту песню. Она провожа-
ла меня в Тбилиси, я слышал ее на
Сурамском перевале, и вот снова ее
поют здесь:

Я Грузин сын Бухайдзе
В горах Балкаретских сражен.
Когда бы я смог из могилы
Восстать, словно меч из ножен,
Я, жизнь заслуживши, вторично
За милую б Картли сложил,
За землю, которой сердце мое
Товарищ в сраженьи прикрыл...

— Гогона, — окликаю я девуш-
ку, — кто сочинил эту песню?

— Народ, — отвечает она, встря-
хивая косами, — это народная пес-
ня.

Но я знаю, кто написал эти стихи.
Грузинский поэт Ираклий Абаши-
дзе.

Он тоже уроженец этих мест. Пе-
ред отъездом видел его на проспек-
те Руставели. Он шел, высокий, с
резко приподнятым правым плечом,
молодой, но уже седеющий...

Тбилиси — ослепительный город,

всегда задорный и хмельной, разве
можно забыть тебя?!

Разве можно забыть город, где
прошло детство, отрочество и нача-
лась юность?

Там сейчас друзья мои — моло-
дые веселые поэты, — они пишут хо-
рошие стихи.

Вечер.

Визгливый скрип арб тянется по
ущелью — перевозят перебродившее
маджари.

Быки лениво переступают тяже-
лыми неуклюжими ногами и на хо-
ду жуют жвачку.

Мурлычет песню аробщик, моло-
дой светловолосый имеретин в пи-
лотке.

Пахнет осокою, прибрежным мок-
рым песком и мятой.

Мяту любят здешние коровы —
потому так душисто их молоко.

Скрип удаляется и стихает за по-
воротом.

Я вспоминаю стихи моих друзей.

Около меня сидит маленький гру-
зинский мальчик.

Вчера он узнал, что его отец
больше никогда не вернется домой.

Он слушает меня внимательно.
Черные зрачки его печальных глаз
блестят и, когда я кончаю читать,
он тихо просит:

— Кидэ...*

1944 г.

* Еще (груз.).

Багдади — Маяковский

Ясный день. Над поселком — синий купол неба.

В него когда-то, лежа на спине, всматривался Володя Маяковский. Он выискивал звезды, которые отметил днем на карте Вселенной.

Эту карту он получил вместе с журналом «Вокруг света», и она завладела его воображением.

На какую-то минуту хочется на все вокруг посмотреть глазами багдадского мальчика Володи. Но время внесло свои поправки не только в жизнь и быт людей, а и в «стоверстые скалы», в течение рек, в массивы лесов... И уже задаешься вопросом: чего не мог увидеть тогда в родном селе Багдади Маяковский, иначе говоря, что новое мог бы он увидеть сегодня.

Как вспоминала мать поэта — Александра Алексеевна, Багдади было глухим селом: ни школы, ни учителя. А теперь в районном центре Маяковский (бывшем Багдади) две полные средние школы. Одна — имени Эгнате Ниношвили, другая Владимира Маяковского.

Чтобы получить образование, Володе пришлось переехать с матерью в Кутаиси. А сейчас на улицах поселка то и дело встречаешь школьников и школьниц с книгами под мышкой. Так и хочется спросить: задумывались ли вы, дети, над тем, каким было ваше село когда-то и какое оно теперь?!

В селе не было больницы и врачей, а теперь они есть. Из Багдади в Кутаиси ходил дилижанс один раз в день, теперь ежечасно отходят автобусы. Вместо узкой проселочной дороги — широкая лента асфальтированного шоссе, вместо скрипучего парома — красивый мост.

На каникулах, когда так тянуло раскрыть интересную книгу, — то, что имелось в доме, было давно читано и перечитано, — Володя ходил ежедневно встречать почту, получал газеты, журналы и книги, которые выписывал отец. Теперь в поселке — Дом культуры, богатая библиотека и читальня, а среди книг — произведения самого Маяковского на русском языке и в грузинских переводах.

Дома в прошлые времена строились тут небольшие, приземистые, на таком расстоянии друг от друга, что соседа не докличешься. Теперь здесь выросло много двухэтажных домов, и местечко стало как будто на голову выше.

Центр поселка красиво распланирован, застроен, под прямым углом пересекают его асфальтированные улицы.

Однажды, отправившись с отцом в верховой объезд багдадского лесничества, Володя Маяковский был поражен увиденным с перевала электрическим светом, блеснувшим в расступившемся тумане. То было новшество, введенное предприимчивым заводчиком. Природа после этого показалась Володе «неусовершенствованной вещью».

Спустя десятилетия, уже при советском строе, село получило свет от своей небольшой ГЭС, а потом его подключили к высоковольтной линии передач мощной Рионской электростанции. Весь поселок теперь залит светом, электроэнергия питает местную промышленность, и, кажется, сама природа вокруг стала от этого еще красивее.

Но главное, чему мог бы порадоваться сейчас Владимир Маяковский, это те изменения, которые произошли в труде, в строе мыслей и чувств жителей родного села.

Многие уроженцы Маяковский, получив высшее образование, вернулись сюда агрономами, врачами, педагогами, людьми самых различных профессий, глашатаями социалистической культуры, и свое призвание видят в служении народу. Маяковский — центр укрупненного ныне района — живет одной общей созидательной жизнью с республикой, со всей Советской страной.

Южная окраина поселка вплотную подходит к ущелью, из которого вырывается река Ханис-цхали. С шумом, сворачивая то вправо, то влево, бежит она садами через село и сбегает в Рионскую долину. Где бы вы ни находились, до вас доносится неумолчный шум стремительной горной реки.

У самого ущелья, возле железного моста, под горой, утопая в садах и виноградниках, стоит дом, в котором семье-

сят лет назад родился Владимир Владимирович Маяковский.

С террасы дома-музея открывается вид на сады и дома, на горы и леса. По ту сторону реки — гора Гвелис-тави (Змеинная голова). Назвали ее так потому, что до самой вершины она исчерчена извилистыми тропинками.

К северу горы снижаются. В эту открывающуюся взору даль не раз всматривался Володя Маяковский. Он писал: «На севере разрыв. Мечталось — это Россия. Тянуло туда невероятнейше».

Смотришь на высокие горы, на высокие деревья, и кажутся особенно значительными слова, которые вписал в книгу впечатлений музея белорусский поэт Петрусь Бровка: «Здесь все высоко — и горы, и ясное небо, и люди. Высоким вышел отсюда и Владимир Маяковский, а поэзия его была самой высокой по духу среди всей нашей поэзии».

С этой мыслью поэта как бы перекликается запись, оставленная грузинской киноактрисой Нато Вачнадзе: «Вся обстановка, природа, краски, рельефы сразу и вдруг объяснили мне многое».

Отсюда вынес Маяковский не только воспоминания о синих багдадских небесах, но и вызревавшие здесь слова и образы.

Но дело не в словах, навеянных впечатлениями детства. Не случайно людям кажется, что в самой природе этого края — неиссякаемый источник поэзии, в самом воздухе Багдада — поэзии накал.

Одну из главок автобиографии Маяковский назвал «Корни романтизма» и в ней описал родное село.

Знаменательно, что здесь, перед домом-музеем, в прошлом году, во время Декады русской поэзии, состоялась одна из самых памятных встреч поэтов Грузии и России — форум певцов братства и дружбы народов.

Приветствовать и послушать поэтов пришли тогда многие жители поселка. Среди них были и школьники, и старики. Самым старшим из них перевалило за девяносто. Это — Илья Деметрадзе, Георгий Гоксадзе, Алфез Робакидзе — живые свидетели детства Владимира Маяковского.

На встрече читали стихи и просто говорили...

— Мы не удивлены, мы потрясены и переполнены благодарностью к грузинскому народу за то, что он так хорошо знает нашу литературу, — сказал поэт Сергей Васильев.

Ему ответил поэт Карло Каладзе:

— И мы в свою очередь переполнены теми же чувствами к русскому народу. Спасибо нашему земляку и вашему соотечественнику великому советскому поэту Маяковскому, одному из тех, кто

Владимир Маяковский. Скульптура Г. Кордзахия

Фото В. Тархова

первыми заложили фундамент нашей дружбы в советское время.

Потом осматривали музей.

Над дверью, ведущей в комнаты дома-музея, знакомые всем слова:

Я
всю свою
звонкую силу поэта
тебе отдаю,
атакующий класс.

Пожалуй, никакие другие слова не могли бы выразить так полно содержание музейной выставки.

Где-то я вычитал, что «в музейной тишине есть что-то волнующее». Нет, тут это не приложимо. В этом музее волнуется не тишина, а тот призывный голос борьбы, который исходит от каждой выставленной здесь книги, от каждого плаката, снимка. Идешь и как бы повторяешь вслух за поэтом:

Я прохожу
по строчечному фронту...

Материалы выставки Маяковского порой не умещаются в традиционных музейных рамках и ломают их. Поэт и сегодня живой среди живых. Об этом красноречиво свидетельствуют разделы выставки: «Маяковский певец коммунизма!», «Борьба за мир», «Маяковский и молодежь», «Работа Маяковского в газете», «Маяковский и Америка», «Сатира Маяковского».

Их много — разделов и тем. Зачастую целый стенд занимает одно произведение, например, поэмы «Владимир Ильич Ленин», «Хорошо!», вступление в поэму о пятилетке «Во весь голос». Вокруг каждой из этих книг собраны документальные снимки, запечатлевшие события и людей, передающие живое дыхание эпохи; выставлены газеты, напоминающие о злободневности тем, волновавших поэта, о пафосе борьбы тех лет.

В этом музее дышишь воздухом современности и выходишь из него еще более проникнутый оптимизмом.

Музей В. В. Маяковского в Багдаде был организован в годы Великой Отечественной войны. Много усилий приложил к его организации писатель А. Колосков, постаравшийся как можно полнее воссоздать обстановку детских лет поэта. А. Колоскова сменил на этом почетном посту поэт М. Патаридзе. После смерти его, с 1952 года, музеем руководит уроженец села Маяковски Николай Кучухидзе, педагог по образованию. Большую помощь оказывают музею литературные организации Москвы и Тбилиси, его пополняют экспонатами и сами трудящиеся.

«Книга впечатлений» здесь, собственно говоря, уже не книга, а целый труд в десяти томах. Бесчисленное множество записей (музей только в прошлом году

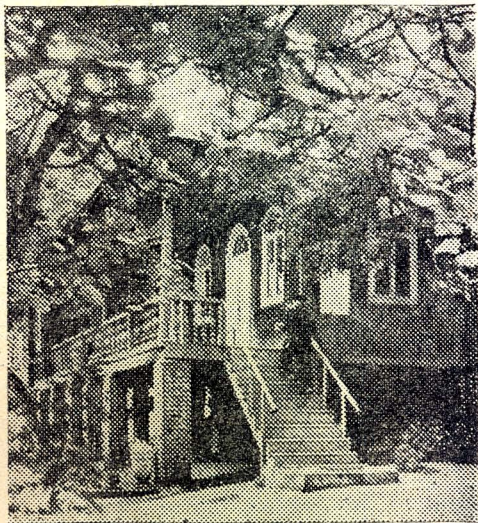
посетило восемнадцать тысяч человек) говорит о большой любви к Маяковскому, о том, что «к нему не зарастет народная тропа».

«С волнением спешил сюда, где каждый уголок и предмет давно уже были знакомы мне издали», — пишет Лев Кассиль.

Один из посетителей, студент, выразил в книге свои чувства восклицанием: «Да здравствует Маяковский!»

«Был у Маяковского, хорошо!» — так же лаконично пишет другой студент.

«Был у Маяковского» — это не случайно найденные слова. Как живой с

Дом-музей поэта в Маяковски

Фото В. Тархова

живыми говоря, встает перед молодежью великий поэт революции. Такое ощущение возникает не только у молодежи. Вот короткая, звучащая как афоризм, запись Екатерины Пешковой, которая впервые вместе с Алексеем Максимовичем Горьким проезжала через Багдад в 1903 году и теперь снова посетила эти места: «Жив поэт, если его творчество связано с жизнью его народа».

Есть среди всех записей одна, которую невольно перечитываешь снова и снова. Она принадлежит Любови Космодемьянской — матери легендарной Зои.

Кто не знает, как дорог был Зое Владимир Маяковский! Об этом еще раз напоминает ее мать, побывавшая здесь в октябре 1954 года:

«Я вспоминаю свою дочь Зою, как она, будучи школьницей, совсем еще подростком, хорошо декламировала стихи любимого поэта. «Как можно не любить Маяковского! — говорила Зоя. — Его

надо уметь читать», и она умела читать. После чего и я полюбила произведения поэта.

В записной Зоиной книжке, которая сохранилась до настоящего времени, большая часть страниц отведена выпискам из произведений любимого поэта. Может быть, Маяковский зажег искру любви к Родине у Зои, и она отдала свою жизнь за самое дорогое, что есть у че-

ловека, за свою социалистическую Родину в борьбе с гитлеровскими захватчиками».

Над догадкой, высказанной матерью героини, по существу не догадкой, а истиной, нельзя не задуматься.

Кто знает, скольких людей зажег этот чувством пламенного советского патриотизма, скольким щедро передал и еще передает весь жар своей души!

Еще одна книга о жизни Маяковского в Грузии

Василий Лаперашвили — один из активных пропагандистов творчества Маяковского в Грузии. В течение ряда лет он изучает жизнь и творчество великого поэта, неустанно собирает различные данные о нем, переводит его произведения на грузинский язык. В. Лаперашвили является также автором статей, нескольких брошюр и книг о Маяковском, в частности, книги «Жизнь Маяковского в Грузии», выпущенной на русском языке издательством «Заря Востока».

В 12 главах этой книги последовательно рассказывается о селе Багдади, о родословной поэта, о его детстве, об учебе в Кутаисской гимназии, об участии в ученических «беспорядках» в 1905 году, о переезде семьи Маяковских в Москву, о посещении поэтом Тбилиси, приводятся отклики прессы на его выступления. В главе «Воспоминания грузинских писателей и деятелей искусств о Маяковском» использованы воспоминания Г. Леонидзе, С. Чиковани, Л. Киачели, А. Белиашвили и других. В. Лаперашвили несколько раз слушал в Москве выступления Маяковского; о своих впечатлениях он также рассказывает читателю. Одна из глав называется «Грузия в поэзии Маяковского».

Достоинства книги очевидны. В. Лаперашвили сумел собрать и систематизировать большой, разнообразный материал, говорящий о связях Маяковского с Грузией, о его любви к своей второй родине и о большой любви грузинского народа к великому поэту. Кроме того, книга содержит и другие сведения: данные о переводах произведений поэта на грузинский язык, об изучении его творчества в Грузии и т. д., что свидетельствует о широком круге тем, интересующих автора.

Есть в книге и ряд живо и удачно написанных мест. Автор сумел дать читателю представление о влиянии природы Грузии на формирование поэта, о его детстве в Багдади.

Интересны воспоминания грузинских деятелей о Маяковском; кое-что русский читатель узнает из них впервые.

Знание книг широкого круга авторов, ссылки на них и на архивные данные, анализ отдельных фактов, стремление к их перепроверке, попытки исследования вариантов произведений — все это также говорит в пользу автора книги.

Но знакомство с ней вызвало и необходимость сделать ряд замечаний.

Название книги, на мой взгляд, не обязывало автора предварять ее очерком о жизни Маяковского. Ведь речь шла не о малоизвестном писателе, о котором необходимо сообщить предварительные данные.

Выпадает из общего плана книги глава «Грузия в поэзии Маяковского». Если автор выходит за пределы только информационно-биографических данных, то почему он отдает преимущество данной теме, а не анализирует, скажем, переводы произведений поэта на грузинский язык?

По каким формальным признакам В. Лаперашвили причисляет произведения поэта к грузинским?

«...мы постарались собрать те стихотворения, которые полностью или частично написаны на грузинскую тему или содержат связанные с Грузией факты, названия городов и мест, фамилии и т. д., отдельные выражения, названия предметов и обычаев, а иногда даже целые картины, связанные с Кавказом, Грузией...» (стр. 90).

Подобный принцип отбора произведенийстораживает, и, действительно, наряду с удачным иллюстративным материалом встречаются курьезы. Автор называет в этом ряду стихотворение «Товарищу Нетте...» на том основании, что в нем встречаются строки: «От Батума, чай, котлами покипел...» или «Слегка нахальные стихи товарищам из Эмхахи», поскольку в них упоминается Цивцивадзе. Это не единичные примеры.

Некоторое недоумение вызывает другая группа произведений, которые В. Лаперашвили считает в той или иной степени «грузинскими», так как в них встречаются некоторые названия предметов, а иногда отдельные пейза-

жи, напоминающие Кавказ, Грузию. Например, он пишет: «имеются строки, рассказ о скалах, о горах, о самих горах» — «я видел горы...» или «тучи на скалы упали ничком» (стр. 98). Но почему, если горы, то только в Грузии? В поэме «Хорошо!» выделены следующие слова и строки: «ткнешься в Черное» (море), «инжир с айвой росли...». Конечно, природа Грузии оказала влияние на поэта, и он действительно впитал в себя ее многоцветье, но приводить в подтверждение этого благотворного влияния первое стихотворение Маяковского «Ночь» (стр. 99) — неубедительно.

Несколько слов о состоянии изучения жизни и творчества Маяковского в Грузии. Рецензируемая книга касается в основном биографических материалов. Это объясняется тем, что здесь собраны прежде всего данные о жизни поэта в Грузии и посещениях ее Маяковским. Работы В. Перцова, В. Катаняна, Г. Бебутова, Л. Асатиани, Г. Леонидзе, С. Чиковани и других, в том числе и В. Лаперашвили, видимо, исчерпали уже значительные данные, касающиеся Грузии в жизни поэта.

Следовательно, надо переходить к изучению творческих проблем: к анализу произведений поэта на грузинском языке, к изучению влияния Маяковского на грузинскую поэзию. Ведь его

творчество не прошло бесследно и для грузинских поэтов. Эту проблему и следует в первую очередь изучать грузинским критикам и литературоведам.

И, наконец, о теме «Грузия в поэзии Маяковского». Постановку этой проблемы в книге В. Лаперашвили нельзя мне кажется, считать до конца правильной. Между тем она стала традиционной. А ведь есть другой путь. Его предлагают известные исследователи творчества Маяковского — В. Перцов, А. Метченко, Е. Наумов и другие: отобрать произведения, действительно имевшие отношение к данной теме, попытаться отыскать источники стихотворений, собрать те «газетные факты», которые в творческой лаборатории Маяковского превращались в художественные. Почему бы не заняться исследованием того, насколько типичны факты, которые легли в основу, например, стихотворения «Нашему юношеству»?

Маяковский оказал решающее влияние на развитие поэзии всего мира; не прошло оно бесследно и для грузинской поэзии. Это, думается, и должно стать содержанием новых книг о великом поэте. Но в пределах избранной темы книга В. Лаперашвили в ряду других подобных исследований делает свое полезное дело.

Метеван БАГРАТИШВИЛИ

Шалва Кикодзе

Шалва Кикодзе. «Автопортрет»

Среди работ грузинских художников двадцатых годов привлекают внимание картины Шалвы Кикодзе, тематика которых на редкость многообразна. Хевсурские деревни на склоне упирающихся в небо гор Кавказа и парижский Люксембургский сад, кокетливая грузинка на фоне красочного пейзажа Гурии и выбитые из колеи превратностями жизни люди, ищущие прибежища в парижских кабаке.

Чувствуется, что перед нами художник яркой индивидуальности, прошедший уже этап пробы сил, сказавший свое слово в искусстве.

И как печально сознавать, что жизнь автора этих прекрасных работ прервалась так рано, вдали от горячо любимой родины (Шалве Кикодзе было всего 27 лет, когда он ушел из жизни), что многие мечты и замыслы художника так и остались невоплощенными...

Короткий, но чрезвычайно плодотворный творческий путь, пройденный Шалвой Кикодзе, начался в 1914 году в Москве, в училище живописи, ваяния и зодчества; здесь, познав творчество представителей русского реалистического искусства, восприняв их традиции, он делает свои первые самостоятельные шаги в жанре шаржа и карикатуры.

Как ярко индивидуальный, глубоко идейный и национальный художник бошел Шалва Кикодзе в грузинское искусство, заслуженно заняв в нем почетное место. Безграничная любовь к Родине, чувство долга перед ней помогли художнику, воспитанному на традициях русского и грузинского реалистического искусства, найти верный путь, не поддаваться влиянию бесчисленных модернистских течений во Франции 20-х годов, где он жил последние годы жизни.

Как уже отмечалось, в его разнообразных по тематике полотнах нашли отражение не только нравы и обычаи Грузии, ее народ, но и Париж и парижане.

Картины Кикодзе полны большой любви к человеку. Именно поэтому они были так тепло приняты и потому сегодня так близки и понятны нам.

Художник обошел пешком всю Гурию, Аджарию, Пшав-Хевсуретию, собирая материалы для живописных полотен, делая зарисовки и эскизы.

С первыми результатами этой плодотворной работы Ш. Кикодзе предстал перед общественностью на выставках грузинских художников, организованных в Тбилиси весной и осенью 1919 года.

Но самому Ш. Кикодзе выставка не принесла удовлетворения. Художник

понимал, что ему еще многое надо увидеть, прочувствовать, надо много поработать над совершенствованием своего мастерства. Он решает теперь поучиться и у европейских мастеров. С этой целью в 1920 году Кикодзе едет в Париж, в Париж. Здесь он посещает театры, художественные выставки, знакомится с творчеством мастеров, с работами художников разных направлений. Все увиденное убеждает его в правильности тех творческих позиций, которым был верен еще до приезда сюда. И он работает с большим подъемом, подчас полуголодный, в мороз и жару, с полным сознанием долга перед Родиной.

Целые дни проводит художник в мастерской, покидая ее лишь для того, чтобы побродить по городу или поехать по деревням, ближе познакомиться с людьми, сделать зарисовки и потом передать на полотне картины жизни, как он говорил, Парижа, «трудового, тихого» и «больного, нервного Парижа избранных».

С особым подъемом Ш. Кикодзе приступает к работе над новым большим полотном. «Лишь после окончания этой картины, — пишет он сестре, — я могу считать вполне выполненным долг перед моим народом и возвратиться в Грузию». Параллельно с работой над новыми полотнами художник приводит в систему картины, уже скопившиеся в достаточном количестве для выставки.

После долгих ожиданий его мечта осуществилась, в апреле 1921 года в одной из частных парижских галерей „La Licorne“ («Единорог») открылась выставка работ трех грузинских художников: Ладос Гудиашвили, Давида Какабадзе и Шалвы Кикодзе, находившихся в то время в Париже. Ш. Кикодзе был представлен на выставке следующими работами: «Хевсуретия», «Утнетатели», «Праздник в Грузии», декоративная композиция «Аджария», «Мой друг и я» («Палка и булава»), «Портрет китайца», три эскиза и двенадцать этюдов из жизни Парижа.

По сообщениям парижской и грузинской прессы того времени, эта выставка получила всеобщее признание.

Ш. Кикодзе был прекрасным портретистом, пейзажистом и карикатуристом. Талант его проявился и в книжном иллюстрировании, и в декоративном искусстве.

Он вошел в изобразительное искусство также как автор талантливых и острых шаржей и карикатур, которые на редкость доходчивы и точны. Они свидетельствуют об остроте видения художника, умении передать тончайшие нюансы переживаний и поведения человека. Его зарисовки и шаржи на выдающихся мастеров сцены систематически публиковались в московском еженедельнике «Рампа и жизнь», тбилисском журнале «Искусство» и кутаисском «Театр и музыка».

Спустя семь лет выставка картин Шалвы Кикодзе была организована в Тбилиси. Вместе с другими экспонатами на ней были представлены и работы, законченные в Париже. Грузинская пресса признавала огромный талант художника, своеобразие его духовного мира, ярко выраженную индивидуальность.

Композиция произведений Шалвы Кикодзе сложна, изящна, мастерски разрешена; в спокойных темных тонах сохранена верность грузинским традициям. Художник никогда не изменяет своему принципу — быть глубоко национальным, но и не замыкаться в узко национальных рамках, а достигать правды больших обобщений. С этой стороны чрезвычайно интересна картина «Праздник». Это — своеобразная живописная поэма о грузинском застольном веселье. Художник не ставил себе целью создать экзотический натюрморт. Общая композиция кажется поделенной на части, каждая из которых вносит в «повествование» нечто новое. Перед нами шепчущиеся влюбленные, печальные юноши, с завистью глядящие на сверстника, которому удалось овладеть сердцем кокетливой девушки; не в меру захмелевший гость пытается из последних сил наполнить очередную чашу. На заднем плане танцующая под дайру пара, одетая в белое. И все это происходит вокруг ребенка, которого художник поместил в центре композиции. Картина чрезвычайно динамична и выполнена в темно-коричневой цветовой гамме, которой противопоставляется белый цвет скатерти и одежды танцующих.

Художник находит характерный колорит, который подчеркивается лирически пейзажным фоном. В такой манере выполнены картины «Гурия», «Аджария», «Портрет грузинки».

Незабываемые картины жизни Парижа передают работы «Люксембургский сад» и «В кабаре». От острого глаза художника не ускользнула ни одна деталь при передаче тяжелой участи женщины в капиталистическом мире. Для этих картин автор избирает простые и естественные цвета и в использовании тускло-голубоватой цветовой гаммы достигает большого мастерства. С точки зрения замысла огромное впечатление оставляет картина «Воспоминание о безвременно погибшем друге», которая наводит зрителя на глубокие размышления.

«Хевсуретия» — самое большое полотно Ш. Кикодзе. В этой картине как бы собрано все то, что художник увидел своими глазами в разное время и в разных местах во время путешествия по Хевсуретии. Это рассказ об удрученной, замкнутой, полной легенд жизни одного из уголков Грузии.

* * *

С целью пролить свет на личность художника, на его эстетические идеалы, а также дать более полное представление о том, что увидел он в Париже 20-х годов, ниже мы впервые публикуем выдержки из писем Ш. Кикодзе к отцу и сестре, известной грузинской актрисе Анете Кикодзе.

(Париж. 1920 г., 12.I—I.II)¹

Дорогие отец и сестра!

...Я немного познакомился с Парижем и ужасно огорчен тем, что все мои представления о нем оказались простым карточным домиком. Старый Париж безусловно красив: здесь много подлинных памятников искусства, но ведь все это дело прошлого. Современный Париж отвратителен. Научиться чему-нибудь здесь невозможно. Здесь можно лишь осматривать, пробовать, запоминать и учиться тому, чего не надо делать. Выставки отвратительны. В академиях рисуют до такой степени плохо, что я был поражен. Неужто это и есть хваленый Париж?! Театры... если бы ты увидела, наверное, опешила бы. Они не говорят, а ревут, вопят со всем тем ложным пафосом, который уже давно преодолел даже грузинский театр. Разврат, разложение во всем — это пока что Париж, с которым я познакомился. Я, вероятно, не задержусь здесь долго, в этом и нет необходимости; когда я восприму и осмотрю все, что мне может понадобиться, уеду отсюда в Германию или в Россию...

Париж. 1 февраля (1920 г.)

...Современная Франция, на которую я гляжу, ничего из себя не представляет. Я видел много новых выставок, и все они возбуждают во мне желание лучшего. В них нет ни любви, ни искренности, ни ума. Все сделано между прочим, будто во время отдыха. На всем лежит печать подлинного легкомыслия. Во всем ощущается начало конца. Насколько выше Франции стоит Россия!..

17 февраля. 11 ч. вечера (1920 г.).

Франция в корне буржуазная страна. Все здесь поделено в соответствии с делением на классы. Даже в трамвае деление. Первый класс — более дорогой, в нем ездят только богатые, второй — дешевле, для среднего француза, третий, где стоят, совсем дешевый. И метро... поделено таким образом. Богач никогда не войдет во второй класс, а чиновник в первый, хотя разница в цене билета всего два су. Это первое, наиболее отвратительное в Париже. Ни одной стране большевизм не нужен так, как Франции. Нужна всеокрушающая сила большевизма, чтобы спасти этот народ от смерти... Только большевизм способен в короткий срок изменить психику человека. А это необходимо Франции... Сейчас во Франции во всем недостаток вкуса, никаких поисков ни в одной из областей искусства, никакой мысли... Искусству недостает этого элемента, который особенно необходим для его создания... Делается то, что нравится толстой мошне... Так что, если ты попадешь в Париж, в первое время будешь ходить совершенно изумленная (как я), не понимая, отчего кругом показывают мерзости? Отчего люди аплодируют бездарностям? Отчего везде царит невежество?

Я собираюсь бежать отсюда. Для чего я приехал сюда, что смотреть? — спрашиваю я самого себя. Красивый город? Прекрасные улицы? Прелестные женские ножки? Только для этого?..

20 февраля (1920 г.)

...Смотрел много выставок, все очень безвкусные. Тысяча салонов, тысяча школ, тысяча направлений. И нигде не видно поисков, вкуса. В общем — выставки — ужас! Смотрел... русских... Это единственное, что я здесь увидел. В большом театре труппа Дягилева... Нечто необыкновен-

¹ Текст, заключенный в скобки, принадлежит нам (К. Б.)

ное, чего мне никогда не приходилось видеть, — Павлова... Это божество ангел, спустившийся с небес, с ее спектакля уходишь совершенно погрязшим. Под колоссальным впечатлением уходишь из театра и ночью не можешь заснуть... Россия и Франция... Театр, искусство. Какая огромная разница. Какая глубина и спокойствие, с одной стороны, и какая пустота и гримасничанье — с другой. Какая мысль, большая, сильная мысль, напряжение всех нервов, любовь, большая поэтическая любовь и уважение к искусству... в России. Какое уродство, какое бессилие, тупость мысли, чувств, вырождение, настоящее расовое вырождение.. во Франции.

Геронтий был совершенно прав, когда говорил мне в Тбилиси: «Шалва, не стоит ехать, ты будешь жалеть, Европа умерла». Я рассмеялся и приписал эти слова переутомленности и расстройству нервов Геронтия. И какими верными оказались его слова: «Европа умерла!» Это большая правда. Европа труп, труп, которым завладели черви и от которого исходит тленый дух. Я не знаю, какая сила способна приостановить это разрушение. Революция? Возможно, только она, и больше ничто. Вся красота, все богатство Европы в прошлом, в далеком прошлом. Ее сухая рассудочность не в состоянии ответить на вопросы нового времени, на мысли и чувства нового времени. Одно должно быть для тебя новым, Анета! Окно ателье сценического искусства должно быть обращено только на север.

Париж. 18 августа 1920 г.

10 ч. вечера.

Дорогой отец!

Как мне помнится, в последнем письме ты выражал беспокойство о том, что я возвращусь, не сумев выполнить здесь своей работы. Ты должен знать, отец, что если я сижу здесь, то только для моей родины, каждый день и каждый час мною взвешен и осознан... Я очень хорошо чувствую и то, какая на меня возложена ответственность... Я должен оправдать доверие... Потому-то я и не просто подхожу к делу, и во всяком случае с пустыми руками не возвращусь. Самая величайшая наша, художников, трудность заключается в следующем: наша работа проходит в поисках нашей, собственной личности. И сколько сложностей приходится преодолевать; найти собственное «я» и удовлетворить им других, так что ты не беспокойся. Конечно, нехорошо, если ничего не будет сделано, но не забывай, что никто от этого не будет так несчастлив, как я сам. Я не враг себе, и, как каждый художник, люблю себя, не говоря уже о том, что очень люблю свое искусство...

Париж. 18 августа, 11 ч. вечера.

Моя дорогая Анета!

Время бежит и бежит, но не так, как нужно бы. «Куда же ты спешить?» — спрашиваю я себя. «Не знаю...» — отвечаю сам себе.

...Шутки в сторону, мне уже давно хочется немного поспорить с тобой о театральных делах. Прошу выслушать меня.

Любое искусство, искусство каждого народа создается в национальных рамках. Только в этом случае оно имеет цену и оправдание. Искусство Египта, китайские и японские Будды и пергаменты или новые, выдающиеся личности, которым мы привыкли платить дань уважения в живописи, зодчестве, ваянии, поэзии, музыке (перечислять их здесь нет нужды) первым долгом были сыновьями своего народа и семена своего творчества брали у народа и природы. Только поэтому они велики и столь высоко оценены. Лишь возникшая в национальных рамках форма приобретает международное значение... В искусстве подражание или повторение кого-либо — безосновательный и кратковременный преходящий опыт. Безосновательный, конечно, в смысле подчинения формы искусства. Естественно, например, что, если грузинское изобразительное искусство хочет иметь свое лицо, то оно должно развиваться в национальных рамках. Только тогда оно будет интересным.

То же самое, безусловно, и в сценическом искусстве.

Что нужно для того, чтобы ввести сцену в грузинские национальные рамки? Необходимы поиски грузинской национальной формы.

Дело можно начинать в каком-нибудь закутке, на кухне, но по-грузински, с грузинской мыслью, с грузинским словом, с грузинским сознанием, грузинской любовью.

И вы увидите, тогда что-то получится. Иначе театру не помогут ни Сумбаташвили, ни Мchedлов. Смотри, как знаешь, пиши мне...

Гурам ГВЕРДЦТЕЛИ

На службе современности

Важнейшее призвание и назначение литературы каждой эпохи — служить современности. Даже ценность произведений исторического жанра определяется главным образом тем, насколько откликаются они на проблемы, поставленные современной жизнью, в какой мере принимают творческое участие в идейно-моральном или эстетическом воспитании современного человека. Задача художественного осмысления современной жизни и перспектив ее развития особенно важна для советской литературы. Мысли и дела, чувства и стремления советских людей, их высоко нравственный духовный мир позволяют писателю осуществить заветную мечту художников всех времен и народов — во всей простоте и величии раскрыть лучшие качества человека.

Передовые грузинские советские прозаики стремятся не отстать от современности, быть летописцами повседневных радостей и переживаний советских людей. К числу таких писателей относится и грузинский прозаик Григол Чиковани. Это еще раз подтверждает изданный в Тбилиси на русском языке в 1962 году сборник его повестей и рассказов «Любовь» с послесловием Юрия Нагибина. Каждое из произведений, вошедших в эту книгу, написано от всего сердца, взволнованного непосредственными впечатлениями описываемых событий. При их чтении в памяти воскресают и бурные дни смертельной схватки старого и нового, и картины мужественного самопожертвования советских людей, и героические эпизоды самого сурового и вместе с тем самого величественного испытания их духовной стойкости и твердости — Отечественной войны. В то же время мы находим здесь и примеры сегодняшнего или вчерашнего самоотверженного труда: причем все это подмечено зорким глазом художника, осмыслено писате-

лем под непосредственным, живым впечатлением окружающей действительности.

Думается, именно призвание служить современности побуждает писателя обращаться к прозаическим жанрам малой формы, как более гибким и оперативным, имеющим к тому же не меньшее по сравнению с другими жанрами значение и силу своего художественного воздействия. Г. Чиковани известен читателю именно как мастер рассказа и художественного очерка. Хотя в упомянутый сборник вошли лишь четыре очерка — «Общая мать», «Новый председатель», «Мост дружбы» и «Большая семья», — можно утверждать, что художественный очерк для писателя — не просто средство отдать дань современности, а потребность выразить все, что волнует его сейчас именно в этом жанре.

В некоторых рассказах сборника даже явно ощущается использование автором художественных приемов, характерных для очерка. В качестве примера можно привести хотя бы такой интересный во многих отношениях рассказ, как «Майя». Однако об этом, думается, подробно говорить нецелесообразно, поскольку это не такой уж большой грех, чтобы его нельзя было простить писателю; к тому же не всегда можно провести четкую границу между рассказом и художественным очерком. Но необходимо отметить, что рассказ «Майя» привлекает внимание не только благодаря тематической значительности и художественной впечатляемости, но и благодаря еще одному весьма важному обстоятельству. Большая и ответственная задача стоит перед грузинскими чаеводами. Долг грузинской литературы — дать художественное отображение их трудового пафоса. Рассказ Г. Чиковани «Майя» полностью отвечает этой задаче. Кроме того, рассказ

«Майя» показывает, как советская литература опережает жизнь, освещает перспективы ее развития и даже отдельные конкретные формы будущей действительности.

Каждый из нас является свидетелем всенародного движения, начавшегося по инициативе Валентины Гагановой. Однако в художественной литературе эта инициатива словно бы «предчувствовалась» гораздо раньше, чем в жизни, а именно — в «Новых горизонтах» Ладо Авалиани и в «Майе» Григола Чиковани. Если опытный шахтер Нико Арабидзе («Новые горизонты»), переходя в отстающую бригаду, сам еще не понимает в достаточной мере общественного значения своего шага, не столько продиктованного сознанием, сколько вызванного конкретной обстановкой, то Майя, героиня рассказа Чиковани, — единомышленница и соратница Гагановой.

Но прежде чем прийти к движению гагановцев, советский человек и все советское общество прошло сложный путь развития. Именно об этих ранних этапах развития напоминают вошедшие в сборник рассказы «Смерть в канаве» и «Человек в пещере», написанные в 30-х годах.

Интерес к этим рассказам вызван не только нарисованными автором художественными картинками острой классовой борьбы прошедших дней, но и тем, что мы получили возможность проследить путь творческого совершенствования писателя. Между этими рассказами и произведениями, созданными им в период его творческой зрелости, есть определенная разница. Имеется в виду, конечно, не разница тематики, которая сама собой разумеется и объяснить которую легко, а разница в стиле, в манере письма. В рассказах «Смерть в канаве» и «Человек в пещере» ясно видно, что молодой писатель, как говорится, больше «бьет на эффект», стремится заинтересовать читателя оригинальностью повествования. В одном маленьком рассказе «Человек в пещере» столько чудес и ужасов, что этого с лихвой хватило бы на толстую книгу. Всего несколько страниц делают читателя свидетелем событий одно другого страшнее. Есть здесь и свирепый ветер, завывающий в расщелинах скал, и снежные лавины, с грохотом несущиеся к бездонным пропастям, и ледяные столбы, как привидения возвышающиеся в непроглядном тумане; одним словом, против человека восстала вся природа; к этому добавляется рев зверей, хлопанье крыльев птиц, летающих вокруг.

Здесь же описывается, как путник, сбившийся с тропинки, падает со скалы, но, к счастью, удерживается на

самом краю пропасти. За всем этим следует описание страшной пещеры, в углу которой сидит скелет в полном боевом вооружении. Читатель узнает историю Бецики Звиадаури, который ради спасения собственного стада пролил кровь даже жены и детей, но потом, одичавший и обездоленный, закончил свои дни в одиночестве; о том, что на месте, где был когда-то его дом, возвели двухэтажное здание школы.

Вторжение в горы нового быта, которому посвящен этот рассказ, до некоторой степени заслонено приключенческо-экзотическими элементами, которые автор так щедро рассыпал в произведении. Однако использование подобных детективных моментов при отражении глубоких социальных процессов характерно лишь для одного-двух его ранних произведений. Г. Чиковани преодолел это увлечение молодости. Все дальнейшее его творчество свидетельствует о том, что подобный метод для него был временным и нехарактерным. В послевоенный период писатель словно намеренно избегает элементов приключенческого жанра и стремится по возможности в менее эффектных внешне событиях раскрыть богатый духовный мир советского человека. Это ему вполне удается, и интерес к его рассказам благодаря этому не ослабевает, а еще более возрастает.

Целый цикл рассказов посвящен мужеству и патриотизму советской молодежи. «Друзья», «Почтальон», «Возвращение», «Граница жизни» замечательно раскрывают твердость духа и единоклассники нашего народа в борьбе за свободу и независимость своей Родины. Рассказ «Друзья» воскрешает эпизоды финской войны, в которых с такой силой проявилась моральная и физическая стойкость советского человека. «Друзья» — один из лучших рассказов писателя на военную тему. Здесь автора увлекают не столько боевые эпизоды, сколько чистота чувств молодежи и та настоящая дружба, которая доступна только советским людям. Действительно, какая литература, кроме советской, способна быть до такой степени верной жизненной правде, в состоянии показать, как чувство дружбы может победить и подчинить себе все другие, личные чувства? Дружба Джондо и Бардги, несмотря на их внешнюю сдержанность и напускную холодность, — прекрасное и чистое проявление этого истинно человеческого чувства. Правда, они одинаково сильно, всей душой любят одну и ту же девушку, но это ни на одно мгновение не вызвало ни колебания, ни раздвоенности в душе Бардги, когда единственной искоркой надежды на спасение Джондо оставалось его личное самопо-

жертвование. Такая духовная чистота, благородство, гармония сознания и чувств присущи, не в виде счастливого исключения, а как общее, характерное свойство, только советской молодежи. И поэтому мужественный поступок, на который оказался способен Бардга, не вызывает удивления ни у нас, ни у писателя; он просто раскрывает красоту духовного мира нашего современника. Возможно, кто-либо и усомнится в отдельных моментах этого рассказа. Есть скептики, которые любят с дотошным педантизмом брать под сомнение внешнюю убедительность той или иной художественной детали. Подобным людям может показаться неубедительным, что в госпитале на дальнем Севере передают по радио песню простой деревенской девушки-грузинки. Однако эту некоторую искусственность заслоняет и заставляет забыть та подлинная жизненная правда, которой она служит. Это — убедительность характеров героев, и во имя этой великой правды писатель порою имеет право на необычную, якобы малодопустимую, основанную на случайности ситуацию. Читая финал рассказа, мы уже не обращаем внимания на то, могут ли влюбленные солдаты услышать по радио песню деревенской девушки, — настолько захватывает и увлекает нас благородство Бардги и Джондо, которые в самый тяжелый момент, стоя лицом к лицу со смертью, видят друг в друге не соперника, а боевого товарища; и теперь, в тишине госпитальной палаты, услышав эту песню, они вновь охвачены пламенем любви и стараются скрыть друг от друга свое чувство, хотя, конечно, им это и не удастся.

В этом же произведении знакомимся мы с Муия, добрым стариком, который в рассказе «Почталъон» предстает уже в качестве центрального героя, пленяя нас своей непосредственностью, простотой, благородством и юмором. Этот замечательный крестьянин, который всей силой своей души любит жизнь, приносит ее в жертву молодости. Из глубины сердца Муия вырывается стон «Ах, сынок!», когда разлетается на куски тело украинца Горбиенко, вышедшего вперед, чтобы подорвать вражеский танк. Ничего другого и не может сделать отцовское сердце: Муия обгоняет Неходу, самоотверженно идущего выполнить задание, и подставляет смерти свою грудь. Так погибает старый почталъон, плоть от плоти и кровь от крови которого не только его сын Бардга, но и вся советская молодежь. Читателя не может не взволновать до глубины души гибель доброго Муия, наделенного жукарьским юмором и рассудительностью, по-настоящему влюбленного в жизнь, рожденного

для нее. Но смерть его — тоже торжество жизни, и поэтому он в момент гибели остается верным своей природе, жизненному началу.

Писатель не уклоняется от неприкрытого, реалистического показа ужасов войны. В этом отношении следует особо отметить его рассказ «Возвращение». Благодаря естественному, непосредственному и вместе с тем глубоко впечатляющему повествованию, мы как непосредственные свидетели, как очевидцы переживаем тяжелую участь Беглара и Эки. Их единственная надежда — Хута погиб за правое дело советского народа, а они об этом ничего не знают. Вместе с тем, мы хорошо понимаем и положение Гвачи, ненадолго вернувшегося с фронта. Перед глазами война стоит лицо умирающего Хуты, но он не может рассказать родителям горькой правды. Читатель всей душой сочувствует и Гвачи, который ушел выполнить свой священный долг перед Родиной и не сумел своими руками предать земле любимую мать. Все это писатель рассказывает отнюдь не для того, чтобы тяжелым камнем легли нам на сердце ужасы военных лет и размышления о тщетности земного существования. Рассказ проникнут ясным сознанием того, что светлая жизнь народа завоевана борьбой и для сохранения ее нужны борьба и жертвы. Вот почему в душе Гвачи эти несчастья вызывают не депрессию, а могучий прилив сил и бодрости, и, не дожидаясь конца своего короткого солдатского отпуска, он спешит вернуться к той битве не на жизнь, а на смерть, в которой решается будущее...

Картины послевоенной мирной жизни развертываются перед нами в рассказах «Любовь» и «Вторая семья». Их объединяет и показ жизни молодежи. Если в первом рассказе писатель знакомит с повседневным бытом простых людей, где чистая совесть, любовь и стремление к честному труду торжествуют победу над пустой и никчемной, хотя и соблазняющей своей внешней роскошью и весельем жизнью, то во втором рассказе убедительно показано, как пионерская организация, школа, друзья служат подростку второй семьей, которая воспитывает молодое поколение в коммунистическом духе, честными и благородными людьми.

Одно из наиболее удачных произведений Григола Чиковани — рассказ «Грек», написанный в последние годы. Можно смело сказать, что по своему звучанию и художественным достоинствам он принадлежит к числу лучших рассказов грузинской советской литературы. В нем наиболее полно проявился широкий диапазон писателя, его

творческий размах, интернациональный и вместе с тем глубоко национальный дух художника. Своей политической заостренностью и глубиной мысли рассказ этот — несомненно интересное явление в грузинской прозе. Однако этим не исчерпываются его достоинства. Главное в том, что такую определенную, ярко выраженную политическую тенденцию автор сумел облечь в высокохудожественную форму.

Хотя писатель рассказывает о «делах давно минувших дней», произведение это не относится к историческому жанру. Оно проникнуто идеями национально-освободительной борьбы сегодняшней действительности и являет собой художественное выражение духа народа, стонущего под игом колониального рабства.

Уход писателя в эпоху, удаленную на несколько десятилетий, не самоцель. Он возвращается к прошлому только для того, чтобы показать те основы, на которые опирается движение патриотов современного Кипра. В числе героев-киприотов, расстрелянных за последние время колонизаторами, писатель прочитал имя Урании Моратидис, и в памяти его воскрес образ отца Урании — Георгиоса Моратидиса, которого грузинские крестьяне звали просто «Греком».

Подобно Урании, ее отец Георгиос не борец по призванию. Он мечтал о мирном труде, лелеял семью и жил, надеясь только на собственные руки. Однако не меньше, чем своей личной судьба, Георгиоса волновала и беспокоила судьба его родины. Именно это и заставило его подняться на борьбу против колонизаторов. Но после этого Георгиос уже не мог оставаться на Кипре. Он переезжает в Грузию.

С большой психологической убедительностью рисует писатель своего героя, который замкнутостью и глубокой печалью привлекал внимание односельчан. Кто мог знать, какие думы терзали этого чужестранца? А между тем, ему не давала покоя судьба его семьи и единственной дочери. Глубоко трогательны отношения грека к десятилетней Циру. Несмотря на то, что герои рассказа немногословны, писателю удается во всей полноте раскрыть перед нами глубоко человеческие основы

этих отношений. Сердце Циру, полюбившей отца, тянется к этому заботливому чужестранцу, а если вспомнить, что девочка удивительно походила на оставшуюся на Кипре дочь Георгиоса, легко понять теплое чувство грека к Циру, инстинктивно ею осознанное. Одно время грек ждал свою дочь, не терял надежды увидеться с нею, хотя отдавал себе отчет в том, как английские колонизаторы должны были отомстить его семье. Но случилось так, что Урания спаслась и уже взрослой девушкой, после многих испытаний, пришла на след своего отца. Именно в то время, когда должна была осуществиться заветная мечта отца и дочери, когда Георгиос уже увидел вдали, словно видение, идущую к нему навстречу Уранию, он инстинктивно заслонил собою преследуемого полицейскими грузинского революционера, и дочь застала только умирающего отца.

Таким образом и здесь, в Грузии, Георгиос не изменил освободительному движению. Внутренним чутьем ощутил грек духовное родство с грузинскими патриотами, которые, как и он, жертвовали собою ради свободы своей родины, счастья народа; и Георгиос пожертвовал жизнью во имя этого правого дела как раз в тот момент, когда жизнь была для него наиболее сладостной.

Урания прекрасно поняла своего отца, и поэтому написала на его надгробном камне: «Спи спокойно, отец, Кипр не покорится!» И Урания принесла себя в жертву делу, завещанному отцом.

Рассказ «Грек» не только вызывает восхищение высоким гражданским звучанием и художественностью, но укрепляет уверенность в творческих возможностях писателя, от которого мы вправе ждать новых интересных произведений.

Как мы убедились, читая книгу, — рассказы Григола Чиковани проникнуты беспредельной и чистой любовью к человеку, к нашим современникам, к светлomu образу жизни советских людей; это нашло определение в названии сборника — «Любовь», выпуском которого издательство Союза писателей Грузии «Заря Востока» сделало хороший подарок русским читателям.

О мужестве и героизме советского человека

Тема Великой Отечественной войны не перестает быть в нашей литературе одной из ведущих, ибо беспримерный подвиг народа — тема неисчерпаемая. Восемнадцать лет прошло с тех пор, как отгремели последние бои. Но эти годы ничего не вычеркнули из нашей памяти. О великом мужестве и героизме советского человека, проявленных в дни тяжелых испытаний, мы не забыли. И помнить об этом, учиться быть настоящими людьми помогают нам книги, и особенно — написанные людьми, которые сами прошли сквозь огонь войны.

Перед нами одна из таких книг — роман живущего и работающего в Тбилиси писателя Анатолия Кузьмичева «Юго-Запад», выпущенный в 1962 году в Москве «Воениздатом». Ее смело можно причислить к разряду тех произведений-воспитателей, какие почаще хотелось бы видеть в руках нашей молодежи.

Последний год войны... Ожесточенное сопротивление смертельно раненного врага, наступление советских войск, освобождение ими венгерской и австрийской столиц — таковы исторические события, которым посвящена эпопея Кузьмичева. В эти события тесно вплетаются судьбы ее героев — солдат и офицеров одного из первых советских гвардейских корпусов, в котором в годы войны служил автор романа «Юго-Запад».

Закрыв книгу, радуешься, что приобрел много новых друзей, узнал столько интересных, сильных, настоящих людей. Это и «постоянные» герои романа, с которыми автор не расстается до конца книги, — майор Григорий Талашенко, отличный командир и смелый воин, всем своим обликом, удивительной мягкостью и чуткостью сразу располагающий к себе людей; всегда энергичный, волевой, решительный капитан — танкист Виктор Мазников; обаятельный, бесстрашный человек, замечательный партийный организатор — капитан Краснов; храбрый разведчик, неунывающий, веселый, родной по духу Василию Теркину, сержант Авдошин и многие другие.

Таковы же и те действующие лица ро-

мана, которых принято называть эпизодическими: в книге Кузьмичева они играют не менее важную роль, чем «постоянные», «сюжетные» герои, и автор посвящает им много интересных страниц. Это полковник Шалва Гоциридзе, капитан Бельский, начальник политотдела полковник Дружинин; это и замечательные воины-герои — Отар Гелашвили, Андрей Овчаров, Федор Приходько. «Улыбочка» Ласточкин, фельдшерца Аллочка Решетова, ординаред Саша Зеленин и многие, многие другие. Война не пощадила их. Многие из них погибают. Но характерно, что их незримое присутствие ощущается на протяжении всего романа. Их помнят друзья, помнит автор книги и, самое главное, о них не забывает читатель. Они остаются в его памяти живыми, деятельными, верными друзьям и общему делу.

Стремясь показать в своем романе, какую важную историческую миссию выполняли, какой великий подвиг гуманизма совершали наши люди, отдавая все силы освобождению не только своего, но и многих европейских народов от ига фашизма, Кузьмичев сумел подчеркнуть те могучие морально-идейные факторы, которые помогали им быть достойными этой миссии и побеждать врага.

Всех героев книги, таких разных по характерам, профессиям, наклонностям, по интеллектуальному уровню, объединяет главное: высокая сознательность, верность патриотическому долгу перед Родиной, верность идеалам коммунизма, во имя которых они борются и умирают. Причем, как показывает Кузьмичев, сознательность и идейность советских воинов неразрывно связана с глубоким чувством личной ответственности за исход боя, за исход войны, за судьбу своей страны и других стран. Этим чувством личной ответственности проникнут каждый генерал, каждый солдат.

Готовясь вместе со всеми к переправе через Дунай, рядовой Осипов, незаметный, обычно молчаливый и даже угрюмый человек, неожиданно выступив на партийном собрании, удивительно верно выразил общую мысль: «Я от имени взвода, значит. Наши хлопцы первы-

ми туда придут, на тот берег... Дело оно, конечно, нелегкое. Но кроме нас, Красной Армии то есть, сделать его некому. На союзников надейся, а сам, как говорится, не плохой. Так что... В общем, — переправимся. Даем командованию такое слово...» В этом высказывании — и ощущение тесного единения со своей армией, и чувство глубокой ответственности за исход трудного и важного общего дела, и уверенность в своих силах.

Кузьмичев сумел убедительно показать направляющую и руководящую роль Коммунистической партии в период Великой Отечественной войны, а также громадное значение личного примера коммунистов, берущих на себя ответственную и благородную миссию — быть всегда впереди, выполнять самые трудные задачи.

Каким знаменательным событием в жизни советского бойца было вступление в ряды коммунистов, как вдохновляло их, рождая беспредельную отвагу и мужество, желание быть достойным этого!

Сцена партийного собрания в батальоне Талащенко в день переправы через Дунай — один из самых ярких и запоминающихся эпизодов в книге. Скупое, лаконично передает автор по-особенному торжественную атмосферу собрания, проведенного в окопе, приподнятое настроение людей, готовящихся к тяжелейшему испытанию, тактичность и чуткость, проявленные полковником Дружининым и капитаном Красновым в руководстве этим импровизированным собранием.

Несомненная удача писателя — образ коммуниста Краснова. Это замечательный партийный руководитель, цельный, мужественный человек, умеющий зажать людей, организовать их в любой, самой сложной обстановке, показывая пример бесстрашия, смелости, отваги. Активная, действенная натура, он всегда там, где трудно. Прекрасно понимая, что он «не батарейка хороших орудий», которых так нехватало роте Лазарева, Краснов тем не менее отправляется туда в самый критический момент боя, потому что знает, как велика сила моральной поддержки, знает, что «когда солдат видит рядом с собой начальника, даже нашего ранга, он чувствует себя увереннее».

Живыми красками обрисовывает Кузьмичев этого умного, образованного человека, тонко чувствующего музыку, всегда отзывчивого, чуткого, умеющего понять каждого и для каждого найти верное, доброе слово.

Весь роман в целом — яркое доказательство того, что высокие принципы гуманизма, интернационализма, уважения к культуре не только своего, но и других народов всегда и во всем руко-

водят нашими людьми, нашими идеями, нашей политикой.

Читая книгу, поражаешься, сколько усилий прилагало советское командование, чтобы избежать лишнего кровопролития, чтобы улицы Будапешта и Вены не превращать в поле боя и сохранить благодаря этому для человечества ценнейшие исторические и культурные богатства, замечательные памятники искусства. И сколько подлинного героизма проявили простые советские бойцы Авдошин, Бухалов и другие, когда, рискуя жизнью, спасали от гибели одно из будапештских зданий, представляющее собой историческую и культурную ценность.

А с каким благородством и гуманностью советские бойцы и офицеры относятся к населению отвоєванных у врага территорий. В перерывах между боями они помогают местному населению восстанавливать хозяйство, вместе с ними samozабвенно трудятся на полях: «Соскучились по земле...» И это характерно: для советского человека тяга к мирному созидательному труду — естественна.

Полна грубого символического значения сцена спасения Авдошиным венгерской девочки Эржники, который гитлеровец пытался прикрыться от выстрелов. Знаменателен также эпизод, в котором тот же Авдошин с исключительной добротой и щедростью отнесся к юному Лайошу, отдав ему под пулями свою каску и грубовато, по-солдатски приласкав его.

Да, советский человек, советский воин добр, человечен, ему свойственно стремление к миру и труду, он с уважением относится к другим народам, к их национальным интересам, к их культуре и искусству.

Для потерявших же голову хортистов и салашистов и озверевших в своем слепом сопротивлении гитлеровцев, доживающих последние дни, — нет ничего святого.

В книге Кузьмичева показано, что даже те немецкие генералы, которые хорошо понимают, что воевать дальше — бессмыслица и абсурд, — не могут найти в себе смелости громко признаться в этом. Подло дрожа за свою шкуру, они готовы погубить свой народ и, тем более, другие народы, лишь бы ненадолго продлить свою агонию. Понимая, что «пора кончать игру», они тем не менее с бессмысленным упорством продолжают придерживаться гитлеровской политики, призывая к «сопротивлению изо всех сил, хотя бы потом пришлось загреметь в преисподнюю вместе с венцами, с «жемчужиной» фюрера — Веней, со всеми ее чудесами и красотами». Так рассуждает начальник германской обороны Вены...

Роман Кузьмичева дает удивительно богатый материал для разговора о душевном богатстве советского человека, так ярко проявившемся в годы Великой Отечественной войны. Казалось бы, суровая обстановка фронта — неподходящее место для «лирики». Однако, как раз рядом с опасностью и смертью, именно в самые трудные, критические моменты жизни может по-настоящему проявиться подлинная сущность человека, истинная цена его чувствам и отношению к людям.

Кристалльной чистотой, поразительной целомудренностью и нежностью проникнуты страницы романа, посвященные любви. Описывает ли автор встречи Никитиной и Виктора Мазникова или Кати и Григория Талашенко, раскрывает ли святая святых их мыслей и мечтаний друг о друге, говорит ли о неразделенной любви Сухова к Кате, или о радостной, светлой, юной, так трагически оборвавшейся любви Саши Зеленина и венгерки Маришки, — всюду ощущаешь его теплоту, чуткость и тактичность.

Проникновенны страницы, посвященные Кузьмичевым фронтовой дружбе, суровой, без громких слов и ненужных деклараций, но верной и испытанной.

Можно приводить бесчисленное количество примеров самоотверженных поступков, совершенных героями книги во имя дружбы. И характерно, что никто из них, даже оставаясь наедине с собой, со своими мыслями, не считает это подвигом.

Вынужденный много дней скрываться в тылу у немцев с тяжело раненным товарищем, Виктор Мазников рискует жизнью, он даже не представляет, что можно поступить иначе... Помогая Мазникову починить танк в невообразимо трудных условиях боя, под непрерывным огнем противника, Авдошин в ответ на благодарность командира машины возражает: «Да что тут... Взаимодействие!». Да, именно взаимодействие советских людей, их спаянность, сплоченность, дружба были залогом нашей победы над фашизмом. Кузьмичев подчеркивает глубоко интернациональный характер дружбы советских воинов. Русские Авдошин, Добродеев, грузин Отар Гелашвили, украинец Федор Приходько и многие другие, спаянные крепкой солдатской дружбой, не раз спасают друг друга от смертельной опасности, выполняя вместе сложнейшие боевые задания. Их взаимопомощь, дружба и товарищество в труднейших условиях фронта вырастают в замечательный символ братства, единства нашего многонационального народа.

Да и сама книга Кузьмичева — это своеобразный памятник дружбе, верности людям, с которыми писатель провел четыре военных года. Нельзя оставаться

равнодушным, читая заключительные слова эпилога, где автор с любовью обращается к своим друзьям-однополчанам: «То, что вы совершили, — незабываемо и велико. Все человечество благодарно вам за ваш трудный воинский подвиг. И я считал долгом своей совести, своим долгом перед павшими и живыми, рассказать людям о вас и о ваших делах... Я вновь пережил великое счастье солдатской дружбы с вами, вновь ощутил боевой дух отважного коллектива, словно каждый из вас, дорогих моих однополчан, все это время был со мной рядом...»

Вся художественная ткань книги проникнута этим лирическим настроением автора, которое так своеобразно сочетается с трезвым, точным взглядом художника, пережившего со своими героями все описываемые события и сумевшего правильно их понять и оценить.

Цель Кузьмичева — восстановить, воссоздать эти героические события недавнего прошлого, ставшего для молодого поколения уже историей, а главное — нарисовать мужественный, благородный образ советского воина, участника и вершителя этих событий. При этом, — как пишет Кузьмичев, — он «старался говорить правду и только правду», показывая «фронтовую жизнь, мечты, свершения и раздумья» своих друзей «такими, какими они и были, — суровыми и прекрасными». И эта строгая правдивость, документальность произведения, его хроникальность ни в какой мере не снижают его художественной ценности. Напротив, они придают ему еще больше убедительности и достоверности.

Роман «Юго-Запад» — плод большого и серьезного труда вдумчивого, своеобразного художника. Превосходно нарисовав множество разнообразнейших человеческих характеров, он умеет вместе с тем увлечь читателя отдельными эпизодами фронтовой жизни и большими батальными картинами. Следует отметить выразительность и целесообразность того композиционного приема, который применяет Кузьмичев: на протяжении всей книги, параллельно повествованию о боевых делах Советской Армии, о замечательных героях гвардейцах корпуса генерала Гурьянова, он вставляет главы, в которых описывается, что происходит в это время во вражеском стане, о чем думают и говорят, что предпринимает немецкие генералы и командование; кроме того, даются еще главы об общих делах на фронте с суждениями о стратегическом значении тех или иных событий, причем, — отнюдь не скучными, которые хотелось бы поскорее пропустить, а, напротив, написанными интересно, живо и содержательно.

Изображая врагов, Кузьмичев сумел

избегать ненужной карикатурности и гротеска. Все эти Бальки, Гилле, Пфедер-Вильденбрухи, Дитрихи, Россы и другие представители немецкого командования показаны в сугубо реалистических тонах, каждый из них в достаточной степени индивидуализирован и поэтому запоминается в своей характерности.

Вообще стиль всего повествования отличается спокойным, ровным рисунком, простотой и сдержанностью. Без излишнего пафоса и патетики, придерживаясь толстовской традиции, пишет Кузьмичев и о выдающихся подвигах, совершенных его героями, и об их повседневном, будничном, незаметном, воинском героизме.

Автор следует толстовским традициям и в использовании некоторых художественных средств, например, — постоянной художественной детали, играющей важную роль в придании образу жизненности, «осязаемости» (всегда пахнущие морозом и снегом волосы Кати; постоянный запах одеколона или духов, которым обычно сопровождается появление комбрига Кравчука, и т. д.).

Однако порою Кузьмичев, к сожалению, забывает о другой замечательной толстовской традиции — показе человека «изнутри», традиции глубокого психологического проникновения в образ. Мы часто оказываемся свидетелями того, как поступил герой, что он сделал и сказал, но вот о том, что и как он тогда подумал, какие сомнения и колебания, какие противоречия, может быть, мучали его, и в силу чего одержало верх то или иное желание или порыв, почему поступил он именно так, а не иначе, — мы не знаем.

Правда, это не постоянное явление. Многие образы романа решены психологически глубоко. Таков сержант Авдошин, майор Талащенко, капитан Мазников, замполит Краснов и некоторые другие. И это говорит о том, что у Кузьмичева есть все возможности добиться большего успеха и в этом плане. Нужно думать, этот недостаток связан с известной перегруженностью романа действующими лицами (хотя упрекать автора в этом трудно, так как роман-хроника не может быть менее «населенным»!),

что, естественно, привело к некоторой поверхности в обрисовке каждого из них.

Книга Кузьмичева написана простым, ходным языком. Интонационно богатый, многокрасочный, он точно используется для передачи самых разнообразных явлений, начиная от тончайших нюансов человеческих чувств, мыслей, переживаний и кончая звуковыми впечатлениями от артоподготовки, танковой атаки или пулеметных очередей. Большую роль в создании живых, художественно полнокровных образов сыграли яркие, богатые оттенками речевые характеристики героев. Умело и тонко оперирует автор арсеналом синонимов, разнообразных эпитетов, сравнений.

Пейзаж в романе не занимает особенно значительного места, но он всегда чрезвычайно впечатляющ в своей лаконичности и, если можно так выразиться, уместности. Это касается больше второй части книги. Причем необходимо отметить, что автор не случайно чаще всего останавливается на изображении, так сказать, архитектурных пейзажей. Они в романе несут важную смысловую, — часто публицистическую, — нагрузку. Например, передавая «своеобразную, могучую красоту» ажурных колоннад, легких, изящных портиков и башен венского Арсенала, в которых «мастерство архитекторов и скульпторов сочеталось во всем с мастерством простого рабочего люда — каменотесов и плотников, кровельщиков и лепщиков» и которые, чудилось, «излучают торжественную и немного печальную музыку», — писатель заставляет нас пережить его собственное волнение и возмущение тем, что по воле гитлеровских варваров эти и подобные им достижения мировой культуры и искусства должны быть в течение нескольких часов — и даже минут — превращены в развалины...

Мы видим, как «по-боевому» использует Кузьмичев всю систему художественных средств, чтобы добиться главного — помочь читателю ощутить себя рядом с героями книги, вместе с ними пережить их горе и радости, страдания и тревоги, познать их большую духовную красоту и почувствовать величие их патриотического подвига.

Владимир АСАТИАНИ,
Академик Академии наук ГССР

Человек в горах

Грузия — горная страна, и это обстоятельство, естественно, повлияло на развитие некоторых отраслей биологической науки в нашей республике.

Физиология горного климата — наука о том, как влияет на человека пребывание в горах. Освоение и изучение горных районов двинулось в последние годы вперед с исключительной силой. Не приходится удивляться тому, что самый термин «биохимия горного климата» — родился в нашей республике. Об этой близкой мне отрасли биохимической науки я и расскажу¹.

28 августа 1923 года под руководством известного ученого и страстного спортсмена Г. Н. Николадзе восемнадцать грузинских горвосходителей достигли вершины Казбеги; и эта дата считается началом зарождения советского альпинизма. Грузия стала колыбелью альпинизма не случайно. Одним из первых восхождений, известных в истории, является восхождение грузина-горца Иосифа на Казбеги в середине XVIII века.

Но в данной статье я буду говорить не о самих высотах, а о том, что происходит с человеком в горах.

«Человек в горах» — это звучит как заголовок приключенческого кинофильма. А между тем нет ничего обыденнее этого понятия для значительной части населения нашей Родины, проживающей в горах. Любопытнее всего, что многие даже и не подозревают, что они живут в «особых условиях». Дело в том, что горный климат — понятие очень растяжимое. И хотя конечной, высшей географической точкой горного климата ученые единогласно считают Джомолунгму — 8848 метров над уровнем

морья (редкий случай полного единогласия между географами всех стран) — относительно начальной точки мнения расходятся. Представители научной медицины считают, что горный климат начинается уже с 500 метров над уровнем моря. Допустим, что это так, и будем считать низкими горы с 500 до 1000 метров над уровнем моря, средними — от 1000 до 2000 метров и высокими — выше 2000 метров, рискуя вызвать снисходительную улыбку наших горвосходителей. В самом деле, 500 метров над уровнем моря дают право почти каждому пятому гражданину Советского Союза считать, что «человек в горах» — это именно он. И ни один врач не станет возражать ему.

Тот, кто бывал в Тбилиси, знает, что в летнюю жару тысячи жителей города устремляются на верхнее плато фуникулера, наслаждаясь здесь не только великолепным видом, но и чистотой, свежестью и прохладой воздуха. Казалось бы, разница в высоте над уровнем моря, преодолеваемая при этом, невелика — каких-либо 200-300 метров. Но уже в вагончике фуникулера или подвесной канатной дороги многие чувствуют, что у них «закладывает» уши и меняется дыхание. В чем же заключаются эти «особые условия»? Что такое «климат» и в чем отличие горного климата?

Дело в том, что пребывание в горном климате действительно ставит человека в особые условия.

Как известно, давление воздуха с высотой уменьшается. Особенно важен тот факт, что при понижении атмосферного давления с высотой уменьшается содержание в воздухе кислорода. Ниже мы увидим, какую роль играет это обстоятельство в воздействии гор на человеческий организм.

Далее, в горах с высотой увеличивается и интенсивность солнечного облучения

¹ В статье использованы труды Т. П. Пичхая, В. Г. Кунчулия, О. В. Кекеладзе и других специалистов, занимающихся биохимией горного климата.

чения. Большое значение имеет тот факт, что солнечный свет здесь богат коротковолновыми, ультрафиолетовыми лучами. Из общего количества солнечной энергии, достигающей земной поверхности, доля энергии ультрафиолетовых лучей составляет только один процент.

Однако это ничтожное количество ультрафиолетовых лучей играет огромную роль в жизни организмов. Если количество ультрафиолетовой радиации снижается, это тотчас же сказывается на живых существах.

В нашей коже находится вещество, называемое эргостерином. Под влиянием ультрафиолетовых лучей оно превращается в витамин Д. Этот витамин способствует усвоению солей кальция, необходимых для развития скелета. Кости, лишенные кальция, теряют прочность, делаются гибкими, легко искривляются. Как известно, это и есть признаки рахита — детского заболевания, характерного для жителей северных стран, а также больших городов, бедных солнцем.

Под влиянием ультрафиолетовых лучей происходит изменение физико-химических свойств крови. В горах это благотворное действие солнца усиливается.

Прохлада и свежесть воздуха в горах известны всем. Понятно, что прохлада является следствием понижения температуры воздуха с высотой. Ну, а свежесть? Тут большую роль играет степень ионизации горного воздуха. Что же это такое?

Долгое время воздух считали абсолютным непроводником электричества. Только 60 лет назад было установлено присутствие в атмосфере особых носителей электрических зарядов — атмосферных ионов, через посредство которых и осуществляется электрическая проводимость воздуха.

В атмосфере ионы образуются в результате действия ряда факторов, называемых ионизаторами.

Различают несколько видов ионов. Электропроводность воздуха зависит почти исключительно от так называемых легких аэроионов — электронов. Они отличаются наибольшей скоростью передвижения в электрическом поле. Легкие ионы оседают на различных материальных частицах — пылинках, каплях тумана и т. п., которые постоянно присутствуют в воздухе. В результате образуются тяжелые ионы. Они представляют собой соединения большого количества молекул и значительно менее подвижны. Обычно преобладают положительные ионы. На горных же курортах число легких ионов в одном кубическом сантиметре в большинстве случаев превышает тысячу и даже достигает двух-трех и более тысяч.

При этом на многих курортах было обнаружено преобладание отрицательных ионов. Особенно резкое преобладание их в атмосфере наблюдалось в горах вблизи от водопадов и рек.

Очевидно, большое количество отрицательных ионов в горном воздухе обусловливается его физическим составом — большой разреженностью и меньшей запыленностью.

В этих условиях отрицательные ионы сохраняются в воздухе более длительное время, не оседая и не нейтрализуясь. Их влияние на организм может быть самым разнообразным. Отрицательно ионизированный воздух в противоположность положительно заряженному благоприятно влияет на организм и может быть использован как лечебное средство. Под влиянием отрицательных аэроионов снижается кровяное давление (особенно у больных гипертонией), улучшается состав крови, увеличивается поглощение кислорода, дыхание делается реже, спокойнее, улучшается функциональное состояние нервной системы, увеличивается работоспособность, появляется чувство бодрости и т. д. И наоборот, под влиянием положительных аэроионов кровяное давление повышается, учащается дыхание, появляется чувство разбитости и усталости, иногда головная боль, тошнота.

Большинство ученых склонно полагать, что действие аэроионов сводится, главным образом, к возбуждению жизнедеятельности организма (преимущественно нервной системы) и к повышению его защитных функций. Несомненно также, что аэроионы способны вызвать и более глубокие изменения в составе крови и в деятельности кровеносной и лимфатической систем.

Один из альпинистов так описывает свое восхождение на Казбег: «У подножия вершины мы останавливаемся, чтобы подождать отставших. Голова слегка начинает кружиться; сердце стучит учащенно; закрадывается сомнение в своих силах; ведь дальше разреженность атмосферы будет чувствоваться все больше и больше». В этих словах правильно указана основная причина горной болезни — недостаток кислорода, который всегда ощущается на горных высотах в связи с разреженностью атмосферы.

В чем проявляется горная болезнь? Этим проявлений много, они возникают на различных высотах и по-разному. Чаще всего все более и более затрудняется дыхание, начинается головная боль, появляется безразличие ко всему, стук в висках, теряется аппетит и даже возникает тошнота, а иногда и рвота. резко меняется вкус. На больших вы-

сотах сердце начинает биться неравномерно; его сокращения то ускоряются, то замедляются. В некоторых случаях кровообращение нарушается, появляются отеки на ногах, перебои пульса. В таких случаях большого необходимо немедленно отправить вниз.

На очень больших высотах меняется даже поведение человека. Снижается глазомер, ослабляются зрение и слух, расстраивается точность движений, что часто таит в себе угрозу несчастных случаев. «Я потерял способность управлять своими движениями и полетел вниз, потому что я осмелился на прямой спуск, вместо того, чтобы прибегнуть к благоразумному спуску по диагонали. Странно подумать, что в тот момент я не испытывал никакого страха, но просто чувство полной отрешенности и вялости. Эта отрешенность от жизни, эта усталость — сколько раз мы испытывали их на горных высотах, где человеческий характер подвергается серьезному изменению», — пишет один из участников английской экспедиции на высочайшую вершину мира — Джомолунгму (Эверест).

С такими настроениями помогает бороться коллектив, твердая выдержка, вера в свое дело, готовность к упорной борьбе, что из года в год доказывают замечательные достижения советских альпинистов.

Даже на высоте трех-четырёх тысяч метров над уровнем моря часто наблюдается состояние, напоминающее легкое опьянение алкоголем: возбуждение, оживленная жестикуляция, необоснованный смех, иногда и наклонность к ссорам. Так сказывается на нервной системе небольшое кислородное голодание. Особенно заметно это бывает на людях, непривычных к горам. Нечто похожее на горную болезнь может наблюдаться даже на меньших высотах, особенно у людей с большим сердцем. В местностях, расположенных на высоте от 1000 до 2000 метров над уровнем моря, некоторые приезжие жалуются, главным образом, в первые дни на чувство усталости, сонливость, а иногда и на головные боли, особенно после усиленной ходьбы и другой мышечной работы. Обычно, через несколько дней после того, как организм приспособится к горным условиям, эти явления исчезают.

Таковы общие черты горного климата. Но нет ли среди них главной, резко отличающей этот климат и свойственной только ему? Есть, и мы намеренно оставили ее напоследок. Эта черта горного климата особенно четко проявляется при восхождениях на большие высоты.

Конечно, солнечная радиация здесь куда более сильна, чем на уров-

не моря. Конечно, сильные ветры, бураны, туманы здесь обычное явление. Но со всеми этими явлениями — если не вместе, то в отдельности — можно встретиться не только в высокогорьях, но и в низинах. Сложные климатические условия, трудный путь, отвесные скалы существуют и на высотах, не превышающих подчас и тысячи метров. Солнечная радиация, богатая ультрафиолетовыми лучами, действует на нас и на берегу моря. Есть, однако, характерная черта, которая не встречается нигде, кроме больших гор, — это сама высота. Высота характеризуется прежде всего пониженным атмосферным давлением, а вместе с тем и пониженным парциальным давлением кислорода (т. е. той частью давления смеси газов атмосферы, которая обуславливается входящим в нее кислородом). Последнее изменяется в пределах горных высот в точном соответствии с изменением атмосферного давления, поскольку содержание кислорода в смеси газов, составляющих воздух, остается на таких высотах неизменным — около 21 процента.

Парциальное давление кислорода представляет величину, жизненно важную для организма. Существующее легкими и сердечно-сосудистой системой, снабжение тканей организма необходимым для их существования кислородом зависит от того, насколько полно происходит насыщение крови этим газом. Степень же насыщения крови кислородом определяется его парциальным давлением.

А как ведет себя сердечно-сосудистая система человека в горах? Этот вопрос интересовал многих ученых. О деятельности сердечно-сосудистой системы легче всего судить по величине пульса и кровяного давления. Можно считать установленным, что активное восхождение на высоту, связанное с мышечной работой, почти всегда ведет к повышению и частоты пульса и кровяного давления. Особенно это заметно у людей мало тренированных. Если же для подъема (правда, не выше 5000 метров) воспользоваться автомобилем или другим средством передвижения, то пульс и кровяное давление могут не изменяться. Но даже учатившийся пульс и поднявшееся кровяное давление, на высотах не более пяти тысяч метров, уже в течение первой недели войдут в норму. Обычно считают, что основным фактором, влияющим на сердечно-сосудистую систему в горах, является недостаток кислорода во вдыхаемом воздухе. Не исключается, однако, что здесь играют роль и другие факторы, вроде колебаний барометрического давления, солнечных лучей, влажности и особенно степени ионизации воздуха.

Гемоглобин, содержащийся в красных кровяных шариках — эритроцитах, у всех позвоночных животных и человека — очень важное вещество; недаром врачи всегда следят за содержанием этого сложного белка в крови. Жизнь человека без дыхания невозможна, а гемоглобин — дыхательный пигмент, выполняющий роль переносчика кислорода из легких в ткани и участвующий в переносе углекислого газа из тканей в легкие.

Роль гемоглобина в крови действительно велика. Конечно, кровь может переносить кислород просто в растворенном виде, не связав его с гемоглобином, но в таких небольших количествах, что ткани просто задохнулись бы от недостатка кислорода. Поэтому очень важно поддерживать уровень гемоглобина в крови на должной высоте.

Но как поступить, если в крови гемоглобина мало? Имеется много способов его повышения, которые может указать врач. Пожалуй, самый популярный из них — поездка в горы.

Любопытный факт: в разреженной атмосфере — в горах, особенно на больших высотах (выше 3000 метров над уровнем моря) — скорость образования гемоглобина резко повышается. Это легко понять. Гемоглобин — переносчик кислорода в крови. Когда организм начинает испытывать недостаток кислорода (а в разреженном воздухе его мало) наше тело мобилизует все возможности, чтобы компенсировать эту недостаточность.

Не надо, однако, в погоне за гемоглобином стремиться попасть на слишком большие высоты. Если почти каждый человек (за исключением сердечных больных) переносит безнаказанно пребывание на высотах до 2000 метров над уровнем моря, то на высоте 4000 метров и выше хорошее самочувствие наблюдается только у тренированных спортсменов или у местных жителей; у большинства остальных людей уже на этих высотах могут проявиться грозные признаки «горной болезни». Поэтому «добывать» гемоглобин рекомендуется на высотах около 1000 — 1500 метров над уровнем моря; он повышается и здесь (в силу сказанных выше причин), хотя и более медленными темпами, зато не в ущерб здоровью.

Здесь необходимо сделать еще одну оговорку. То, что содержание гемоглобина в крови человека начинает повышаться после перехода в горные условия (даже на умеренной высоте), — это факт, установленный твердо. Но все же нет правил без исключения. И вот оказывается, иногда в горах гемоглобин крови может не только повыситься, но даже снизиться. Это тоже факт, причем более трудно объяснимый, чем повыше-

ние гемоглобина. Давно уже известно, что у жителей Явы на высоте 2000 метров (и даже 3000) количество эритроцитов и гемоглобина снижено по сравнению с жителями низменности. А советские ученые совсем недавно описали случаи, когда в Киргизии при восхождении на высоту 4300 метров наиболее выносливыми оказывались люди с небольшим содержанием эритроцитов и гемоглобина.

Как объяснить это? Скорее всего различием климатических условий в различных горных местностях и, главным образом, различиями в физиологическом состоянии людей, проживающих в горах. Так, например, по данным советских ученых есть основания полагать, что в горах Киргизии у значительной части населения изменена деятельность очень важного органа — щитовидной железы, притом таким образом, что при этом несколько тормозится работа фабрики крови — костного мозга, во всяком случае, в условиях средних высот.

Научное объяснение этого явления заключается, предположительно, в следующем. Из всех органов нашего тела самым чувствительным к недостатку кислорода является мозг, особенно тогда, когда его раздражает особое вещество (гормон), вырабатываемое щитовидной железой. Когда деятельность этой железы понижена (а это и наблюдалось в горах Киргизии), мозг становится менее чувствительным и «управляемый им» весь организм — более устойчивым к недостатку кислорода на высотах. А отсюда можно сделать общий вывод, заключающийся в том, что каждый организм приспособляется к недостатку кислорода по-своему, и этим можно объяснить индивидуальные различия в устойчивости к высотам.

На вооружении каждой клетки нашего тела (и любого живого существа), находится целый арсенал самых разнообразных ферментов, осуществляющих химические процессы обмена веществ в удивительной согласованности друг с другом. Но «горная болезнь», нарушающая нормальное течение этих процессов, ломает эту согласованность, изменяя деятельность ферментов. Естественно, что ученые давно уже проявляют интерес к изучению ферментов, как показателей состояния организма.

Что же происходит с ферментами крови в горах? На это можно дать общий ответ: как правило, в среднегорье активность большей части ферментов повышается, на больших высотах — подавляется.

Некоторые ферменты крови (и тканей) удивительно быстро меняют активность, приспособляясь к новым воздействиям на организм. Так, например,

фермент угольная ангидраза, ведающий удалением из организма вредного для него избытка угольной кислоты, на больших высотах резко повышает активность. Так же быстро в условиях высокогорья повышается и активность другого фермента крови — каталазы, обезвреживающей вредную для организма перекись.

Не будем пока останавливаться на многих других составных частях крови (сахар, молочная и пировиноградная кислоты, жироподобные вещества и др.), которые, как в зеркале, отражают изменения в состоянии организма в условиях высокогорья. Главной неприятностью, подстерегающей нас здесь, является «горная болезнь».

Как справиться с ней?

В основе возникновения этой болезни лежит кислородное голодание. Значит, для предупреждения этого заболевания человеку прежде всего нужен кислород. Есть особый кислородный прибор. Через него человек вдыхает карбоген: смесь из 95 процентов кислорода и 5 процентов угольной кислоты. Это действительно прекрасное средство не только для лечения, но и для предупреждения горной болезни. Им пользуются, например, на самолетах. Но горовосходителям очень трудно нести на себе тяжелый кислородный прибор, тем более, что чрезмерная мышечная работа в свою очередь способствует проявлению горной болезни. Поэтому наиболее рациональным оказалось идти по пути повышения способности организма приспособляться к новым для него высотным условиям, или, как принято говорить, акклиматизироваться.

Это осуществляется путем тренировки в барокамерах — камере со специальным оборудованием, позволяющим создавать в ней пониженное барометрическое давление и недостаток кислорода, то есть воспроизводить условия, приближающиеся к тем, которые имеются на больших высотах.

В таких барокамерах были сначала поставлены (и ставятся) самые разнообразные опыты на животных. С их помощью удается разрешать многие вопросы, которые недопустимо решать на человеке.

Но здесь приходится соблюдать особую осторожность. Данные, полученные на животных, нельзя сразу механически переносить на человека. Поэтому эти данные подвергаются многократной и разнообразной проверке на различных животных и только затем уже испытываются на человеке.

Во многих случаях советские ученые проводят такие испытания прежде всего на себе. Еще лет тридцать назад группа молодых советских ученых прожила пять суток в барокамере, изучая на себе действие больших высот на организм человека. Во время этих опытов были по-

лучены интересные результаты. Позволяющие в совокупности с другими данными разработать способы борьбы с кислородным голоданием. Но в барокамере не приходится подниматься по крутым, ледовым и снежным склонам, лазить по скалам с тяжелым грузом, нет в ней снежных бурь, сильного ветра и других трудностей, преодолевать которые приходится альпинистам. Поэтому необходима тренировка в естественных горных условиях, которая может дать прекрасные результаты. Мы уже говорили о том, что в этих условиях химия крови (и других тканей) претерпевает определенные изменения. Оказалось, что эти изменения очень сходны с теми, которые вызывает мышечная работа. В крови человека, попавшего даже в среднегорную полосу (не говоря уже о высокогорье), повышается содержание молочной и пировиноградной кислот, снижается резервная щелочность. Организм как бы не успевает окислить питательные вещества, полностью извлечь заключающиеся в них запасы энергии и выбрасывает такие недоокисленные вещества. Причиной такого расточительства служит то обстоятельство, что уже на умеренных высотах (1 500—2 500 метров над уровнем моря) снабжение тканей и органов кислородом несколько ухудшается; ведь атмосфера обедняется здесь содержанием кислорода.

Все это наблюдается уже в состоянии покоя. А мышечная работа в горах вызывает еще более выраженные изменения в химизме крови и органов, еще более глубокую перестройку организма.

Что же это — хорошо или плохо? Очень хорошо, — отвечают физиологи, потому что организм вынужден приспособиться к выполнению мышечной работы в условиях некоторого недостатка кислорода; его работоспособность при этом настолько повышается, что после возвращения в условия равнины он может успешно выполнять гораздо большую работу. Эти наблюдения и легли в основу широко применяемой у нас теперь тренировки спортсменов в Бакуриани и других горных местностях. Конечно, такая тренировка требует большой осторожности. Сразу по прибытии в горы спортсмен не сможет вынести ту мышечную нагрузку, что и на равнине; он должен акклиматизироваться (около двух недель).

Неужели же здесь действует правило: «Чем хуже — тем лучше»? — спросит читатель.

Дело в том, что при тренировке в горах организм спортсмена ставится во все более трудные условия вследствие нарастания сдвигов в химизме крови и др. Приспособившись к работе в условиях кислородной задолженности, организм становится более выносливым к

исполнению интенсивной работы, и вдыхание кислорода может в этом случае свести на нет весь эффект горной тренировки. А этот эффект чрезвычайно полезен для всего организма. Та недостаточность кислорода, которая возникает в горах в результате несоответствия между потребностью в кислороде и фактическим его потреблением, в конечном счете приводит к усилению и углублению дыхания и интенсификации работы сердца, к увеличению поступления из печени в кровь сахара — этого основного источника энергии — и, следовательно, создает лучшие условия для снабжения основных тружеников нашего тела — нервной системы, сердца и мышц. С особенной наглядностью действует в горах закономерность, заключающаяся в следующем правиле: чем интенсивнее идет расщепление источников энергии при работе, тем интенсивнее восстановление и «сверхвосстановление» этих источников (конечно, в известных пределах). Организм проходит в горах своеобразный курс усовершенствования, в результате которого приходит в состояние большей готовности к работе. Вспомним, что эти благоприятные сдвиги быстро исчезают после спуска с гор. Однако в наших силах закрепить их постоянной тренировкой уже в условиях равнины.

А нельзя ли обойтись без путешествия в горы и путем тренировок на равнине добиться тех же изменений, которые наступают в горах? На этот вопрос даже самый страстный поклонник гор вынужден будет ответить: «Конечно, можно». Добавим, однако, что усовершенствование окислительно-восстановительных процессов во время пребывания в горах происходит более усиленно и в более короткий срок. Тренировка в горах — самый «экономный» способ повышения силы и выносливости спортсменов. Конечно, речь идет о сравнительно умеренных высотах — не больше 2 500 метров над уровнем моря. Что касается альпинистов, то они «не брезгают» и тренировкой в настоящем высокогорье, притом не без пользы для себя. Но широким массам спортсменов рекомендуется тренировка в таких горных местах, как, например, Вакуриани (1 700 м). Даже одно только пребывание в горах, если оно сопровождается дозированным облучением горным солнцем, ведет к той же цели, хотя и в меньшей степени. Большое значение имеет и характер питания в горах. Изменяя питание, можно воздействовать на обмен веществ в организме человека так, чтобы облегчить приспособление его к климатическим условиям высокогорья. На больших высотах чаще всего приходится считаться с потерей аппетита или, во всяком случае, с его снижением. А это очень важный фактор, и вот почему. Ведь горвосходи-

тели не только совершают подъем в исключительно трудных условиях; они еще несут на себе значительный груз (до 25-30 килограммов). Здесь весьма трудно вспомнить, что среди зарубежных альпинистов широко распространена практика использования профессиональных проводников и носильщиков, которые, неся на себе основные трудности восхождения, фактически являются победителями вершин. Как известно, один из таких носильщиков-горцев шерп Тенсинг вместе с альпинистом Хиллари первым ступил на вершину Джомолунгмы — высочайшей горы на нашей планете. Не так давно этот «тигр снегов» гостил у нас в Тбилиси.

Итак, участники высотных восхождений затрачивают большое количество энергии даже при спуске, не говоря уже о подъеме. Как покрыть эти затраты, как сделать, чтобы питание горвосходителя удовлетворяло бы первому и основному требованию — было достаточным.

Калорийность пищи, потребляемой горвосходителями, должна быть достаточной для покрытия энергетических затрат. Каковы же эти затраты? Обычно считается, что величина их при подъеме колеблется от 600 до 800 больших калорий в час; если восхождение продолжается не более 8 часов, это составит примерно 5 000—6 000 калорий в сутки. Казалось бы, решить задачу очень просто — подготовить суточный рацион такой калорийности, который может покрыть эти энергетические затраты. Но попробуйте принять такое количество пищи, когда у вас нет аппетита. А начиная с 4 000 метров над уровнем моря, приходится считаться с тем обстоятельством, что аппетит альпиниста начинает ухудшаться, причем, на больших высотах дело доходит до того, что «съесть» 3 000 больших калорий в сутки можно только с большим трудом.

Как бороться с потерей аппетита на больших высотах? Прежде всего подбором такой пищи, которая не вызывала бы отвращения и была бы аппетитной и в этих условиях, — это икра, рыбные консервы с острыми, кислыми приправами, обезжиренная ветчина, кислые незрелые яблоки.

Важнейшей, незаменимой составной частью пищи человека являются белки. Если их недостаточно в пище или они неполноценны, это может привести к белковому голоданию, что чревато тяжелыми последствиями для организма.

Мы уже упоминали, что пребывание на больших высотах даже в состоянии покоя предъявляет к организму требования, сходные с условиями мышечной работы. Эти требования усугубляются при выполнении в горах работы (восхождения и др.). Так вот, многие белки

способствуют ускорению восстановительных процессов после тяжелой мышечной работы.

Казалось бы, решение вопроса в том, чтобы давать альпинисту достаточное количество белков, страхует организм от возможностей недостаточности их.

Биохимики доказали неправильность такого вывода, установив, что на больших высотах деятельность различных ферментов как бы тормозится, в результате этого в крови накапливаются вещества, которые являются продуктами распада белков и снижают выносливость организма к большим высотам. Интересно, что предварительная тренировка, как это было установлено советскими учеными, до известной степени предотвращает накопление в организме упомянутых выше веществ.

Таким образом, количество белков в питании альпиниста должно быть достаточным, но не избыточным.

Может быть, огромные затраты энергии, которые приходится совершать людям при высотных восхождениях, можно покрывать за счет жиров? В самом деле, при подъемах альпинисты по самому скромному подсчету затрачивают вдвое больше энергии, чем человек, занимающийся тяжелым физическим трудом; а жиры обладают высокой энергетической ценностью (1 грамм жира при окислении в организме дает 9,3 больших калорий, против 4,1 больших калорий, образующихся при окислении такого же количества белков или углеводов). Казалось бы, можно рекомендовать максимально увеличить долю жиров в суточном рационе альпиниста.

Биохимики удалось внести ясность и в этот вопрос. Оказалось, что пребывание в барокамере с «подъемом» на высоты больше 4000 метров неизменно ведет к повышению в крови и к появлению в моче так называемых кетонových тел и при этом в тем большей степени, чем на большую высоту совершается «подъем».

Кетоновые тела накапливаются главным образом в результате нарушения нормального окисления в организме жиров (вернее, входящих в состав жиров кислот). Эти-то кетоновые тела и служат одной из причин возникновения горной болезни, так как действуют на организм отравляющим образом. Отсюда практический вывод: альпинисты, поднимающиеся на большие высоты (5000 метров и выше), не должны потреблять большого количества жиров.

Этому способствует и практический опыт советских альпинистов; большинство из них отмечает, что жиры на больших высотах вызывают отвращение. Однако в местностях, расположенных не выше 4000 метров (например, в альпинистских лагерях), содержание жиров

в суточном рационе можно довести до 150 граммов.

В горах усиливается потребность организма в углеводах. Чем больше работа и мышечная работа, и пребывание на больших высотах (и особенно их сочетание при горвосхождениях) ведут к снижению уровня сахара в крови. Собственно говоря, в данном случае хотя и расходуются запасы углеводов в организме, но главная причина не в этом, а в своего рода отклонении работы «управленческого аппарата» нашего тела, ведающего мобилизацией и использованием углеводов.

Как известно, главной химической лабораторией нашего тела является печень. Этот орган выполняет «по совместительству» и другую функцию: служит основным складом для сахара, который откладывается здесь в виде особого углевода — гликогена. Крупная молекула этого углевода, распадаясь, образует много частиц виноградного сахара — глюкозы, которая, наряду с обычным сахаром, является особо ценным источником энергии для нашего организма.

Очень интересно (это было выяснено специальными исследованиями), что достаточно ввести в желудок немного сахара, чтобы почти сейчас же уровень его в крови резко повысился. Чем объяснить это? Ведь сахар еще не успел всосаться в кровь. Объяснение очень простое. Сахар является мощным раздражителем особых нервов — рецепторов желудка. Благодаря этому «появлению» сахара в желудке тотчас сигнализируется по нервным путям в кору головного мозга, а оттуда поступает сигнал в печень; пользуясь военной терминологией, такой сигнал можно расшифровать, как «идет пополнение». И, получив этот сигнал, печень тотчас же приступает к разбору складских запасов: гликоген расщепляется, и частички глюкозы наводняют кровь, которая разносит сахар к работающим органам. Благодаря этому, введением в организм небольшого количества сахара можно быстро пополнить энергетические ресурсы организма, усилить мобилизацию их и повысить работоспособность горвосходителя.

Но это не значит, что альпинист может заменить питание при восхождении частым приемом очень малых количеств сахара. Хотя прием даже такого ничтожного количества, как один грамм сахара, может в определенных условиях рефлекторно вызвать отдачу печени сахара в кровь, этим злоупотреблять нельзя. Ведь такая подача сахара может быть уподоблена постоянному подстигиванию кнутом печени, отдающей, но не пополняющей при этом своих углеводных запасов. Правда, эти запасы довольно значительны. Организм может откладывать про запас 300-400 грам-

мов углеводов в виде гликогена, главным образом, в печени, а также в скелетных мышцах. У хорошо тренированных горвосходителей (и других спортсменов) эти запасы могут достигать 600 граммов. При восхождении на высоты, превышающие 5000 метров над уровнем моря, организм нуждается в 200-250 граммах сахара в сутки. Съедать этот сахар надо не сразу, а небольшими порциями по 1-2 кусочка каждый час. Введение в организм большого количества углеводов, особенно глюкозы, оказывает, как говорят, «антикетогенное» действие, то есть быстро устраняет накопление тех вредных для организма кетоновых тел, которые образуются в организме на больших высотах.

В горах наблюдается интересное явление: углеводы здесь усваиваются лучше, чем на равнине. Попробуйте съесть сразу 150 граммов глюкозы в равнинных условиях и пошлите мочу на анализ: лабораторное исследование обнаружит в ней сахар, которого в моче не должно быть. А вот на вершине Казбеги можно проглотить вдвое большее количество глюкозы; организм усвоит это количество полностью. Это «повышение выносливости к глюкозе» в горных условиях — еще один довод в пользу использования углеводов и, в частности, сахара в качестве главного энергетического материала в питании горвосходителей.

Из всего этого следует, что углеводы по праву занимают в рационе горвосходителя почетное место. На долю их падает обычно две трети (по весу) суточного пайка питательных веществ.

Мышечная работа на больших высотах может резко снижать работоспособность. В этом случае организму необходима «скорая помощь». Лучшим видом такой помощи является прием таблеток глюкозы (еще лучше, с витамином С) или кислых леденцов, изюма, шоколада на легкоплавких жирах. Запас таких легко усваиваемых продуктов горвосходитель должен всегда иметь при себе. Поэтому такое питание получило название «карманного».

Что касается общего количества углеводов в суточном пайке, то все специалисты придерживаются единого мнения в одном отношении: углеводов должно быть во много раз больше, чем белков и, особенно, жиров. В остальном — мнения несколько расходятся. Здесь большую роль играет снижение аппетита до полной потери его на больших высотах. Альпинист-высотник просто не в состоянии употреблять пищу такой высокой калорийности, которая покрывала бы энергетические затраты организма при подъеме на очень большие высоты.

На высотах более 4000 метров над

уровнем моря альпинисты легко теряют в весе (до 10 кг после недельного похода). Некоторую роль играет отсутствие или снижение аппетита, но главной причиной потери веса является выделение воды из организма. По возвращении с гор потери веса восстанавливаются сравнительно скоро.

Полностью предотвратить потерю веса на больших высотах практически не удастся. Но свести его к минимуму можно, соблюдая правильной питьевой режим и включая в паек такие продукты, которые в горах люди едят охотно.

Из напитков можно рекомендовать горячий чай, кофе, супы, витаминизированные напитки. Что касается пищевых продуктов, то горвосходители часто берут икру, ветчину (нежирную), копченую рыбу, печень, яйца, кислые конфеты, фрукты.

В заключение остановимся на том, как биохимики решают некоторые вопросы, касающиеся жизни в горах (к нам часто обращаются с этими вопросами).

Какой характер должно носить питание на умеренных высотах (до 2500 метров над уровнем моря)?

Пребывание на таких высотах небезразлично для организма. Изменения, наблюдающиеся при этом в организме, имеют сходство с теми, которые вызывает мышечная работа в условиях низменности. Наше тело как бы не успевает окислять питательные вещества, полностью извлечь заключающиеся в них запасы энергии и выбрасывает такие недоокисленные вещества. Причиной этого служит то обстоятельство, что уже на умеренных высотах (до 2500 м над уровнем моря) снабжение тканей и органов кислородом несколько ухудшается; ведь атмосфера беднее здесь содержанием кислорода.

Все это наблюдается уже в состоянии покоя (и особенно в первые дни после перехода в условия гор). Но, если заняться в горах мышечной работой (особенно тяжелой), произойдет еще более глубокая перестройка организма.

Эти сдвиги индивидуально весьма различны. Они едва выражены в теле молодого, здорового, хорошо тренированного спортсмена или рабочего, занимающегося физическим трудом, и более заметны в организме мало тренированных людей, не отличающихся крепким здоровьем. Поэтому характер питания также должен быть строго индивидуализирован.

Можно ли использовать «высокогорье» для лечения больных сахарным диабетом, исходя из того, что пребывание в горах ведет к снижению сахара в крови?

Имеется ряд наблюдений, свидетельствующих о том, что в горах (особенно на больших высотах) действительно наблюдается снижение сахара в крови

даже в условиях относительного покоя. Но этого одного для лечения больных сахарной болезнью недостаточно по ряду причин. Назовем хотя бы одну из них. В настоящее время особое внимание обращено на то, что помимо основного симптома сахарного диабета — расстройств углеводного обмена (с повышением сахара в крови), — наблюдается расстройство и других видов обмена: жирового, азотистого, водного.

При всем том, на горных курортах умеренной высоты, (например, в Боржоми, расположенном на высоте 800 метров над уровнем моря) с успехом лечат больных сахарным диабетом; но здесь имеются и другие благоприятные условия — хорошо налаженный диетический режим и замечательная минеральная вода.

Больных сахарным диабетом можно в наше время с успехом лечить всюду. Можно согласиться с тем, что их «выгодно» лечить в горах, но только умерен-

ной высоты и там, где имеются соответствующие условия.

И еще один вопрос. Слава такого горноклиматического курорта, как Абастумани (1300 метров над уровнем моря), давно перешла за рубежи Советского Союза. А наша республика имеет множество «Абастумани», пока еще мало используемых медициной.

Чем помогла биохимия в деле лечения в горах больных туберкулезом?

Конечно, больных туберкулезом можно с успехом лечить всюду. Но биохимия доказали, что лечение в горах идет эффективнее, для этого требуются меньшие дозы антибиотиков, хирургические операции в условиях Абастумани протекают намного успешнее, чем в низине; успеху лечения в горах помогает соответственное питание.

Главное же заключается в том, что химия сумела перевести на язык точных и строгих формул многое из того, что происходит в организме человека, находящегося в условиях гор.

Подписано к печати 27 июля 1963 г. 6 печ. листов + I вкл.
Формат бумаги 70 × 108^{1/16}.

Заказ № 834

Тираж 2500

УЭ 11904

Цена 40 коп.

Рукописи объемом менее авторского листа не возвращаются

ჟურნალი „ლიტერატურნაია გრუზია“
(რუსულ ენაზე)

საქართველოს საბჭოთა მწერლების კავშირის გამომცემლობა „ლიტერატურა და ხელოვნება“

Типография издательства ЦК КП Грузии «Заря Востока» им. А. Ф. Мясникова,
Тбилиси, проспект Руставели, 42.

Цена 40 коп.

6³¹/227

ИНДЕКС

76117

საქართველოს
ბიბლიოთეკა